

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2025 • Т. 16 № 3

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 – 81006 от 30 апреля 2021 г.
и ЭЛ № ФС 77 – 63932 от 9 декабря 2015 г. (онлайн)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина
МГИМО (Россия, Москва)

ШЕФ-РЕДАКТОР

Максим Александрович Сучков
МГИМО (Россия, Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Софья Константиновна Бабкина
МГИМО (Россия, Москва)

Председатель

Андрей Анатольевич Байков
МГИМО (Россия, Москва)

Татьяна Александровна Алексеева
МГИМО (Россия, Москва)

Вячеслав Яковлевич Белокреницкий
Институт востоковедения РАН (Россия, Москва)

Алексей Демосфенович Богатуров
Россия, Москва

Айше Дитрих
Ближневосточный технический университет
(Турция, Анкара)

Александр Жэбит
Федеральный университет (Бразилия, Рио-де-Жанейро)

Виктория Ивановна Журавлева
РГГУ (Россия, Москва)

Клаус Зегберс
Свободный университет Берлина (Германия, Берлин)

Чарльз Зиглер
Университет Луисвилла (США, Луисвилл)

Ольга Владимировна Зиневич
НГТУ (Россия, Новосибирск)

Акихиро Ивасита
Университет Хоккайдо (Япония, Саппоро)

Михаил Васильевич Ильин
НИУ ВШЭ (Россия, Москва)

Гэй Кристофферсен
Университет Джона Хопкинса, Нанкинский Центр
(США-Китай)

Айгуль Кульназарова
Университет Тама (Япония, Токио)

Виктор Лаврентьевич Ларин
Институт истории археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН (Россия, Владивосток)

Валерий Георгиевич Ледаев
НИУ ВШЭ (Россия, Москва)

Марина Михайловна Лебедева
МГИМО (Россия, Москва)

Чинтамани Махалатра
Университет имени Джавахарлала Неру (Индия)

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Максим Александрович Сучков

Софья Константиновна Бабкина

Елена Владимировна Бурдина

Дарья Павловна Абдеева

Анастасия Вячеславовна Павлова

Анастасия Арсентьевна Минина

Татьяна Яковлевна Щербак

Виктор Павлович Макаренко
ЮФУ (Россия, Ростов-на-Дону)

Василий Васильевич Михеев
ИМЭМО РАН (Россия, Москва)

Ефим Иосифович Пивовар
РГГУ (Россия, Москва)

Евгений Васильевич Попов
МГИМО (Россия, Москва)

Ли Син
Пекинский педагогический университет
(Китай, Пекин)

Леонид Владимирович Сморгун
СПбГУ (Россия, Санкт-Петербург)

Марина Вадимовна Стрежнева
ИМЭМО РАН (Россия, Москва)

Дмитрий Викторович Стрельцов
МГИМО (Россия, Москва)

Иван Николаевич Тимофеев
РСМД (Россия, Москва)

Анн де Тинги
Сьянс По (Франция, Париж)

Алишер Файзуллаев
Университет мировой экономики и дипломатии
Узбекистана (Узбекистан, Ташкент)

Ши Чиюй
Тайваньский Национальный университет,
Университет Сунь Ятсена
(Китай, Тайвань, Тайбэй)

Чжао Хуашэн
Фуданьский университет (Китай, Шанхай)

Татьяна Алексеевна Шапклина
МГИМО (Россия, Москва)

Людмила Ивановна Шерстова
ТГУ (Россия, Томск)

Джун Уилсон
Уитон Колледж; Гарвардский университет (США)

У Юйшань
Академия Синика (Китай, Тайвань, Тайбэй)

Джун Уилсон
Уитон Колледж; Гарвардский университет (США)

У Юйшань
Академия Синика (Китай, Тайвань, Тайбэй)

Джун Уилсон
Уитон Колледж; Гарвардский университет (США)

У Юйшань
Академия Синика (Китай, Тайвань, Тайбэй)

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Дмитрий Евгеньевич Волков

Журнал основан в 2009 г. С начала издания – № 58

ИНДЕКСИРОВАНИЕ

Журнал включен в международные и российские библиографические базы данных, в том числе ESCI Web of Science Core Collection, Google Scholar, ВАК, РИНЦ и другие.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 – 81006 от 30 апреля 2021 г. и ЭЛ № ФС 77 – 63932 от 9 декабря 2015 г. (онлайн)

web-page: sravpol.ru

ISSN (print) 2221-3279

ISSN (online) 2412-4990

Отпечатано в производственном отделе

Издательского дома МГИМО.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

mgimo.ru/idx/idximno.mgimo.ru

Тираж – экз.

Объем 15,3 усл. п.л. Заказ № ____

Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах, могут не совпадать с позицией редакции, учредителей в лице МГИМО МИД России и издательской группы «Юрист», а также организаций, аффилированных с авторами.

© Журнал «Сравнительная политика», 2025

© О.В. Гаман-Голутвина, 2025

© Издательская группа «Юрист», 2025

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2025 • Volume 16 № 3

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 – 81006 от 30 апреля 2021 г.
и ЭЛ № ФС 77 – 63932 от 9 декабря 2015 г. (онлайн)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Dr Oksana V. Gaman-Golutvina
MGIMO–University (Russia, Moscow)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Dr Maxim A. Suchkov
MGIMO–University (Russia, Moscow)

EXECUTIVE SECRETARY

Sofia K. Babkina
MGIMO–University (Russia, Moscow)

Chairman

Dr Andrey A. Baykov
MGIMO–University (Russia, Moscow)

Dr Tatiana A. Alekseeva
MGIMO–University (Russia, Moscow)

Dr Viacheslav Ya. Belokrenitsky
Institute for Oriental Studies, RAS (Russia, Moscow)

Dr Alexei D. Bogaturov
(Russia, Moscow)

Ayşe Dietrich
Middle East Technical University (Turkey, Ankara)

Alisher Faizullaev
University of World Economics and Diplomacy of
Uzbekistan (Uzbekistan, Tashkent)

Gaye Christoffersen
Johns Hopkins University, Nanjing Center
(USA–China, Nanjing)

Zhao Huasheng
Fudan University (PRC, Shanghai)

Dr Mikhail V. Ilyin
Higher School of Economics (Russia, Moscow)

Akihiro Iwashita
University of Hokkaido (Japan, Sapporo)

Dr Aigul Kulnazarova
Tama University (Japan)

Dr Viktor L. Larin
RAS (Russia, Moscow)

Dr Marina M. Lebedeva
MGIMO–University (Russia, Moscow)

Chintamani Mahapatra
Jawaharlal Nehru University (India)

Dr Victor P. Makarenko
Southern Federal University
(Russia, Rostov-on-Don)

Dr Vasily V. Mikheev
Institute of World Economy and International
Relations RAS (Russia, Moscow)

Dr Efim I. Pivovarov
Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)

Dr Evgeny V. Popov
MGIMO–University (Russia, Moscow)

ASSOCIATE EDITORS

Dr Maxim A. Suchkov

Sofia K. Babkina

Elena V. Burdina

Daria P. Abdeeva

Anastasia V. Pavlova

Anastasia A. Minina

Tatiana Ya. Shcherbak

Klaus Segbers

Free University of Berlin (Germany, Berlin)

Dr Tatiana A. Shakleina

MGIMO–University (Russia, Moscow)

Chih-yu Shih

National Taiwan and National Sun Yat-sen
University (China, Taiwan, Taipei City)

Dr Lyudmila I. Sherstova

Tomsk State University (Russia, Tomsk)

Dr Leonid V. Smorgunov

Saint Petersburg State University
(Russia, Saint Petersburg)

Dr Marina V. Strezhneva

Institute of World Economy and International
Relations RAS (Russia, Moscow)

Dr Dmitry V. Streltsov

MGIMO–University (Russia, Moscow)

Dr Ivan N. Timofeev

Russian International Affairs Council
(Russia, Moscow)

Anne de Tinguy

Sciences Po (France, Paris)

Jeanne L. Wilson

Wheaton College; Harvard University (USA)

Yu-Shan Wu

Institute of Political Science, Academia Sinica
(China, Taiwan, Taipei City)

Li Xing

Beijing Normal University (PRC, Beijing)

Alexander Zhebit

Federal University of Rio de Janeiro
(Brazil, Rio de Janeiro)

Dr Viktoriya I. Zhuravleva

Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)

Charles E. Ziegler

University of Louisville (USA)

Dr Olga V. Zinevich

Novosibirsk State Technical University
(Russia, Novosibirsk)

COMPUTER LAYOUT

Dmitry E. Volkov

Журнал основан в 2009 г. С начала издания – № 58

PUBLISHERS
Publishing Group "Yurist"
MGIMO–University

INDEXING

The journal is included in international and Russian bibliographic databases,
including ESCI Web of Science Core Collection, Google Scholar, Higher
Attestation Commission, RSCI and others.

web–page: sravpol.ru

ISSN (print) 2221-3279

ISSN (online) 2412-4990

Circulation __ copies.
Order No. ____.

The opinions expressed in *Comparative Politics Journal* are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editors, the editorial board, MGIMO University, Publishing Group "Yurist", or the organizations to which the authors are affiliated.

© Comparative Politics, 2025
© O.V. Gaman-Golutvina, 2025
© Publishing Group "Yurist", 2025

ТРАЕКТОРИИ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ

Постсоветский ареал
в пространстве смыслов и неоднозначных
траекторий эволюции
О.В. Гаман-Голутвина
(МГИМО МИД России, НИУ ВШЭ)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ В РАКУРСЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА: ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Крымский полуостров, Черное море
и Черноморский регион в западной
военно-политической повестке:
доктринальный уровень
*О.А. Москаленко (СевГУ),
А.А. Ирхин (КФУ имени В.И. Вернадского, СевГУ),
С.В. Юрченко (КФУ имени В.И. Вернадского),
Н.Э. Демешко (СевГУ)*

Белорусское направление
гуманитарного влияния Польши и Литвы:
сравнительный анализ
В.В. Воротников
(МГИМО МИД России)

Интеграционная повестка в официальном дискурсе
стран-участниц Союзного государства
И.В. Бахлов, О.В. Бахлова
(МГУ им. Н.П. Огарева)

Факторы укрепления российской идентичности
в Крыму и на Донбассе в контексте политики памяти
и символической политики
А.В. Баранов
(КубГУ)

МОЗАИЧНОЕ ПОЛЕ РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Когнитивные и информационные войны
в концептуальных координатах политической науки
Е.Б. Дегтярева
(МГИМО МИД России)

КНИЖНАЯ РЕЦЕНЗИЯ

Бизнес и государство:
GR в фокусе коммуникативных стратегий
И.С. Семенов
(ИМЭМО РАН)

ИНТЕРВЬЮ

с Еленой Георгиевной Понамаревой
(МГИМО МИД России)

TRAJECTORIES OF POST-SOCIALIST EVOLUTION

CONTENTS

INTRODUCTION TO THE TOPIC

4 The Post-Soviet Area
in the Space of Meanings
and Ambiguous Trajectories of Evolution
Dr. Oxana V. Gaman-Golutvina
(MGIMO University, HSE University)

POLITICAL SYSTEMS AND POLITICAL CULTURES IN COMPARATIVE ANALYSIS: THE POST-SOCIALIST SPACE

30 The Crimean Peninsula, Black Sea and Black Sea Region
in the Western Military and Political Agenda: Doctrinal Level
*Dr. Olga A. Moskalenko (Sevastopol State University),
Dr. Aleksandr A. Irkhin (V.I. Vernadsky Crimean
Federal University, Sevastopol State University),
Dr. Sergei V. Iurchenko (V.I. Vernadsky Crimean
Federal University),
Natalia E. Demeshko (Sevastopol State University)*

54 Humanitarian Influence of Poland
and Lithuania towards Belarus:
Comparative Analysis
Dr. Vladislav V. Vorotnikov
(MGIMO University)

76 Integration Agenda in the Official Discourse
of the Member States of Union State
Dr. Igor V. Bakhlov, Dr. Olga V. Bakhlova
(National Research Ogarev Mordovia State University)

106 Factors of Strengthening Russian Identity in Crimea
and Donbass in the Context of Memory Politics
and Symbolic Policy
Dr. Andrey V. Baranov
(Kuban State University)

MOSAIC FIELD OF RUSSIAN AND WORLD POLITICS

132 Cognitive and Information Warfare
in the Conceptual Coordinates of Political Science
Elizaveta B. Degtyareva
(MGIMO University)

BOOK REVIEW

154 Business and the State: GR in Focus
of Communication Strategies
Dr. Irina S. Semenenko
(IMEMO RAS)

INTERVIEW

161 with Dr. Elena G. Ponomareva
(MGIMO University)

ПОСТСОВЕТСКИЙ АРЕАЛ В ПРОСТРАНСТВЕ СМЫСЛОВ И НЕОДНОЗНАЧНЫХ ТРАЕКТОРИЙ ЭВОЛЮЦИИ

Оксана ГАМАН-ГОЛУТВИНА
МГИМО МИД России, НИУ ВШЭ

Аннотация: В статье представлен историко-политический контекст многоплановых процессов на постсоветском пространстве. В осмыслении нынешнего состояния данного ареала следует принимать во внимание исторический генезис и несовпадающую длительность нахождения различных земель в составе единого государства. Геостратегический ракурс рассмотрения предполагает признание значимости цивилизационных координат, культурных идентификаций и экономических параметров пространства, которое вбирало в себя существенно несхожие цивилизационные образования, отличавшиеся историко-политическим опытом и уровнем экономического развития. Исходным политическим пунктом при рассмотрении актуальных процессов на постсоветском пространстве обоснованно полагать принципиальное положение всех шести редакций Концепции внешней политики РФ, принятых при трех президентах РФ. В них говорится, что первостепенным приоритетом РФ является развитие сотрудничества с государствами ближнего зарубежья. Это пространство (как в прошлом, так и настоящем) – пестрое, неоднородное образование во всех измерениях, включая значительную диверсификацию внешнеполитических устремлений. Гетерогенность ближнего зарубежья столь значительна, что наиболее распространенным его определением даже спустя 30 лет после распада СССР остается идентификация через отрицание. Тем не менее, несмотря на культурно-цивилизационную и политико-культурную специфику, диверсификацию внутривнутриполитического дизайна и внешнеполитических установок ранее входивших в состав СССР стран, последние до сих пор сохраняют сходство по целому ряду важных параметров. И географически ближайший к России ареал имеет для нее огромное значение. В условиях острой конкуренции внерегиональных политических акторов за доминирование в данном регионе Россия по-прежнему располагает многочисленными конкурентными преимуществами. Во внешней политике общим знаменателем постсоветских республик является многовекторность международных ориентаций, которая означает существенный геополитический вызов для России. В ближайшие годы постсоветское пространство останется аренной острой конкуренции за ресурсы, территории, плацдармы и активы.

Ключевые слова: постсоветское пространство, ближнее зарубежье, внешняя политика, международные отношения, трансформации, геополитический плюрализм, ресурсы, многовекторность

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина – главный редактор журнала «Сравнительная политика», заведующая кафедрой МГИМО МИД России, профессор-исследователь НИУ Высшая школа экономики, заместитель председателя Общественного совета при Минобрнауки РФ, член Общественной палаты РФ и ОП Москвы, член-корреспондент РАН.

ORCID: 0000-0002-2660-481X E-mail: ogaman@mail.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76

Поступила в редакцию: 07.04.2026

Принята к публикации: 10.04.2026

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

В осмыслении нынешнего состояния постсоветского пространства следует принимать во внимание его исторический генезис и несовпадающую длительность нахождения различных земель в составе единого государства. Наиболее масштабным был территориальный охват СССР, который занимал 1/6 часть обитаемой суши; значительная часть земель входила в состав Российской империи с первой четверти XVIII в.; другие территории в XIV-XV вв. входили в орбиту Московского государства, а еще ранее – в IX-XIII вв. – были интегрированы в границы древнерусского государства Киевская Русь. Поэтому применительно к данному евразийскому поясу уместно говорить о пространстве исторической России, которая аккумулировала разновекторные влияния Европы и Азии, Востока и Запада. Расположенные здесь государства вбирали существенно отличные импульсы, исходившие от крупных геополитических образований, стремившихся доминировать здесь в различные исторические эпохи. Приоритетным было влияние Руси-России, которая, собственно, на протяжении столетий и собирала эти земли. В отдельные эпохи на сегменты этого пространства претендовали и/или проецировали влияние квазигосударственные образования Великой Степи; ближние и дальние соседи по европейскому континенту, включая Литву и тевтонов, устремлялись сюда в средние века. Позже – другие европейские государства, среди которых выделялись устойчивым стремлением доминировать Польша, Турция, Франция, неизменно – Великобритания, позже к ним присоединились США, Европейский союз, Китай. Набор субъектов внешнего влияния менялся, но неизменным оставалось их стремление вовлечь в свою орбиту не только территории собственно Руси-России, но также сопредельные (или не очень сопредельные, как в случае Великобритании) территории Российской империи/ СССР/ Российской Федерации.

Геостратегический ракурс рассмотрения предполагает признание значимости цивилизационных координат, культурных идентификаций и экономических параметров данного ареала, который интегрировал цивилизационные образования, обладавшие несходным историко-политическим опытом и уровнем экономического развития. Осознание высокой гетерогенности постсоветского пространства побуждает к поиску концептуальных оснований осмысления последствий этой неоднородности для актуальной политики. В данном поиске нельзя обойти факт двух изданий (XVIII-XIX вв. и XX в.) имперской организации ареала. В этом контексте термины «империя», «имперский» не несут никакого негативного содержания, тем более что общепризнанным фактом стала очевидная разнородность империй (о различных подходах к типологии империй см.: Миллер, 2013). Немало написано о специфике Российской и Советской империй и о том, что их общим знаменателем – несмотря на глубокую несхожесть идеологических и иных параметров – была формула «империя минус империализм», что указывало на отсутствие первостепенного признака классических империй – эксплуатации колоний в пользу метрополии. Более того, ряд условно периферийных территорий России

имели многочисленные преференции по отношению к центру. Так, Великое княжество Финляндское, которое очевидно не входило в состав ядра Российской империи, в 1809–1917 гг. обладало внушительным перечнем привилегий, включая право не служить в армии и не платить налоги. Княжество располагало особым статусом и широкой автономией, имея собственные конституционные законы, сейм, валюту (финляндская марка), армию, почту и таможенную. Финляндия сохранила шведское законодательство, лютеранскую веру и шведский язык в качестве государственного, пользуясь экономическими преференциями на российском рынке. Царство Польское в составе Российской империи с 1815 г. также имело широкую автономию – обладало собственной конституцией (до 1830-х гг.), парламентом (сеймом), отдельной армией, администрацией и гражданским кодексом, отличным от общеимперского. Эти преференции были упразднены после польских восстаний 1830–1831 и 1863–1864 годов.

Обсуждение конкретики имперского прошлого не входит в задачи данной статьи. Отметим лишь, что, будучи выстроены в формате идеократий, Российская и Советская империи совпадали в том, что центр империи выступал не реципиентом, но донором ресурсов для периферийных территорий, и рука Москвы *de facto* выполняла функции субъекта модернизации для вовлекаемых в орбиту империи территорий. Так, в СССР социальные расходы после окончания Великой Отечественной войны были наивысшими в республиках Прибалтики и Центральной Азии, где именно в данный период были созданы – иногда с нуля – институты развития. Например, система высшего образования в Казахстане была учреждена в советский период: первый вуз основан в Алма-Ате в 1927 г.

В литературе идентифицированы характеристики имперской организации власти, полезные для понимания постимперских реалий образовавшихся государств. В данном контексте отмечается отсутствие стремления многих империй к четкому согласованию внутренних границ – территориальных, политических, экономических, культурных и т.д. Это определяет преимущественно косвенную систему управления, поскольку в состав империй различного типа, как правило, входили территории с различными культурными и политическими традициями, социально-экономическими особенностями и формами организации власти. В свою очередь, это задавало неустойчивую стандартизацию и не всегда четкую унификацию отношений внутри империи, значительное влияние неформализованных отношений и связей. Еще одной заметной особенностью империй являлась специфика их включенности в международную систему: имперская власть возникала не столько из системы взаимного признания на международной арене, сколько в результате согласования границ этой власти между ее составными частями (Мелешкина & Кудряшова, 2022; Мелешкина, 2013).

Перечисленные параметры детерминируют целый ряд общих проблем национально-государственного строительства в новых политиях, которые свойственны и многим постсоветским странам. Первой из этих проблем

является необходимость консолидации границ – не только территориальных, но также политических, культурных, экономических: новым государствам приходится решать вопросы формирования жизнеспособного национального рынка, культурной унификации и стандартизации, формирования новых идентичностей. Вторая проблема состоит в необходимости преодоления неизбежно возникающей при распаде империи институциональной деградации (в первую очередь это касается формальных норм и правил, системы управления государством). Следствием является следующая сложность – преодоления неизбежного в империях разрыва между формальными и неформальными правилами и практиками организации и осуществления власти, создания универсальных и стандартизованных норм, правил и системы отношений. Естественно, перечисленные проблемы в новых политиях решаются различными путями, диверсификация которых закладывается конкретными обстоятельствами. В качестве таковых отмечаются различия между самими империями; статус территории в имперский период – принадлежность к бывшему центру империи или к периферии; специфика институциональной памяти в виде форм организации власти в бывших империях; расстановка политических сил внутри страны и характер международной среды; траектории и интенсивность внешнего влияния (подробнее см.: Мелешкина & Кудряшова, 2022; Мелешкина, 2013).

С перечисленными вызовами столкнулись и постсоветские политии, многие из которых впервые в своей истории обрели государственность после распада Советского Союза, поэтому не случайны значительные трудности и ошибки в их государственном строительстве. Если к этому добавить заинтересованность глобальных игроков в слабости вновь возникших стран и высокую степень влияния этих игроков на новые страны, то остается удивляться, что последние вообще состоялись. Заинтересованность внешних игроков в слабости новых политий была исследована ранее на примере постъюгославского пространства. Так, Д. Костовицова и В. Бойчич-Джелилович указывали на заинтересованность в слабости периферийных и полупериферийных стран со стороны многочисленных внешних акторов, включая международные организации и агентства. Слабые государства сами вовлечены в различные глобальные схемы, в том числе теневые. Осознание этих фактов открывает возможности понимания глобализации не как сугубо внешнего фактора, но как интернализованного влияния, направленного на подрыв усилий по консолидации государств. Глобализация представляла собой структурное явление, весьма далекое от хаоса и беспорядка – у него была собственная логика, в рамках которой использовались альтернативные критерии эффективности государства (Kostovicova & Bojicic-Dzelilovic, 2009). То обстоятельство, что государство плохо справляется со своими обязанностями по обеспечению общественного блага, вовсе не исключает, что оно весьма эффективно обеспечивает интересы тех локальных и глобальных акторов, которые извлекают выгоду от неформальных, нелегальных или криминальных практик. В качестве заинтересованных игроков выступают элиты слабых государств.

Ключевой интерес внешних элит в слабости новых государств заключается, во-первых, в сохранении их слабости, а во-вторых, в предотвращении их коллапса, поскольку они представляют собой систему, которую внешние акторы контролируют и с помощью которой они извлекают выгоду. Именно союз внешних игроков и местных элит определяет устойчивость слабых государств (Kostovicova & Bojicic-Dzelilovic, 2009; Austin, Berekashvili, Cheterian, et al., 2009). Впрочем, как оказалось довольно быстро, государственность некоторых из новых политий со временем превратилась в фантом.

Относительно истоков нынешнего турбулентного состояния евразийского пространства существуют различные мнения и оценки. Несомненно, постсоветское ядро Евразии не просто не могло быть обойдено нынешним всеобъемлющим мировым кризисом, но является одной из приоритетных его мишеней. Это большая тема, требующая отдельного обсуждения. Пока лишь зафиксируем ситуацию «идеального шторма», возникшего в результате наложения имеющих различный генезис линий дестабилизации. В данном контексте имеет смысл принять во внимание «глубину» источников турбулентности, выражающуюся в кризисе стратегий, практиковавшихся на протяжении последних пятидесяти-шестидесяти лет, включая кризис магистральной на протяжении этого периода установки на интеграцию отечественной экономики в европейский хозяйственный комплекс (Динамика инноваций, 2011), и *de facto* силовое уничтожение унаследованного Российской Федерацией со времен СССР энергетического сотрудничества с ведущей европейской экономикой – Германией, что составляло «становой хребет» российско-европейского сотрудничества. Возможно, эту деструкцию можно полагать элементом более широкого процесса – распада «*существовавшей с 1960-х гг. “триадной” архитектуры глобального экономического пространства: “инвестиционно-технологическое ядро” – “промышленно-ресурсная полупериферия” – “ресурсная периферия”*» (Аватков & Евстафьев 2024: 46). В свою очередь, данная дезинтеграция видится составной частью и одновременно – драйвером – распада постбиполярного миропорядка. Это крупные вопросы, требующие отдельного разговора за рамками очерково-обзорной статьи, призванной обозначить контекст актуальных процессов на постсоветском пространстве, предваряющей рассмотрение конкретных сюжетов.

Исходным *политическим* пунктом при рассмотрении актуальных процессов на постсоветском пространстве обоснованно полагать принципиальное положение всех шести редакций Концепции внешней политики Российской Федерации, принятых при трех президентах РФ – Б.Н. Ельцине, В.В. Путине, Д.А. Медведеве, (от 23 апреля 1993 г., 28 июня 2000 г., 12 июля 2008 г., 12 февраля 2013 г., 30 ноября 2016 г., 31 марта 2023 г.), касающееся приоритетов международной региональной политики РФ. В системе этих ориентиров неизменно в качестве первостепенного позиционировалось сотрудничество с государствами ближнего зарубежья, прежде всего, теми, что входят в Содружество Независимых Государств и Организацию Договора

о коллективной безопасности. Россия позиционирована в качестве «одного из влиятельных суверенных центров мирового развития», а в тексте п. 49 главы V «Региональные направления внешней политики Российской Федерации» действующей Концепции внешней политики РФ от 31 марта 2023 г. сказано следующее: «Наиболее важными для безопасности, стабильности, территориальной целостности и социально-экономического развития России, упрочения ее позиций как одного из влиятельных суверенных центров мирового развития и цивилизации являются обеспечение устойчивых долгосрочных добрососедских отношений и объединение потенциалов в различных сферах с государствами – участниками СНГ и другими сопредельными государствами, связанными с Россией многовековыми традициями совместной государственности, глубокой взаимозависимостью в различных сферах, общим языком, близкими культурами»¹.

Значение этого положения трудно переоценить в экономическом, политическом, культурном, гуманитарном плане. Между тем на исследовательском треке изучение постсоветского ареала трудно назвать принадлежащим к числу тематических приоритетов последних десятилетий. Несмотря на наличие и успешную деятельность ряда научно-образовательных центров – в МГИМО МИД России, в ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, в Институте Европы РАН, в Российском государственном гуманитарном университете, Российском институте стратегических исследований, в негосударственном Институте стран СНГ – *de facto* ближнее зарубежье трудно назвать первоочередным в изысканиях постсоветского периода (История Российской ассоциации политической науки, 2015). Издержки этой близорукости стали в полной мере очевидными в третьей декаде текущего века. В последние годы ситуация меняется, и внимание отечественной науки к соседям по евразийскому пространству становится существенно более пристальным. Поэтому обращение «Сравнительной политики» к данной теме естественно и логично.

Даже поверхностный взгляд на евразийские процессы обнаруживает амбивалентность и разнонаправленность векторов эволюции их участников. Пространство ближнего зарубежья, как в прошлом, так и в настоящем, – пестрое, гетерогенное образование во всех измерениях, включая значительную диверсификацию и даже поляризацию внешнеполитических устремлений. В теоретическом плане это, несомненно, способствует более глубокому пониманию макрорегионального контекста бытия отечественной политики и самого феномена макрорегионализма (Гаман-Голутвина, 2025a; Гаман-Голутвина, 2025b). Гетерогенность сопредельного пространства столь значительна, что наиболее распространенным его определением до сих пор остается его идентификация через отрицание, то есть посредством указания на то, что чем объект *не является*. Термин «постсоветское пространство»,

¹ МИД РФ (2023) Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). Available at: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 16.03.2026).

впервые появившийся в статье А. Празиускаса в «Независимой газете» в 1992 г.², употребляется преимущественно в России на основании общей истории, тогда как в международном обороте преобладает понятие «*новые независимые государства*», призванный подчеркнуть их плюрализм. В литературе предложены и концептуальные подходы. Во второй декаде XXI в., когда в основном определилось нынешнее структурирование данного ареала, академик РАН А.В. Торкунов предложил понимание термина «постсоветский» ограничивать географическим пространством, занимаемым государствами, входившими в состав бывшего СССР, за исключением стран Балтии, поскольку распад СССР обусловил появление на пространстве Евразии относительно устойчивого постсоветского региона. В данном контексте регион означает «совокупность явлений международной жизни, протекающих в определенных территориальных и временных границах» (Современные международные отношения, 2012: 117). Развивая эту мысль, А.С. Владыцкий предложил рассматривать постсоветское пространство как относительно устойчивое региональное образование, обладающее системой политических, экономических, духовных, культурно-цивилизационных и других связей между его субъектами – независимыми государствами (в большей или меньшей степени, в зависимости от их внешнеполитической ориентации), появившимися после распада СССР на территории Евразии. (Владыцкий, 2017). Параллельно использовался термин «ближнее зарубежье», который обозначал «не временный характер независимости новых государств, как подозревали на Западе, а отражал переход от отношения к бывшим республикам как к окраинам единой страны по отношению к ним как к подлинно суверенным государствам» (Тренин, 2018: 12).

Несмотря на культурно-цивилизационную и политико-культурную специфику, диверсификацию внутривнутриполитического дизайна и внешнеполитических установок ранее входивших в состав СССР политий, последние до сих пор сохраняют сходство по целому ряду важных параметров, что обусловлено в том числе длительностью сосуществования в рамках единого государства. При этом географически ближайший к России ареал в ходе тектонических трансформаций трех с лишним последних десятилетий не утратил для нее своего значения. Безусловно, сохраняет свою обоснованность чеканная формулировка президента РФ В.В. Путина в его Послании Федеральному Собранию РФ 2005 г.: «Распад СССР стал крупнейшей геополитической катастрофой XX века»³.

Хотя объективности ради стоит признать, что в первые годы (да и позже) после распада СССР такая оценка разделялась в отечественном политическом классе не всеми. Ряд политиков и экспертов полагали, что ближнее зарубежье в системе приоритетов РФ – «*уходящая натура*» (Политический

² Празиускас А.А. (1992) СНГ как постколониальное пространство. *Независимая газета*, 7 февраля.

³ *Сайт Президента РФ kremlin.ru* (2005) Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию 25 апреля 2005 г. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (дата обращения: 10.03.2026).

класс в современном обществе, 2012; Человеческий капитал российских политических элит, 2012). Не случайно даже благожелательно настроенные соседи России нередко отмечали, что, декларируя приоритетность этого ареала в системе внешнеполитических ориентаций, *de facto* некоторые российские политики и эксперты даже в XXI в. нередко по инерции продолжали относиться к руководителям соседних государств как к «меньшим братьям», будучи уверены: «все равно никуда не денутся». Между тем соседям было и есть «куда податься»: это геополитическое пространство практически сразу после распада единого государства с нарастающей интенсивностью стало сферой конкуренции внерегиональных политических акторов – США, ЕС, Великобритании, Китая, Турции, других азиатских стран, активно осваивающих пространство, которое некоторые российские политики долго числили своим «задним двором».

Несмотря на остроту конкуренции в постсоветской Евразии, Россия вовсе не обречена здесь на поражение – она по-прежнему располагает многочисленными конкурентными преимуществами. Это и общее историческое прошлое, и русский язык как средство поликультурного общения, который, впрочем, почти повсеместно в ближнем зарубежье – хотя и с разной скоростью – вытесняется из официального и бытового оборота⁴. Россия является поставщиком жизненно важных ресурсов, определяющих водную, продовольственную и энергетическую безопасность ряда соседних стран; российский рынок труда поглощает их избыточные демографические ресурсы, что снижает остроту в них социально-экономических противоречий. РФ – по-прежнему источник экономической помощи для ряда политий, хотя далеко не всегда с политической выгодой для себя, что побуждает задуматься о востребованности умения более настойчиво конвертировать экономические затраты в политические приобретения. При этом на протяжении почти трех десятилетий после «цивилизованного развода» существовал парадокс: Россия выступала главным спонсором экономических и политических процессов в сфере своих привилегированных интересов и одновременно являлась их главным заложником (Болгова, 2017: 90).

Во внешней политике общим знаменателем постсоветских республик является *многовекторность* международных ориентаций, которая означает стремление балансировать между различными центрами силы, не примыкая однозначно ни к одному из них. Внешнеполитическая «поливалентность» рассматривается ими в качестве инструмента обеспечения благоприятных внешнеполитических условий для решения внутренних задач. Пришедшая на смену преобладавшему в первые постсоветские годы пророссийскому вектору, эта внешнеполитическая данность видится вызовом российской внешней политике, обуславливающим потребность в переосмыслении ряда

⁴ Недавний пример – формулировка ст. 9 проекта новой Конституции Республики Казахстан, согласно которой русский язык будет использоваться «*наряду*» (қатар) с казахским; прежняя формулировка ст. 7 Конституции РК 1995 г. гласила «*наравне*» (тең) с казахским. Это означает сохранение официального статуса русского языка, но при уточнении его применения.

ее прежних установок в отношении своих соседей. Нахождение ответа на этот вызов предполагает волю к выстраиванию новой формулы взаимодействия, ориентированной не на прошлое, а на будущее: интеграция невозможна вне экономически эффективного центра и предложенной им внятной и конкурентоспособной альтернативы для партнеров.

В геополитическом плане постсоветское пространство остается высококонфликтной зоной как в плане отношений между прежними советскими республиками, так и в связи с разнонаправленными внешними влияниями. Ряд конфликтов унаследован из прошлого; иные возникли в период автономного существования. Источники, векторы и причины межгосударственных конфликтов в контуре прежних союзных границ многообразны; нередко они инициируются внерегиональными акторами. Многие из конфликтов имели/имеют вооруженный характер. К сожалению, и России не удалось избежать применения вооруженных сил в формате специальной военной операции на Украине для преодоления рисков враждебной политики пришедшего к власти посредством государственного переворота 2014 г. режима в Киеве.

Немалое число вооруженных столкновений на постсоветском пространстве, включая те, что инициированы внешними акторами, истоками восходят к конкуренции за ресурсы. В плане ресурсной обеспеченности положение России, занимающей первое место в мире по общему объему и стоимости природных ресурсов (более 20% мировых запасов) уникально, что парадоксально создает и риски для нее. Позволю себе напомнить ряд параметров. Общая стоимость полезных ископаемых России оценивается в диапазоне от 75 до 100 триллионов долларов, что ставит страну на верхнюю строчку мирового рейтинга; за ней следуют США (около \$45 трлн) и Саудовская Аравия (\$34 трлн). Согласно оценке текущего состояния минерально-сырьевой базы и водных ресурсов, содержащейся в Постановлении Правительства РФ «Воспроизводство и использование природных ресурсов» в редакции от 23.12.2025 г., Российская Федерация занимает 1-е место в мире по запасам газа, золота, железных руд, 2-е место – по запасам цинка, серебра, ванадия, 3-е место – по запасам угля, меди, 6-е место – по запасам нефти. Россия занимает 1-е место в мире по запасам пресной воды (20 процентов мировых запасов)⁵. Согласно оценке главы «Роснефти» И. И. Сечина, особую роль в развитии ресурсного потенциала РФ играет Арктика, которая является настоящей «кладовой энергоресурсов», причем не только России, но и во всем мире. Там содержится свыше 20% всех неразведанных запасов нефти и природного газа Земли. При этом на долю российской Арктики приходится 80% от всех этих запасов⁶. Так что битва за Арктику – еще впереди. Около двадцати

⁵ *КонсультантПлюс* (2014) Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 N 322 (ред. от 23.12.2025) "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Воспроизводство и использование природных ресурсов". Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162083/ (дата обращения: 16.03.2026).

⁶ *РИАМО* (2024) Игорь Сечин: общая стоимость полезных ископаемых России составляет 100 трлн долларов. 5 декабря. Available at: <https://riamo.ru/news/ekonomika/sechin-obschaja-stoimost-poleznyh-iskopaemyh-rossii-sostavljaet-100-trln-dollarov/> (дата обращения: 16.03.2026).

лет назад американские авторы Ф. Хилл и К. Гэдди, определенно не чуждые истеблишменту США, опубликовали книгу «Сибирское время. Просчеты советского планирования и будущее России» (Hill & Gaddy, 2003), в которой в доступной форме объяснили проживающим к востоку от Урала россиянам, что их подлинная беда состоит в неразумной политике советских/российских властей по освоению ресурсов Сибири, да и сами жители Сибири – во многом «избыточное» население. И потому российским властям лучше отказаться от сибирских ресурсов, чем пытаться удержать «избыточное» население сибирских просторов. Не исключено, что вскоре может появиться новое издание – на этот раз о неразумности политики российских властей в Арктике, стремящихся использовать богатства отечественного сегмента арктического региона в интересах своей страны...

Так что постсоветское пространство и в перспективе останется ареной острой конкуренции за ресурсы, территории, плацдармы и активы. Поэтому не случайно константой стратегии внерегиональных игроков в данном ареале традиционно была политика поддержки «геополитического плюрализма», что предполагало блокирование любых интеграционных движений в пользу России, сокращение влияния России, а в перспективе – ее вытеснение из этого пространства. Широкую известность получило приписываемое советнику президента США по национальной безопасности в 1969–1975 гг. и Государственному секретарю США в 1973–1977 гг. Г. Киссинджеру выражение *«Объединению постсоветских государств мы предпочтем хаос и гражданскую войну»*, хотя на авторство этого изречения могут претендовать и иные американские политики. Данные установки возникли сразу после распада СССР, однако первую декаду «автономного плавания» бывших советских республик США и ЕС были заняты преимущественно «поглощением» постсоциалистических стран Восточной и Центральной Европы и стран Балтии. В новом веке упомянутые выше установки по отношению к территории бывшего СССР обрели формат активной практической политики. Рубежными стали 2003–2004 гг.: в ноябре 2003 г. произошло два знаковых события, хотя не равноценных по резонансу – «революция роз» в Грузии и провал попыток политического урегулирования в Молдове, когда ее президент В. Воронин отказался подписать т.н. «меморандум Козака», предполагавший федерализацию Молдовы. В мае 2004 г. года Европейская комиссия утвердила окончательный вариант «Европейской политики соседства», в сферу действия которого из числа постсоветских государств вошли Белоруссия, Молдавия, Украина. Весной 2004 г. Латвии, Литве и Эстонии было предоставлено членство в НАТО и ЕС (символическим стал именно такой порядок ходов, хотя разрыв между ними составил около месяца), а в ноябре того же года была развернута «оранжевая» революция на Украине. Через год после событий в Киеве последовали «тюльпановые» события в Киргизии и андижанская бойня в Узбекистане. В 2009 г. стартовала известная программа «Восточное партнерство», сфокусированная на Украине, Белоруссии, Молдавии, Грузии, Армении, Азербайджане (Гаман-Голутвина, Пономарева & Шишелина, 2014).

Общим знаменателем этих мер было стремление переориентировать упомянутые страны на США и ЕС, в тот момент – преимущественно методами «мягкой силы» посредством разнообразных гуманитарных программ и экономического давления. После 2014 г. им на смену пришли экономические санкции и форсированная подготовка Украины в качестве тарана для борьбы с Россией.

Принципиально констатировать, что украинский кризис стал не триггером разрыва отношений России с Западом, а «следствием многочисленных и значительных противоречий, накопившихся между Россией и странами Запада, а не наоборот» (Постсоветские государства на современном этапе, 2024: 165; см. также: Политические процессы на постсоветском пространстве, 2020: 161-169; Чистилин, 2022).

После начала Россией СВО в феврале 2022 г. членами НАТО и ЕС была сделана ставка на жесткие военные методы для нанесения России «стратегического поражения», что стало кульминацией многолетней стратегии этих сообществ по построению «кольца анаконды» вокруг России. Вступление в НАТО Финляндии (2023 г.) и Швеции (2024 г.), предоставление кандидатского статуса в ЕС Украине и Молдавии (июнь 2022 г.), Грузии (декабрь 2023 г.) и начало переговоров о вступлении в ЕС с официальным Киевом и Кишиневом (декабрь 2023 г.) знаменовали вехи этой стратегии.

О финансово-экономической и технологической подоплеке стремления западноцентричных структур к расширению на ареал постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы и постсоветского пространства написано немало, не будем умножать сущности. В 1990-е гг. объектом поглощения стали постсоциалистические государства ЦВЕ; далее пришел черед постсоветского пространства. Слоганом продвижения было знаменитое *«Мы все в одной лодке»*, на что проникательные наблюдатели из стана «поглощаемых» реагировали саркастически: *«Да, в одной лодке, но некоторые в качестве провизии»*... Возможно, более достоверными стоит полагать комментарии из стана «поглощающих». Перу Марка Твена принадлежит написанное в 1906 г. эссе *«Мы – англосаксы»*. Сюжет этого краткого текста состоит в том, что председательствующий на банкете в элитном клубе отставной военный в высоком чине возвестил: *«Мы – англосаксы, а когда англосаксу что-нибудь надобно, он идет и берет...»* (выделение М. Твена – О.Г.). Опуская авторский перевод этой декларации с митингового на обыденный язык и учитывая, что на собрании были представлены стоящие у рычагов управления наиболее влиятельные группы американского общества, уместно вновь процитировать Твена: *«Это были Соединенные Штаты, <...> полноправно высказывавшие от лица нации свой сокровенный кодекс морали»* (Твен, 1906)...

Если первые годы после распада СССР активность проявляли западные акторы, то начало XXI в. ознаменовалось разворачиванием инициатив пришедших с Востока игроков. В частности, при президенте Р. Эрдогане Турция в рамках идей создания *«Великого Турана»* последовательно и напористо наращивала влияние в Центральной Азии. Статистика фиксирует рост почти в 4

раза – с 1,3 млрд долл. до 4,4 млрд долл. – в 2016–2023 гг. прямых инвестиций из Турции в страны Центральной Азии (и еще больший взлет инвестиций в этот регион из ОАЭ – с 745 млн до 3 млрд долл.) (Смирнов & Сутырин, 2024: 126), а также в другие ареалы проживания тюркоязычных народов. В приоритете – Азербайджан, применительно к которому Турцией была предложена формула «два государства – один народ». Другой точкой приложения стали регионы проживания тюркоязычных народов России (Поволжье, Кавказ, Сибирь), где Турция активно развивает влияние, используя инструменты «мягкой силы» – культурно-образовательные проекты, образовательные центры, совместные исторические исследования и медиаресурсы.

Наибольшую активность, начиная с первых лет XXI в., проявлял и продолжает проявлять крупный сосед России – Китай, который в отличие от западных игроков делает ставку на использование экономических методов продвижения своих интересов. Вехой стало избрание генеральным секретарем КПК в 2012 г. и председателем КНР в 2013 г. Си Цзиньпина, выдвинувшего в 2012 г. внешнеполитическую концепцию «единой судьбы человечества», которая, по сути, представляет собой китайский вариант глобализации при лидерстве Китая. Механизмом реализации этой стратегии призвана стать выдвинутая Си Цзиньпином в 2013 году масштабнейшая инициатива «Один пояс, один путь» – глобальная стратегия развития инфраструктуры и международного сотрудничества. Более чем симптоматично, что основная часть концепции ОПОП – «Экономический пояс Шелкового пути» – была озвучена в сентябре 2013 года в Астане (Казахстан) (идея «Морского Шелкового пути» была презентована в Индонезии). Территория Центральной Азии мыслится китайскими стратегами как транзитное пространство для встречного движения китайских товаров в страны ЕС и высокотехнологичной европейской продукции в Китай. Отсюда – заинтересованность Китая в создании транспортно-логистических коридоров для наращивания экспорта китайских товаров в страны Евросоюза посредством инфраструктурных мегапроектов: создание или модернизация действующих железнодорожных, автодорожных и трубопроводных магистралей, транспортно-логистических узлов, портов и т.д. Предполагается, что реализация данных проектов будет способствовать решению как непосредственных задач ОПОП, так и сопряженных с ним проблем, включая модернизацию западных и северных районов Китая, использование значительных демографических ресурсов Поднебесной, расширение возможностей использования природных ресурсов восточных регионов РФ. Вместе с тем эксперты отмечают, что «сквозной» характер маршрута Китай–ЕС создает риски дезинтеграции постсоветского региона и превращения его в транзитно-сервисную зону. Это может препятствовать формированию внутрирегиональных кооперационных цепочек (Смирнов & Сутырин, 2024: 125).

После начала СВО возможности Китая по привлечению природных и энергетических ресурсов РФ значительно расширились, в том числе благодаря дисконту цен на энергоресурсы. Что касается сотрудничества в реализации совместных проектов производственного профиля, то опасения

вторичных санкций США побудили китайских партнеров занять осторожную и выжидательную позицию.

В любом случае в настоящее время ни один из глобальных игроков не в состоянии контролировать весь постсоветский ареал, поскольку он включает субрегионы, ориентированные в различных векторах. Общим знаменателем политики внерегиональных акторов на этом пространстве являются откровенно геополитические и геоэкономические установки: ценностный и идеологический флер остался в прошлом. Геополитические установки ЕС, США, Великобритании и их партнеров по НАТО на пресловутый «геополитический плюрализм» в Евразии (что на практике означает вытеснение России из критически важных ареалов) подтверждаются результатами рассмотрения в нынешнем выпуске «Сравнительной политики» О.А. Москаленко, С.В. Юрченко, А.А. Ирхиным и Н.Э. Демешко из Крымского федерального и Севастопольского государственного университетов западной политики в отношении России в Черноморском регионе посредством анализа документов концептуально-доктринального уровня (Стратегический компас ЕС, Концепция безопасности НАТО, обновленная Глобальная Британия, Стратегия морской безопасности Украины, Черноморская стратегия США в 2022–2024 гг.).

Авторы полагают, что стратагемы и реальная текущая политика политического Запада означает возрождение идей «Большого Черноморского региона», разработанного на концептуальном уровне еще в начале 2000-х гг. Полагаю, что в данном случае имеет смысл провести аналогии с еще более ранним историческим периодом, а именно со временем Крымской войны, которую историки порой называют *«нулевой мировой войной»* – столь значителен был ее масштаб и высоко значение. Есть признаки того, что Британия рассматривает нынешний конфликт как второе издание Крымской войны. Столь значительная историческая длительность установок Великобритании, к которой в ХХ–ХХI вв. присоединились США и партнеры по НАТО и ЕС, обнажает преемственность, текущей политики западных акторов мировой политики по отношению к России.

Эта устойчивость ориентаций западной политической культуры позволяет лучше понять перспективы развития ситуации в Черноморском регионе. Глубоко не случайна ставка Британии на В. Зеленского: Украина для Британии не просто одна из стран постсоветского пространства – это точка сборки ее стратегии, и не только в области политики. Это также инструмент глобального управления и способ экономического выживания. Британия мертвой хваткой вцепилась в Черное море, а это означает, что продолжение битвы за Черное море безальтернативно. Полный контроль над Черным и Каспийским морями – вот что является ценой вопроса. Отсюда и бескомпромиссный курс на вытеснение Черноморского флота из Севастополя и Крыма. Между тем геостратегически сохранение позиций России в Северном Причерноморье означает для нее коммуникацию с Каспийским регионом, Северной Африкой и всем Средиземноморьем и далее – выход в мировой океан. Целью западных игроков в черноморском регионе является вытеснение России из этого

ареала и постоянное присутствие военных сил НАТО в Черном море, включая альтернативные Черноморским проливам пути.

Черноморский кейс позволяет сделать некие обобщающие выводы. Курс западных акторов в Евразии – это чистая геополитика, сформулированная в трудах классиков этой дисциплины еще в XIX–XX вв. и провозглашенная почившей на исходе XX в., когда было заявлено о смерти идеологий. В XXI в. оказалось, что идеологии были антуражем, флером геополитики, которая никуда не ушла. Суша, море, транспортные коридоры, морские пути – все эти полагавшиеся как бы устаревшими понятия резко возросли в актуальном политическо-экономическом обороте. А работы классиков геополитики, долгое время имевшей маргинальный статус, оказались востребованными внешними игроками и сегодня (Haushofer, 1951; Huntington, 1996; Mackinder, 1919; Mahan, 1987 (orig. 1890); Mahan, 1970 (orig. 1897)). Доминирование в Черном и Балтийском морях открывает возможности доступа и контроля над обширными евразийскими территориями, а это – разнообразные ресурсы, критическая инфраструктура, ценные активы.

Но геополитическое противостояние – это не только сражение боевых кораблей, ракетных установок и беспилотных систем. Это еще и битва за умы, а на пространстве бывшего СССР – это еще и столкновение идентичностей. Точнее будет сказать, что пушки начинают говорить тогда, когда не остается иных инструментов. Если держать в памяти известное изречение Сунь-цзы из трактата «Искусство войны» о желательности достижения победы без войны, то актуальной дальнейшей задачей России остается укрепление российской национальной идентичности в горячих точках геополитического противостояния – в Крыму и на Донбассе. В этой связи представляют интерес итоги проведенного А.В. Барановым и его коллегами исследования сходства и различия факторов укрепления российской национальной идентичности в Крыму и на Донбассе в 2014–2024 гг. Этот проект и подготовленная на его основе статья для нынешнего выпуска «Сравнительной политики» вполне системно представляют конфигурацию факторов укрепления российской идентичности в новых субъектах федерации и природу различий в распространности российского самосознания в этих регионах.

Кросс-темпоральное сопоставление результатов анкетных опросов и переписей населения в различные периоды позволило иерархизировать источники консолидации российской идентичности в Крыму и на Донбассе, среди которых ожидаемо значимы историческая память региональных сообществ, сдвиги в этническом и языковом составе населения, уровень урбанизации, эффективность проводимой политики идентичности. Неоднородность распределения идентитарных предпочтений связана с полиэтничностью и поликонфессиональностью сообществ Крыма и Донбасса, а также с продолжительностью политики идентичности, направленной на реинтеграцию с Россией.

В этой связи высока ответственность акторов политики идентичности в новых регионах РФ. К категории драйверов этой политики обоснованно

причисляют федеральные и региональные органы государственной власти, органы местного самоуправления, политические партии, образовательные учреждения и музеи, национально-культурные и религиозные организации. Точками приложения усилий этих структур выступает эффективная реализация символической политики в разнообразии ее репертуара, включая политику памяти и информационные стратегии. Разнятся уровни доверия к субъектам политики идентичности – наибольшее доверие снискали федеральные органы государственной власти, а наименьшее – СМИ.

Особое место среди постсоветских государств занимает Беларусь, эволюция которой представляет исключение в анализируемом сообществе стран практически по всем параметрам. Итоги 35-летнего самостоятельного существования Беларуси позволяют оценить ее опыт. Принципиальным является признание того, что белорусский путь не был путем противостояния рыночным реформам. Это был иной по отношению к другим бывшим республикам СССР путь рыночных реформ: к рынку РБ адаптировалась не через малые предприятия и шоковую терапию, а через адаптацию крупных заводов к реформируемым внешним рынкам.

В результате белорусский путь оказался успешным: к началу XXI в. РБ третьей по времени из республик бывшего СССР (после Узбекистана и Эстонии) вышла по объему реального ВВП на уровень 1990 г. (Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики, 2017: 3; Межевич, 2024: 48). А к 2004 г. промышленность РБ превзошла уровень 1990 г. на 40 % (Шевцов, 2005: 120). РБ стала единственной страной в СНГ, в которой эксперты констатируют практически постоянный экономический рост. В отдельные годы темпы экономического роста Белоруссии были самыми высокими в Европе: применительно к промышленности это 17 % в 1997 г. и 15 % в 2004 г.; рост ВВП в первой декаде суверенного существования составил 10 % (Шевцов, 2005: 216). И даже в сложных условиях антибелорусских и антироссийских санкций в 2023 г. рост ВВП составил 3,94% (Год планеты 2025: 278). Промышленное производство формирует более четверти ВВП Беларуси (в 2021 г. – 27,1%). Наиболее развитые отрасли экономики – машиностроение, легкая промышленность, деревообработка, нефтехимическая и фармацевтическая отрасли, производство продуктов питания и напитков. По этому показателю Беларусь опережает Германию и Швецию (Беларусь в цифрах – 2023, 2023: 8). При этом белорусская экономика не является замкнутой: доли экспорта и импорта в ВВП составляют соответственно свыше 55–78% и 55–75% за 2012–2019 гг. (Самоховец, Гречишкина & Глазкова, 2020; Межевич, 2024: 56).

Стоит особо подчеркнуть, что эти показатели достигнуты несмотря на то, что на протяжении почти двадцати лет значительная часть бюджета (порядка 25%) расходовалась на преодоление последствий Чернобыльской катастрофы 1986 г. Хотя Чернобыльская АЭС расположена в 90 км от Киева, однако в результате розы ветров во время аварии и сразу после нее порядка 70% радиационных осадков выпало на территории Белоруссии. В результате 20% территории Белоруссии было заражено. На пораженной радиацией

территории в момент аварии проживало 20% населения страны (Шевцов, 2005: 161); сейчас этот показатель сократился до 10%.

Экономические достижения РБ в период независимости определены целым рядом факторов: исторических, экономических, политических. Прежде всего следует упомянуть специфику белорусского хозяйственного комплекса. К моменту распада единого государства экономика Белорусской ССР являлась сверхиндустриальной, экспортно ориентированной (80 % продукции направлялось на экспорт) и высококонцентрированной (на 50 % предприятий было занято более 500 чел.). Сверхиндустриализация не позволяла провести в РБ реформы по типу других постсоциалистических стран, ибо остановка градообразующих предприятий (которых было большинство) означала бы социальный крах, не преодолимый собственными силами (Шевцов, 2005: 120).

Несомненно, устойчивость РБ стала возможной благодаря экономическим преференциям со стороны России. В составе СССР Белорусская ССР была «сборочным цехом», что предопределяло зависимость РБ от поставок и рынков России, поэтому интеграция РБ с РФ была логичной. В Беларуси сложился мощный индустриальный комплекс, ориентированный преимущественно на Россию и российские сырьевые и энергетические ресурсы. В 2022 и 2023 гг. баланс Минска в торговле с Москвой оказался положительным впервые за всю историю российско-белорусских отношений. Этому поспособствовали рекордный товарооборот и значительный рост белорусских поставок в РФ (Шамахов, Максимцев & Межевич, 2019). Более того, антироссийские санкции резко актуализировали значение ЕАЭС в качестве инструмента решения торгово-экономических и логистических проблем. Рестрикции, наряду с очевидными издержками и рисками, приносят ощутимые выгоды партнерам России по ЕАЭС, включая Беларусь, – в части денежных переводов, релокации кадров и компаний, торговли (Смирнов & Сутырин, 2024: 125). Действительно, российско-белорусское экономическое сотрудничество не является «игрой в одни ворота» – России сотрудничество с Беларусью также выгодно. Однако российская поддержка была не автоматической и безальтернативной – российско-белорусские отношения знали различные этапы. В 1990-х гг. определенная часть российского руководства пыталась торпедировать попытки сближения двух стран. Во второй декаде XXI вв. РБ официально присоединилась к проекту «Восточное партнерство», направленному на расширение присутствия ЕС на постсоветском пространстве, на дальнейшее ослабление влияния здесь России, и таким образом вошла в поезд, называвшийся «многовекторностью». Беларусь сделала это последней, но – сделала. Ценой этого выбора стала попытка цветной революции 2020 г. – одна из многих в череде аналогичных событий на протяжении последнего 30-летия, но единственная, которая была довольно близка к успеху.

Однако вышеупомянутые факторы остались бы потенциальной возможностью вне ключевого – фактора лидерства. РБ представляет собой пример того, как фактор лидерства меняет обстоятельства. «Сильный харизматический лидер с ярко выраженной волей к власти оказался в состоянии

направить развитие своего государства по сценарию, не характерному для всего остального региона. Во многом именно благодаря личной воле А.Г. Лукашенко стали возможны ... отказ от жесткого националистического курса и придание русскому языку статуса государственного [Беларусь – единственное государство, кроме России, где у русского языка есть этот статус], создание Союзного государства и «консервативный» социально-экономический курс, направленный на поддержание ориентированного преимущественно на Россию индустриального комплекса», – отмечает исследователь белорусского опыта Н.М. Межевич. Для понимания значимости личностного фактора он предлагает сопоставить постсоветскую эволюцию Белоруссии и Украины, где также имелись значимые социальные, экономические и культурно-языковые предпосылки для сценария, аналогичного белорусскому. «Однако “украинского Лукашенко” не нашлось, а Л.Д. Кучма, который в 1994 г. пришел к власти одновременно с А.Г. Лукашенко и под сходными лозунгами, в итоге предпочел другой путь» (Межевич, 2024: 111).

Благодаря фактору лидерства небольшая страна с населением менее 10 млн человек, без сколько-нибудь значимых ресурсов, смогла не только выжить, но и достичь впечатляющих экономических успехов в ситуации массированного внешнего давления. Ключевым ресурсом РБ стал человеческий капитал. Именно ставка на человеческий капитал позволила не просто сохранить производственные мощности, но и существенно их развить и получить системный результат.

Этот результат не в последнюю очередь стал возможным в результате исторических обстоятельств – формирование белорусского политического класса во второй половине XX в. происходило под влиянием последствий Второй мировой войны, в ходе которой погиб каждый третий житель и был уничтожен политический класс довоенной БССР. Политическая элита послевоенной Беларуси формировалась почти исключительно из поколения «партизан», отличившихся в войне и обеспечивших индустриальный прорыв республики в послевоенный период. Впоследствии на место сошедших с политической сцены по естественным причинам «партизан» пришла новая генерация руководителей – «хозяйственники», рекрутированные из директората крупных промышленных предприятий и близких социальных групп. «Нынешние руководители, “лукашенковцы”, – это новая генерация белорусских управленцев, которая пришла на смену хозяйственникам... Иных управленцев в Беларуси нет» (Шевцов, 2005: 77). Во многих республиках бывшего СССР крупные предприятия и связанные с ними хозяйственники могли стать социальной базой политики развития, однако только в Белоруссии они смогли победить (Там же: 118).

Да, политическая система РБ имеет очевидные элементы мобилизационной модели персоналистского типа, а политическое правление имеет суперпрезидентский характер. Однако следует признать, что выбор в пользу этой модели вряд ли имел альтернативы, учитывая непрерывное внешнее давление и тот факт, что РБ – это страна, пережившая катастрофу. Не случайно

эксперты называют современную белорусскую нацию нацией катастрофы: «...духовная самоизоляция РБ от всей Европы в значительной степени объясняется чернобыльским фактором» (Шевцов, 2005: 178). Кстати, президент РБ А.Г. Лукашенко родом из чернобыльского региона – не случайно там его поддержка максимальна.

В более широком контексте следует признать, что оценку любого политического курса следует проводить, исходя из того, в какой мере она способствует решению ключевой задачи. Уместно сослаться на Ф. Анкерсмита: *«Исторический подход к политическим системам предполагает, что каждая из них носит на себе отпечаток той специфической проблемы, которую она была призвана решить; иными словами, всякую политическую систему можно считать ответом на необходимость решить некий насущный вопрос»* (Анкерсмит, 2004: 15). Исключительно редкие относительно объективные зарубежные исследователи признают неизбежность и историческую оправданность белорусской политической модели (Ioffe, 2014).

Что касается внешнего прессинга в отношении Белоруссии, то Польша и Литва как идеальные географические плацдармы давления на РБ выступают флагманами процесса и его коллективными «фронтменами». Перефразируя крылатое выражение А.В. Суворова, можно сказать, что Польша берет «числом» (в данном случае числом денежных знаков), а Литва – умением (выступлениями в жанре форсированной истеричности). В.В. Воротников на страницах «Сравнительной политики» детально характеризует основные линии и форматы приложения сил в этом плане. Объектом рассмотрения не случайно избрана политика на гуманитарном треке – традиционная точка приложения усилий по дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в Беларуси: под флагом «гуманитарной» политики, как правило, реализуются иные шаги – те, что направлены на смену режима. Общим знаменателем политик обеих стран является явная заинтересованность именно в смене режима в РБ: сколь изощренно благопристойным бы ни было позиционирование этой политики – «права человека», «помощь развитию», «гуманитарное сотрудничество» – цель остается прежней: «Карфаген (существующий режим в Беларуси) должен быть разрушен». Не отрицая значимости роли исполнителей в лице Польши и Литвы, все же приходится признать, что цель сформулирована не ими, а стратегами более высокого уровня и масштаба. Но подрядчик всегда вносит индивидуальность в исполняемый номер, а если исполнителей более одного, то возникает соперничество между ними. В данном случае различия действий Польши и Литвы на белорусском направлении – это конкуренция объемов денег, исполнительского репертуара и степени радикализма. Анализ В.В. Воротникова показал, что Варшава опирается на существенное превосходство в материальных ресурсах. Литовские власти компенсируют дефицит экономических и финансовых возможностей посредством агрессивности провокационной риторики и действий.

Очевидно, что опорой Беларуси в проведении подлинно независимого курса в интересах общества является Союзное государство России

и Беларуси – по-настоящему уникальный интеграционный проект постсоветского пространства, не имеющий даже отдаленных аналогов. Эксперты отмечают, что это не просто интеграционное объединение, но именно Союзное государство: «Столь тесная интеграционная связка с РФ является ещё одной уникальной чертой развития Белоруссии в постсоветский период. Союзное государство – важный фактор не только внешней, но и внутренней политики Белоруссии» (Межевич, 2024: 98), «масштабный эксперимент, не исключающий восстановление тех основ социально-экономической и политической модели, которые доказали свою эффективность на предшествующем этапе» (Межевич, 2022: 29).

О.В. Бахлов и О.В. Бахлова на страницах «Сравнительной политики» обращаются к текстуальному анализу официальных концептуально-стратегических документов и публичных заявлений представителей государственных органов РФ и РБ посредством формализованного контент-анализа и качественного анализа документов. Проведенное рассмотрение показало сближение позиций и дискурсивных практик в широком тематическом спектре, с артикуляцией экономической проблематики. Россия и Беларусь на современном этапе демонстрируют сходное видение Союзного государства как уникального и одновременно модельного для других объединений региона интеграционного формата. Интеграция в его рамках увязывается с более обширными с пространственной точки зрения процессами на пространстве «Большой Евразии». Общей платформой подходов России и Белоруссии выступает прагматизация интеграционного взаимодействия.

В начале 2020-х гг. странам-участницам СГ удалось найти общую основу для нового старта и перезагрузки положений Договора 1999 г. Интеграционная повестка обогащается концептами, содержащими сопряжение различных процессов и связей в русле признания необходимости дальнейшего продвижения интеграции в рамках именно Союзного государства. Вместе с тем авторы отмечают, что предлагаемые обоими государствами нынешние формулы интеграции, как и ранее, не содержат характеристики практических механизмов реализации интеграции и воплощения механизмов наднационального управления; стратегии и идеологии интеграции сохраняют аморфность. В рамках концепции «симметричной интеграции» РФ и РБ выступают как равноправные суверенные интеграционные партнеры, что оставляет открытыми перспективы системного и всеобъемлющего развития.

Неоднозначные процессы на постсоветском пространстве стали центральным, но все же элементом более широких трансформаций, охвативших также страны Центральной и Восточной Европы, ранее входившие в социалистическую систему. Наиболее драматичными стали события в ходе распада социалистической Югославии, на пространстве которой вспыхнула кровопролитная гражданская война. В столь бурных событиях были свои реперные точки, одной из которых стали т.н. Дейтонские соглашения (официально – Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине), парафированные в ноябре 1995 г. на военной базе Райт-Паттерсон

в Дейтоне (США) и официально подписанные в декабре 1995 г. в Париже. 30-летие данных соглашений побудило редакцию пригласить к их обсуждению специалиста по Балканскому региону – профессора кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России Е.Г. Пономареву. Она справедливо констатирует, что Дейтон – наряду с Брюсселем, Гаагой, Страсбургом и Рамбуйе – ассоциируется с определением новых правил политической игры в постсоциалистическом мире и побуждает к осмыслению уроков тех событий. В ходе разрушения прежде устойчивых государств ЦВЕ возникли новые формы псевдо- и/или квазигосударственности – не случайно в научный оборот вошли понятия «государства-бандита» и «государства-фантома». Последнее означает образование, формально обладающее атрибутами суверенитета, но фактически управляемое извне. К этой категории относят и Боснию и Герцеговину, для которой сохранение статус-кво является лишь одним из возможных сценариев – альтернативами предстают поглощение Республики Сербской Федерацией БиГ и размежевание республик.

Пример Боснии и Герцеговины и сопровождавшие создание этого «государства-фантома» рукотворно созданные мифы несут также напоминание о крайней необходимости правдивого изложения исторических событий и актуальности нынешней «битвы за историю», поскольку история – можно добавить – не умирает, она – даже не прошлое...

На страницах нынешнего выпуска «Сравнительной политики находит отражение также центральная тема постсоветской политики – взаимоотношения бизнес-структур и государственных институтов. Эту тему на материале новой коллективной монографии «GR-менеджмент бизнес-организаций в современной России: комплексный анализ и прикладные технологии», подготовленной под руководством видного специалиста в данной сфере А.А. Дегтярева, рассматривает известный и авторитетный специалист – член-корреспондент РАН И.С. Семененко. Центральной эта коллизия представляется по многим причинам – и поскольку базовым импульсом трансформации системы государственного социализма была конвертация политических привилегий в бизнес-активы, и потому, что коммерческие структуры сразу после завершения начальных этапов постсоциалистических трансформаций обрели статус приоритетных ресурсно обеспеченных игроков со своей повесткой, и в связи с тем, что сложившиеся на протяжении предшествовавшего тридцатилетия бизнес-стратегии могли претерпеть существенные изменения в радикально изменившемся контексте. Поэтому интерес к прикладным аспектам взаимодействия государства и бизнеса в России был и остается высоким на протяжении всего постсоветского периода со времени бурного становления этих отношений.

В последние годы в изучении сферы отношений бизнеса и государства появляются новые приоритеты, один из которых представлен в упомянутой монографии. Политические аспекты темы обусловлены тем, что деловые ассоциации и шире – коммерческие структуры – являются экономическими агентами, нацеленными на максимизацию прибыли, но в то же время

и политическими акторами, ведущими лоббистскую деятельность для обеспечения желаемых целей субъектов отраслевого лоббирования. На мой взгляд, с точки зрения политической науки наибольший интерес представляет анализ в книге корпоративного лоббирования при принятии стратегических решений, а именно изучение авторами таких практик на примере конкретных компаний – в частности, результаты анализа деятельности девелоперской компании ПИК в московском мегаполисе. Рассмотрение модели конверсии индивидуальных и групповых интересов стейкхолдеров в элементы публичной повестки приводит, наряду с иными содержательными характеристиками, к выводам о существенном влиянии международного контекста, об обновлении макролоббистской системы представительства интересов и повестки публичной политики в ходе взаимодействий городских властей и девелоперов, о консолидации ресурсоемкой коалиции городских администраторов и крупных предпринимателей.

Нетематическая статья номера посвящена сравнительному анализу когнитивной и информационной войн посредством разграничения соответствующих феноменов и понятий. На протяжении последних лет термины информационной, психологической, ментальной, когнитивной войн использовались как синонимичные, что препятствовало их адекватному использованию. Е.Б. Дегтяревой удалось разграничить концепты «информационная война» и «когнитивная война». Представляется обоснованной точка зрения о том, что при наличии общего нематериального характера и ориентированности на управление сознанием и поведением индивидов информационные виды противостояния направлены на контроль над потоками данных, поражение информационных систем противника и процессов принятия им решений. А целью когнитивного влияния является изменение фундаментальных механизмов восприятия и обработки информации. Соответственно, когнитивная война представляет собой качественно новую форму воздействия, акцентированную не на манипуляции информацией, а на трансформации когнитивных механизмов деятельности.

Рассмотренная в таком ракурсе, тема информационно-когнитивного воздействия вполне органична магистральной теме номера – обсуждению процессов постсоциалистических трансформаций, ибо ключевым инструментом разрушения социалистической системы, включая ее постсоветское ядро, стали именно информационные войны. На закате советской эпохи родилась печальная шутка в форме вопроса о том, что общего между секретарем обкома партии и мухой. Ответ был неожиданным: «Обоих можно прихлопнуть газетой» ... Как известно, все межконтинентальные ракеты СССР в 1991 году остались в шахтах – они не потребовались, ибо советское руководство проиграло своим соперникам в связи с овладением последним более современным видом вооружения – информационным. А генералы, как всегда, готовились к прошлой войне...

Список литературы:

1. Анкерсмит Ф. (2004) Репрезентативная демократия. *Логос* (2).
2. *Беларусь в цифрах – 2023* (2023) Национальный статистический комитет Республики Беларусь.
3. Болгова И.В. (2017) Политика России на постсоветском пространстве: циклы и лабиринты. В: *Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее*. М.: НП РСМД, сс. 88–92.
4. *Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики* (2017) No 18, март. Экспертный центр при Правительстве Российской Федерации.
5. Владыцкий А.С. (2017) Постсоветское пространство в современной геополитической структуре мира. *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки* (4): 56–62.
6. Гаман-Голутвина О.В. (2025a) Мозаика страноведческих исследований: казусно-ориентированный подход. *Сравнительная политика* 16(1): 4–24. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-1-16-1.
7. Гаман-Голутвина О.В. (2025b) Мозаика страноведческих исследований в макрорегиональном контексте. *Сравнительная политика* 16(2): 6–25. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-2-16-1.
8. Гаман-Голутвина О.В., Пономарева Е.Г. и Шишелина Л.Н. (2014) «Восточное партнерство»: борьба сценариев развития. *Полис* 5: 20–40.
9. *Год планеты: Ежегодник ИМЭМО РАН* (2025) Вып. 2024 г.: Экономика, политика, безопасность. Под ред. В.Г. Барановского, Э.Г. Соловьева. М.: Идея-Пресс.
10. *Динамика инноваций* (2011) Отв. ред. В.И. Супрун. Новосибирск.
11. *История Российской ассоциации политической науки* (2015) Под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. Москва.
12. Межевич Н.М. (2022) Теоретические предпосылки и практические возможности российско-белорусского сотрудничества. *Международная жизнь* (5): 28–37.
13. Межевич Н.М. (2024) *Беларусь: трансформация и модернизация. Итоги постсоветского развития*. М.: Ин-т Европы РАН.
14. Мелешкина Е.Ю. (2013) Постимперские пространства: особенности формирования государства и наций. *Политическая наука* (3).
15. Мелешкина Е.Ю., Кудряшова И.В. (2022) После империй: можно ли перековать мечи на орала? *Политическая наука* (1): 14–51. DOI: 10.31249/poln/2022.01.01.
16. Миллер А.И. (2013) Модерные империи: проблемы классификации, механизмы консолидации и распада. *Политическая наука* (3).
17. *Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы* (2020) Отв. ред. Э.Г. Соловьев, Г.И. Чуфрин. М.: ИМЭМО РАН.
18. *Политический класс в современном обществе* (2012) Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина. Серия Библиотека РАПН. Москва: Росспэн.
19. *Постсоветские государства на современном этапе: внутривнутриполитическая динамика и поиск путей развития* (2024) Отв. ред. Э.Г. Соловьев. Москва: ИМЭМО РАН.
20. Самоховец М.П., Гречишкина Е.А., Глазкова Н.Г. (2020) Внешняя торговля Республики Беларусь: тенденции и перспективы. *Региональная экономика. Юг России* 8(3): 15–23.
21. *Современные международные отношения* (2012) Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект-Пресс.
22. Твен М. (1906) *Мы – англосаксы*. Эссе.
23. Тренин Д.В. (2017) Россия и страны СНГ: «взросление» отношений. В: *Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия*. М.: НП РСМД.
24. *Человеческий капитал российских политических элит* (2012) Отв. ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезнева. Серия Библиотека РАПН. Москва: Росспэн.
25. Чистилин Д.К. (2022) *Украина, Грузия, Молдавия между ЕС и Россией*. М.: Книжный мир.

26. Шамахов В.А., Максимцев И.А., Межевич Н.М. (2019) Внешнеэкономические связи России и Беларуси: объективные возможности и субъективные препятствия развития. *Управленческое консультирование* (10): 8–16.
27. Шевцов Ю.В. (2005) *Объединенная нация. Феномен Белоруссии*. М.: Европа.
28. *Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия* (2017) М.: НП РСМД.
29. Austin R., Berekashvili T., Cheterian V. et al. (2009) *Media, democracy and freedom: The post-communist experience*. Edited by M. Dyczok and O. Gaman-Golutvina. Bern: Peter Lang.
30. Brzezinski Z. (1997) *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperative*. New York.
31. Haushofer A. (1951) *Allgemeine politische Geographie und Geopolitik*. Heidelberg.
32. Hill F., Gaddy C. (2003) *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Brookings Institution Press, Washington. 240 p.
33. Huntington S.P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York.
34. Ioffe G. (2014) *Reassessing Lukashenka: Belarus in cultural and geopolitical context*. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan. 305 p.
35. Kostovicova D., Bojicic-Dzelilovic V. (eds) (2009) *Persistent state weakness in the global age*. Farnham: Ashgate, 213 p.
36. Mackinder H.J. (1904) *The Geographical Pivot of History*. The Geographical Journal.
37. Mackinder H.J. (1919) *Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction*. New York.
38. Mahan A.T. (1970, orig. 1897) *The Interest of America in Sea Power, Present and Future*. Boston.
39. Mahan A.T. (1987, orig. 1890) *The Influence of Sea Power upon History, 1660–1783*. New York.

Comparative Politics. Volume 16. No. 3. July–September / 2025
DOI 10.46272/2221-3279-2025-3-16-1

THE POST-SOVIET AREA IN THE SPACE OF MEANINGS AND AMBIGUOUS TRAJECTORIES OF EVOLUTION

Dr. Oxana V. GAMAN-GOLUTVINA – Head, Department of Comparative Politics, MGIMO University; President, Russian Association of Political Science; Editor-in-Chief, “Comparative Politics Russia” Journal; Member, Civic Chamber of the Russian Federation and Moscow; Corresponding Member, Russian Academy of Sciences; Professor, HSE University.

ORCID: 0000-0002-2660-481X. E-mail: ogaman@mail.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received April 7, 2026

Accepted April 10, 2026

Abstract: The article presents a large-format context of ambiguous processes in the post-Soviet space. In understanding its current state, one should take into account its historical genesis and the different duration of including of various lands within a single state. The geostrategic perspective of consideration presupposes the recognition of the importance of civilizational coordinates, cultural identifications and economic parameters of this area, which absorbed significantly dissimilar civilizational formations with dissimilar historical and political experience and

level of economic development. While considering current processes in the post-Soviet space, it is reasonable to assume the fundamental position of all six editions of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation adopted under three presidents of the Russian Federation: development of cooperation with neighboring countries is the primary priority of the Russian Federation. This space, both in the past and the present, is highly heterogeneous entity in all dimensions, including significant diversification and even polarization of foreign policy aspirations. The heterogeneity of the near abroad is so significant that its most common definition remains its identification through denial. Nevertheless, despite the cultural, civilizational and political-cultural specifics, the diversification of the internal political design and foreign policy attitudes of the countries that were previously part of the USSR, the latter still retain similarities in a number of important parameters, and geographically the area closest to Russia is of great importance to it. In the face of intense competition from non-regional political actors for dominance in the region, Russia still has numerous competitive advantages. In foreign policy, the common denominator of the post-Soviet republics is the multi-vector nature of international orientations, which means the desire to balance between different centers of power, without unequivocally adhering to any of them. In the coming years, the post-Soviet space will continue to be an arena of intense competition for resources, territories, footholds, and assets.

Keywords: foreign policy, international relations, the post-Soviet space, transformations, geopolitical pluralism, resources, multi-vector.

References:

1. Ankersmit F. (2004) *Reprezentativnaya demokratiya [Representative democracy]. Logos [Logos](2)*. (In Russian).
2. Austin R. Berekashvili T., Cheterian V. et al. (2009) *Media, democracy and freedom: The post-communist experience*. Edited by M. Dyczok and O. Gaman-Golutvina. Bern: Peter Lang.
3. *Belarus v tsifrakh – 2023 [Belarus in figures – 2023](2023)*. National Statistical Committee of the Republic of Belarus. (In Russian).
4. Bolgova I.V. (2017) *Politika Rossii na postsovetском prostranstve: tsikly i labirinty [Russia's policy in the post-Soviet space: cycles and labyrinths]*. In: *Evolyutsiya postsovetского prostranstva: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Evolution of the post-Soviet space: past, present, future]*. Moscow: RIAC, pp. 88–92. (In Russian).
5. Brzezinski Z. (1997) *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperative*. New York.
6. *Byulleten' o tekushchikh tendentsiyakh mirovoy ekonomiki [Bulletin on current trends in the global economy] (2017) No 18, March*. Expert Center under the Government of the Russian Federation. (In Russian).
7. *Chelovecheskiy kapital rossiyskikh politicheskikh elit [Human capital of Russian political elites] (2012)*. Eds. E.B. Shestopal and A.V. Selezneva. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
8. Chistilin D.K. (2022) *Ukraina, Gruzziya, Moldaviya mezhdru ES i Rossiey [Ukraine, Georgia, Moldova between the EU and Russia]*. Moscow: Knizhnyy mir. (In Russian).
9. *Dinamika innovatsiy [Dynamics of innovations] (2011)* Ed. V.I. Suprun. Novosibirsk. (In Russian).
10. *Evolyutsiya postsovetского prostranstva: proshloe, nastoyashchee, budushchee: khrestomatiya [Evolution of the post-Soviet space: past, present, future: reader] (2017)* Moscow: RIAC. (In Russian).
11. Gaman-Golutvina O.V. (2025a) *Mozaika stranovedcheskikh issledovaniy: kazusno-orientirovanny podkhod [Mosaic of Regional Studies: A Case-Oriented Approach]. Sravnitel'naya politika [Comparative Politics Russia] 16(1): 4–24*. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-1-16-1. (In Russian).

12. Gaman-Golutvina O.V. (2025b) Mozaika stranovedcheskikh issledovaniy v makroregional'nom kontekste [Mosaic of Regional Studies in a Macroregional Context]. *Sravnitel'naya politika [Comparative Politics Russia]* 16(2): 6–25. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-2-16-1. (In Russian).
13. Gaman-Golutvina O.V., Ponomareva E.G., Shishelina L.N. (2014) "Vostochnoe partnerstvo": bor'ba stsensariy razvitiya [Eastern Partnership: competing development scenarios]. *Polis* (5): 20–40. (In Russian).
14. *God planety: Ezhegodnik IMEMO RAN [Yearbook of IMEMO RAS]* (2025) Issue 2024: Economy, politics, security. Eds. V.G. Baranovskiy and E.G. Solov'ev. Moscow: Ideya-Press. (In Russian).
15. Haushofer A. (1951) *Allgemeine politische Geographie und Geopolitik*. Heidelberg.
16. Hill F., Gaddy C. (2003) *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Brookings Institution Press, Washington. 240 p.
17. Huntington S.P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York.
18. Ioffe G. (2014) *Reassessing Lukashenka: Belarus in cultural and geopolitical context*. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan. 305 p.
19. *Istoriya Rossiyskoy assotsiatsii politicheskoy nauki [History of the Russian Political Science Association]* (2015) Eds. S.V. Patrushev and L.E. Filippova. Moscow. (In Russian).
20. Kostovicova D., Bojicic-Dzelilovic V. (eds) (2009) *Persistent state weakness in the global age*. Farnham: Ashgate, 213 p.
21. Mackinder H.J. (1904) *The Geographical Pivot of History*. The Geographical Journal.
22. Mackinder H.J. (1919) *Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction*. New York.
23. Mahan A.T. (1970, or. 1897) *The Interest of America in Sea Power, Present and Future*. Boston.
24. Mahan A.T. (1987, or. 1890) *The Influence of Sea Power upon History, 1660–1783*. New York.
25. Meleshkina E.Yu. (2013) Postimperskie prostranstva: osobennosti formirovaniya gosudarstva i natsiy [Post-imperial spaces: features of state and nation-building]. *Politicheskaya nauka [Political Studies]* (3). (In Russian).
26. Meleshkina E.Yu. and Kudryashova I.V. (2022) Posle imperiy: možno li perekovat' mechi na orala? [After empires: can swords be beaten into ploughshares?]. *Politicheskaya nauka [Political Studies]* (1): 14–51. DOI: 10.31249/poln/2022.01.01. (In Russian).
27. Mezhevich N.M. (2022) Teoreticheskie predposylki i prakticheskie vozmozhnosti rossiysko-belorusskogo sotrudnichestva [Theoretical premises and practical opportunities of Russian-Belarusian cooperation]. *Mezhdunarodnaya zhizn' [International Affairs]* (5): 28–37. (In Russian).
28. Mezhevich N.M. (2024) *Belarus': transformatsiya i modernizatsiya. Itogi postsovetskogo razvitiya [Belarus: transformation and modernization. Results of post-Soviet development]*. Moscow: Institute of Europe RAS. (In Russian).
29. Miller A.I. (2013) Modernye imperii: problemy klassifikatsii, mekhanizmy konsolidatsii i raspada [Modern empires: classification problems, mechanisms of consolidation and disintegration]. *Politicheskaya nauka* (3). (In Russian).
30. Politicheskie protsessy na postsovetskom prostranstve: novye trendy i starye problemy [Political processes in the post-Soviet space: new trends and old problems]. (2020) Eds. E.G. Solov'ev and G.I. Chufirin. Moscow: IMEMO RAS. (In Russian).
31. Politicheskiy klass v sovremennom obshchestve [The political class in contemporary society]. (2012) Ed. O.V. Gaman-Golutvina. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
32. *Postsovetskie gosudarstva na sovremennom etape: vnutripoliticheskaya dinamika i poisk putey razvitiya [Post-Soviet states at the present stage: domestic political dynamics and development paths]* (2024). Ed. E.G. Solov'ev. Moscow: IMEMO RAS. (In Russian).

33. Samokhovets M.P., Grechishkina E.A., Glazkova N.G. (2020) Vneshnyaya trgovlya Respubliki Belarus': tendentsii i perspektivy [Foreign trade of the Republic of Belarus: trends and prospects]. *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia] 8(3): 15–23. (In Russian).
34. Shamakhov V.A., Maksimtsev I.A., Mezhevich N.M. (2019) Vneshneekonomicheskie svyazi Rossii i Belarusi: ob"ektivnye vozmozhnosti i sub"ektivnye prepyatstviya razvitiya [Foreign economic relations between Russia and Belarus: objective opportunities and subjective constraints]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting] (10): 8–16. (In Russian).
35. Shevtsov Yu.V. (2005) *Ob"edinennaya natsiya. Fenomen Belorussii* [The united nation: the phenomenon of Belarus]. Moscow: Evropa. (In Russian).
36. *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya* [Contemporary international relations] (2012) Eds. A.V. Torkunov and A.V. Malgin. Moscow: Aspekt-Press. (In Russian).
37. Trenin D.V. (2017) Rossiya i strany SNG: "vzroslenie" otnosheniy [Russia and the CIS countries: the "maturation" of relations]. In: *Evolyutsiya postsovetского prostranstva: proshloe, nastoyashchee, budushchee: khrestomatiya* [Evolution of the post-Soviet space: past, present, future]. Moscow: RIAC. (In Russian).
38. Tven M. (1906) *My – anglosaksy* [We are Anglo-Saxons]. (In Russian).
39. Vladytskiy A.S. (2017) Postsovetское prostranstvo v sovremennoy geopoliticheskoy strukture mira [The post-Soviet space in the modern geopolitical structure of the world]. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University. Humanitarian Sciences] (4): 56–62. (In Russian).

КРЫМСКИЙ ПОЛУОСТРОВ, ЧЕРНОЕ МОРЕ И ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН В ЗАПАДНОЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ: ДОКТРИНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Ольга МОСКАЛЕНКО
СевГУ

Александр ИРХИН
КФУ имени В.И.Вернадского, СевГУ

Сергей ЮРЧЕНКО
КФУ имени В.И.Вернадского

Наталья ДЕМЕШКО
СевГУ

Аннотация: Данная статья является продолжением научной траектории исследовательского коллектива, занимающегося проблемами безопасности Черноморского региона (ЧР) в его различных геополитических конфигурациях (ЧР как пространство семи прибрежных государств; Большой ЧР, включающий семь прибрежных государств, Армению и Азербайджан;

Ольга Александровна Москаленко – кандидат филологических наук, доцент Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет.

ORCID: 0000-0002-4162-3162. E-mail: kerulen@bk.ru
299053, Севастополь, ул. Университетская, д. 33.

Александр Анатольевич Ирхин – доктор политических наук, профессор, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского; главный научный сотрудник, Севастопольский государственный университет.

ORCID: 0000-0001-7895-550X. E-mail: alex.irhin@mail.ru
299053, Севастополь, ул. Университетская, д. 33; 295007, Симферополь, ул. Академика Вернадского, д. 4.

Сергей Васильевич Юрченко – доктор политических наук, первый проректор – проректор по международной деятельности, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского.

ORCID: 0009-0008-2835-4413. E-mail: cbur@mail.ru
295007, Симферополь, ул. Академика Вернадского, д. 4.

Наталья Эдуардовна Демешко – кандидат политических наук, доцент Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет.

ORCID: 0000-0002-9620-2410. E-mail: nataliedem93@mail.ru
299053, Севастополь, ул. Университетская, д. 33.

Поступила в редакцию: 10.02.2025

Принята к публикации: 21.05.2025

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01354, <https://rscf.ru/project/25-28-01354/>.

Балто-Черноморский регион; Черноморско-Каспийский регион и ЧР как «нервный узел» Большого Средиземноморья) в широком понимании термина «безопасность», сквозь призму национальных интересов России. В статье исследуется концептуально-доктринальный уровень политики США, ЕС, Британии, НАТО и введомой ими Украины в отношении Черноморского региона (ЧР) после 2014 г. Анализируются доктринальные документы, в которых раскрываются стратегии, цели и задачи этих субъектов в регионе. Исследование доктринального и в некоторой степени предшествующего ему концептуального уровней политики, реализуемой в ЧР, позволит определить степень совместимости, конфликта и возможного компромисса между различными региональными и мировыми игроками, конкурирующими за позиции в регионе в его различных геополитических конфигурациях. Исследование выполнено в парадигме реализма с применением системного, геополитического и конструктивистского подходов. В качестве основных методов использованы качественный контент-анализ, контекстный и дискурсивный анализ документов. Изученные доктринальные документы – «Стратегический компас» ЕС, Концепция безопасности НАТО, обновленная «Глобальная Британия», Стратегия морской безопасности Украины, Черноморская стратегия США в 2022–2024 гг. – стали отражением развития концепции Большого ЧР, сформулированной в 2004–2006 гг. Германским фондом Маршалла* и Фондом «Наследие»*, в которой не остается места для военно-политического, экономического и иного рода присутствия России в Черноморском бассейне. Роль «первой скрипки» в споре великих держав, на которую претендует Британия, объясняется традиционным стремлением Лондона присутствовать в Черном и Каспийском морях и выстраивать свою линию обороны, вытесняя при этом Россию в глубь Евразии, подальше от побережья. Авторы видят в этом стремление Британии реализовать свои традиционные геостратегические подходы, которые разработал Х. Маккиндер: контроль Хартленда через Центральную Азию (1904) и Восточную Европу – через Балто-Черноморскую перемычку (1919). Сейчас наблюдается одновременная комбинация и синтез двух подходов Маккиндера: Запад стремится создать Балто-Черноморско-Каспийский санитарный пояс «сдерживания» России, имеющий два морских входа в регион: Балтийский и Черноморский. Между тем в историческом опыте Лондона есть и вариант, при котором Россия на время «выключалась» из Черноморско-Средиземноморской игры: после Крымской войны. Проведенное исследование показало, что если позиция «коллективного Запада» не будет скорректирована, то результатом его продолжающегося воздействия на ЧР должно стать вытеснение России из региона с одновременным снижением влияния Турции за счет «размывания» и обхода Конвенции Монрё, постоянное присутствие военных сил НАТО в Черном море (дополнительно к силам региональных Турции, Румынии и Болгарии), в том числе за счет альтернативных Черноморским проливам маршрутов.

Ключевые слова: Крым, Черноморский регион, черноморская стратегия, Специальная военная операция, США, ЕС, Великобритания, Конвенция Монрё

Воссоединение Крыма с Россией значительно ускорило процессы формирования новой системы международных отношений. Черноморский регион (ЧР) – некогда периферия холодной войны – вновь стал центром региональной и мировой политики, средоточием военно-политической напряженности. В этом плане позиция украинского МИД как продолжение позиции «коллективного Запада» включает в себя восприятие Крымского полуострова как «центра тяжести европейской архитектуры безопасности» (Gaber, 2024)

* Организация внесена Минюстом Российской Федерации в перечень иностранных и неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

и полностью укладывается в понимание Черноморского региона как стратегического. Импульс формированию таких представлений придали события 2008 г. на Южном Кавказе, затем возвращение Крыма в состав России в 2014 г. Анализ медийного и экспертного пространств, а также работа с доктринальными документами основных геополитических акторов показывают, что после начала специальной военной операции (СВО) Крымский полуостров остается одним из столпов настоящей и будущей региональной и мировой архитектуры безопасности¹. Если следовать теории цикличности мировых войн, то, возможно, мы находимся внутри нового цикла, и географически он ассоциируется с ЧР.

В последние несколько десятилетий ЧР испытывает на себе динамические геополитические изменения: с 1991 г. начинается его фрагментация в результате распада СССР и дезинтеграции Восточного блока, почти одновременно следуют наступление евро-атлантической платформы и попытки эту экспансию остановить сначала со стороны Турции, несмотря на вовлеченность последней в западные военно-политические структуры, а затем и России. Так, в 2004 г. Турция выступила инициатором «Черноморской гармонии» – инструмента блокирования американской военно-морской операции «Активные усилия», которую США и НАТО стали проводить в Средиземном море с призывом ее расширения и на Черное море. В 2006 г. по приглашению Турецкой Республики к «Черноморской гармонии» присоединилась Российская Федерация, тем самым предотвратив «размывание» ключевых статей Конвенции Монтрё 1936 г. и непосредственное проникновение военно-морских сил НАТО в Черное море вне рамок Конвенции².

Трансформация Черноморского региона продолжается. Его географические границы определяются прибрежным принципом, однако геополитические контуры варьируются в зависимости от интересов великих держав, конкурирующих за позиции и влияние в регионе. Первенство здесь принадлежало американским мозговым центрам, которые в начале нулевых годов выдвинули концепции Евroatлантического Причерноморья и Большого Черноморского региона (Ирхин & Москаленко, 2021).

Цель настоящего исследования – выявление специфики подходов «коллективного Запада» (США, ЕС, Британии, НАТО) и ведомой ими Украины к ЧР после возвращения Крымского полуострова в состав России в 2014 г. Поставленная цель достигается посредством анализа доктринальных документов, в которых раскрываются стратегии, цели и задачи этих субъектов в регионе. Изучение доктринального и в некотором смысле предшествующего ему концептуального уровней политики, реализуемой в ЧР, позволит определить степень совместимости, конфликта и возможного компромисса между различными региональными и мировыми игроками, конкурирующими

¹ Подробно об основных подходах к формированию различных геополитических конфигураций Черноморского региона и концептуальных основах политики в отношении региона в дискурсе западных и турецких «фабрик мысли» см.: Demeshko, Irkhin & Moskalenko, 2024.

² Подробнее см.: Ирхин & Москаленко, 2021.

за позиции в регионе в его различных геополитических конфигурациях: ЧР как пространство семи прибрежных государств, имеющих выход к берегам Черного моря (Россия, Турция, Украина, Грузия, Болгария, Румыния и Молдавия за счет п. Джурджулешты); Большой ЧР (концепция США), включающий семь прибрежных государств, а также Армению, Азербайджан и Грецию; Балто-Черноморский регион, Черноморско-Каспийский регион и ЧР как «нервный узел» Большого Средиземноморья (Ирхин & Москаленко, 2021: 500–501). В зависимости от целей геополитических субъектов модели регионов могут дополняться и изменяться.

Процесс геополитического конструирования Черноморского пространства после 1991 г. изначально находился под управлением внерегиональных акторов (Tsantoulis, 2016). Наряду с теми смыслами, которыми наделяли ЧР его заокеанские «архитекторы», важно учитывать и структуру самого региона, отражающую отношения между центром и окраинами, ядром и периферией, так как она имеет прямые политические последствия (Ирхин, 2024: 8–17; Ирхин & Москаленко, 2021).

В 2023 г. М. Карлин, на тот момент советник по внешнеполитическим и оборонным вопросам США, на Форуме по безопасности в Черноморском регионе и на Балканах следующим образом интегрировала подходы к региону, определяющие его присутствие в Стратегии национальной обороны США: *«Прежде всего, Черноморский регион имеет чрезвычайно важное геостратегическое значение. Он **соединяет** Европу с Ближним Востоком и территориями за ним, является **ключевым узлом** транзита энергоресурсов. Черное море было **ключевым участком** Шелкового пути до Рождества Христова. Оно **соединяло** Римскую империю с Азией. Это море служило **мостом** для Византийской империи, Османской империи, было торговым, миграционным и военным **маршрутом**. Оно выступает **ключевой линией фронта** трансатлантической безопасности. Сегодня здесь идет крупнейший конфликт в Европе со времен Второй мировой войны»³.*

Подвижной оказалась и позиция по отношению к ЧР внутри ЕС и за пределами ЕС. После распада СССР регион рассматривался как возможная сфера европейского влияния, при этом «Черноморский сосед» не признавался европейцем в полной мере и требовал «европеизации». Тогда же Румыния проявила стремление стать геополитическим центром региона. Спустя четверть века она заявляет те же претензии, по крайней мере на институциональном уровне, организовывая многочисленные площадки по обсуждению военно-политического будущего региона.

Турция традиционно воспринимает Черное море как зону особых национальных интересов, процессы в котором определяются Конвенцией Монтрё 1936 г. (Москаленко et al., 2024). С 2014 г. эта позиция стала еще более очевидной: в соответствии с ней реализуется логика «Турецкого баланса»,

³ Garamone J. (2023) U.S. Official Looks to Deter Russia in Black Sea Region. *US Department of Defense*, 19 May. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3390038/us-official-looks-to-deter-russia-in-black-sea-region/> (accessed 5 February 2025).

ориентированная на недопущение в Черное море иных крупных акторов, кроме России и самой Турции (Ирхин, Москаленко & Демешко, 2024). В России с момента возвращения Крыма и Севастопольской военно-морской базы (ВМБ) ЧР стал ясно осознаваться как регион, в котором внутренняя и внешняя политика тесно переплетены (Ирхин, 2023: 244). Последнее во многом предопределено некоторой «сакрализацией» ЧР.

В статье решаются следующие **задачи**: выявлены и проанализированы основные концепции в отношении ЧР, разработанные в США, ЕС, Британии и ведомой ими Украине; проанализированы доктринальные документы перечисленных субъектов в отношении региона и «крымского плацдарма» России. **Объектом** исследования является ЧР в его различных геополитических конфигурациях в контексте национальных интересов государств «коллективного Запада» после 2014 г.; **предметом** – геополитические концепции великих держав и их продолжение в доктринальных документах «коллективного Запада». Обзор проводится в предметном поле российских национальных интересов и их эволюции после 2014 г. с учетом того, что дефиниция национальных интересов не статична.

Геополитический подход позволяет смоделировать в рамках этого противостояния необходимость для России восстановить линию Новороссии и сохранить при этом плацдарм своего присутствия в Восточном Средиземноморье. Исследование выполнено в парадигме реализма с использованием системного, геополитического и конструктивистского подходов с применением контекстного и дискурсивного анализа, а также качественного контент-анализа.

Эмпирическую базу исследования составили доктринальные документы США, НАТО, ЕС, Британии, Украины, а также аналитические записки, в которых раскрываются черноморские стратегии указанных акторов. Эти материалы были разработаны или обновлены после начала СВО России на Украине, что было связано с изменением архитектуры глобальной безопасности. В 2022 г. вышла Стратегическая концепция НАТО на ближайшие десять лет (*NATO 2022 Strategic Concept*). В июле 2022 г. на рассмотрение Конгресса США был внесен проект Акта по безопасности в Черном море 2022 г. (*Black Sea Security Act of 2022*), который к концу 2023 г. проходил согласование в Сенате под названием «Акт по безопасности в Черном море 2023 г.» (*Black Sea Security Act of 2023*, далее – Акт). В 2022 г. ЕС обнародовал «Стратегический компас по безопасности и обороне» (*A Strategic Compass for Security and Defence for a European Union That Protects Its Citizens, Values and Interests and Contributes to International Peace and Security*), сменивший датирующуюся 2016 г. «Глобальную стратегию Европейского союза по внешней политике и безопасности: общее видение, совместные действия» (*Global Strategy for the EU's Foreign and Security Policy*). В 2023 г. Правительство Великобритании актуализировало в связи с началом СВО принятую в 2021 г. Стратегию «Глобальная Британия» (*Global Britain in a Competitive Age. The Integrated Review of Security*): Р. Сунак утвердил Обновленную интегрированную Стратегию

национальной безопасности Великобритании (*Integrated Review Refresh 2023. Responding to a more contested and volatile world*).

Предлагаемые глобальными западными акторами концепции стратегических действий, адаптированные к новой геополитической ситуации, поставили вопрос о том, как они на практическом уровне будут взаимодействовать и координировать усилия, в том числе, по отношению к ЧР, центром которого стало военно-политическое противостояние между Россией и Украиной. В июле 2024 г. В. Зеленский подписал Стратегию морской безопасности Украины (*Стратегія морської безпеки України*), через полгода после которой появилось Соглашение о столетнем сотрудничестве (*UK-Ukraine 100 Year Partnership Declaration*).

Кроме того, для анализа привлекаются Стратегия национальной безопасности США (*USA National Security Strategy*) и Национальная оборонная стратегия США (*US National Defence Strategy*), принятые в 2022 г. при Дж. Байдене, а также материалы и резолюции Совета Украина – НАТО, аналитические доклады.

Черноморский регион и Крым в доктринальных документах США и НАТО

Законопроект, представляющий концепцию стратегии США в ЧР, Акт по безопасности в Черном море 2023, **хотя и не принят в настоящее время**, носит рамочно-доктринальный характер. «Под "черноморскими государствами" понимаются Турция, Румыния, Болгария, Молдавия, Украина и Грузия» – в основе приведенной в документе дефиниции региона лежит не географический принцип, а политический: Россия не включена в список черноморских государств, хотя упоминается в тексте законопроекта 18 раз – в контекстах, которые ставят ее в позицию противника коллективного ЧР. Основным интересом США в ЧР заявляется «предотвращение распространения военного конфликта в Европе за счет признания ЧР ареной российской агрессии, критическое противодействие которой должны оказать прибрежные черноморские государства, что станет вкладом в коллективную безопасность НАТО»⁴. В документе определены несколько векторов внешней политики США в ЧР.

(1) В рамках НАТО и с союзниками по блоку предполагается разработка долговременной стратегии для обеспечения постоянного военного присутствия на восточном фланге НАТО (постоянного сменяемого морского присутствия в Черном море). (2) Стратегия сотрудничества с ЕС направлена на «поддержание демократических ценностей и экономического процветания региона, в котором два государства являются членами ЕС, а четыре имеют статус кандидата»⁵. На институциональном уровне предусмотрена

⁴ US Congress (2023) Black Sea Security Act of 2023. Available at: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/804/text> (accessed 5 February 2025).

⁵ Ibid.

поддержка Инициативы трех морей. (3) Политика в отношении Турции оговаривается отдельно, хотя формально она входит и в первую, и во вторую группу государств: действия Турции по отношению к региональным союзникам и демократическим государствам признаны контрпродуктивными и провоцирующими рост напряженности в регионе. США рекомендуют Турции избегать любых шагов, которые могут привести к дальнейшей эскалации напряженности⁶.

На дискурсивном уровне Турция уже исключена из однозначных союзников США в ЧР: она единственная не входит в перечень стран ЧР, которым предполагается оказывать содействие в области безопасности (эти страны – Украина, Румыния, Болгария, Молдавия и Грузия). Хотя признаются заслуги Турции в реализации зерновой сделки, США планируют разработку мер в сфере продовольственной безопасности, которые не будут с ней координированы. Неоднократно упомянутая необходимость расширения свободы мореплавания в Черном море напрямую связана не только с присутствием Черноморского флота (ЧФ) России, но и с режимом Черноморских проливов⁷.

В целом тон Акта по безопасности в Черном море 2023 г. не оставляет сомнений в аксиоматичности «миссии» США вершить судьбу региона, выполнять роль лидера и навязывать свою политическую волю. Констатируется, что США должны обеспечить диалог и сотрудничество шести государств региона, что страны, исторически и экономически связанные с Россией, «ищут ... присутствия США и Европы в более широком регионе [Большом ЧР – прим. авторов] в качестве противовеса разрушительному влиянию Российской Федерации»⁸; предполагается не только «противостоять информационному влиянию России в регионе, в т.ч. за счет работы независимых и прямо поддерживаемых США СМИ», но и включить в свою сферу влияния население Белоруссии и самой России.

В новой архитектуре безопасности ЧР, которая намечена в Акте, хоть пока и не принятом, но ставшем основой долговременной стратегии Соединенных Штатов, нет места России как самостоятельному актору. Присутствие США в регионе будет направлено на противодействие растущей экономической интеграции КНР в черноморское пространство за счет развития инициативы «Пояс и Путь», которая должна обеспечить дальнейшую экспансию китайского бизнеса на европейские рынки. Акт по безопасности в Черном море 2023 г. продолжает логику Стратегии национальной безопасности США 2022 г., в которой Россия предстает в качестве непосредственной угрозы открытой и свободной системе международных отношений. Тогда как Китай признается единственным соперником, стремящимся переформатировать миропорядок и обладающим экономическими, дипломатическими, военными

⁶ *US Congress* (2023) Black Sea Security Act of 2023. Available at: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/804/text> (accessed 5 February 2025).

⁷ Подробно см.: Ирхин, 2024: 104–128.

⁸ *US Congress* (2023) Black Sea Security Act of 2023. Available at: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/804/text> (accessed 5 February 2025).

и технологическими возможностями для этого⁹. В документе не упоминается ЧР (как, впрочем, и в Национальной оборонной стратегии 2022 г.¹⁰), но раскрываются механизмы сдерживания России на европейском направлении, а также противостояния с Китаем в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) с перспективой выхода соперничества на глобальный уровень.

Несмотря на то, что в западном обществе не прекращаются дискуссии о необходимости разработки отдельной концепции НАТО по ЧР, в Стратегической концепции НАТО 2022 г. Черноморский регион упоминается всего дважды¹¹ – и оба раза в контексте нарушения стабильности Евроатлантической зоны со стороны России, которая «представляет непосредственную угрозу безопасности Альянса»¹². Нарастание Россией военной мощи, в том числе в Балтийском, Черноморском и Средиземноморском регионах, а также военная интеграция с Белоруссией представлены как вызов интересам и безопасности НАТО¹³. Альянс декларирует дальнейшую поддержку государств «Черноморского региона и Западных Балкан»¹⁴, обозначая их «стратегическое значение».

На сайте Североатлантического альянса представлен 31 официальный документ с упоминанием Черноморского региона¹⁵. Первые контуры ЧР в документах НАТО были намечены в 2001 г. в Стратегии действий Совета евроатлантического партнерства 2002–2004 гг. (*Action Plan 2002–2004 Euro-Atlantic Partnership Council, EAPC*), однако оговаривалась только научно-исследовательская перспектива.

Переломным моментом стал Варшавский саммит 2016 г., в рамках которого предусматривалась разработка мер по влиянию на ситуацию в регионе: впервые он был включен в перечень имеющих стратегическое значение для Альянса и партнеров¹⁶. В таком статусе ЧР неизменно фигурирует в официальных документах НАТО, начиная с саммита в Брюсселе, который состоялся 12 июля 2018 г.¹⁷

В Заявлении по итогам встречи в верхах в Вильнюсе от 11 июля 2023 г. предлагается относительно развернутый план действий НАТО в регионе: выражается поддержка территориальной целостности и суверенитета

⁹ *The White House* (2022) USA National Security Strategy. Available at: <https://tinyurl.com/3mrdmt2u> (accessed 7 May 2025). P. 8.

¹⁰ *US Department of Defence* (2022) US National Defence Strategy 2022. Available at: <https://tinyurl.com/3mbvjcmj> (accessed 7 May 2025).

¹¹ Хотя в предыдущей Концепции 2010 г. «Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности Членов Организации Североатлантического договора» ЧР как отдельная конструкция в рамках Евроатлантики не выделяется вовсе.

¹² *NATO* (2022) NATO 2022 Strategic Concept. Available at: <https://tinyurl.com/3wruwh7c> (accessed 5 May 2025). P. 4.

¹³ *Ibid.*

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ По поисковому запросу «Black Sea region» на сайте <https://www.nato.int/>.

¹⁶ *NATO* (2016) Warsaw Summit Communiqué. Available at: <https://tinyurl.com/42hbxemj> (accessed 7 May 2025).

¹⁷ *NATO* (2018) NATO-Georgia Commission Declaration at the Brussels Summit. Available at: <https://tinyurl.com/98s65x4x> (accessed 7 May 2025).

Украины, Грузии и Молдавии в их международно признанных границах, России же адресуется призыв вывести войска. Особый акцент делается на обеспечении свободы судоходства в Черном море. О примате Конвенции Монтрё речи уже не идет: напротив, предлагается обращаться к ней в зависимости от обстоятельств.

В Декларации Вашингтонского саммита НАТО от 10 июля 2024 г. повторяются формулировки предыдущей о *«неизменной поддержке региональных усилий Североатлантического союза, направленных на сохранение безопасности, стабильности и свободы судоходства в Черноморском регионе, в том числе при необходимости, согласно Конвенции Монтрё 1936 г.»*, но при этом делается акцент на *«вводе в действие тремя прибрежными государствами – членами НАТО Целевой противоминной группы в Черном море»*¹⁸. Кроме того, не признается *«незаконная и нелегитимная аннексия Крыма»*¹⁹.

Комитет по оборонной политике и безопасности Парламентской Ассамблеи НАТО²⁰ в открытом доступе разместил доклад британского политика, бывшего государственного министра Вооруженных сил Великобритании лорда Марка Ланкастера *«Очаг напряженности: как российско-украинская война меняет безопасность в Черном море»* (Lancaster, 2023). В докладе Черное море метафорически обозначается как *«линия стратегического разлома»* между НАТО и Россией, а региону приписывается *«раскол по оси Восток – Запад»*, что стало причиной десяти конфликтов: *«Приднестровский конфликт в Молдавии, Грузино–Абхазская война, Гражданская война в Грузии, Русско–Грузинская война 2008 г., две Чеченских войны, две Армяно–Азербайджанских войны в Нагорном Карабахе и два вторжения России на Украину»* (Lancaster, 2023: 1).

Выведены две причины напряженности в ЧР – внутренняя и внешняя: (1) вхождение региона в постбиполярный период в крайне нестабильном состоянии, так как прибрежные государства (Болгария, Грузия, Румыния, Россия, и Украина), за исключением Турции, не имели стратегического видения своего будущего; (2) отсутствие консенсуса в НАТО (особенно среди государств-членов, имеющих выход к Черному морю) по позиции Организации в ЧР вплоть до событий 2022 г., которые стимулировали несколько региональных инициатив Альянса (в частности, размещение многонациональных батальонов в Болгарии и Румынии).

Реинтеграция Крымского полуострова в состав России позволила ей получить контроль над всем Черным морем, провести операции в Сирии и в Ливии, увеличить присутствие ЧФ в Средиземном море (Lancaster, 2023: 1).

¹⁸ NATO (2024) Декларация Вашингтонского саммита. Available at: <https://tinyurl.com/3wffww24> (дата обращения: 07.05.2025).

¹⁹ NATO (2023) Заявление по итогам встречи в верхах в Вильнюсе. Available at: <https://tinyurl.com/h27jbmz7> (дата обращения: 07.05.2025); NATO (2024) Декларация Вашингтонского саммита. Available at: <https://tinyurl.com/3wffww24> (дата обращения: 07.05.2025).

²⁰ Парламентская Ассамблея НАТО основана в 1955 г. и функционирует в качестве консультативной межпарламентской организации, институционально независимой от НАТО.

Доклад основывается на принципах *realpolitik*, в соответствии с которыми интересы Украины как таковой не учитываются. В качестве главной угрозы выделяется потенциально значительное двухэтапное (2014 г. и 2022 г.) усиление России в Черноморском регионе, которое, по мнению автора доклада, ставит под угрозу выстроенную после распада СССР архитектуру безопасности.

Новая ситуация потребовала конкретизированной стратегии НАТО в отношении ЧР, отвечающей Стратегической концепции НАТО 2022 г. и исходящей из двух факторов существования и развития ЧР: 1) функционирование Конвенции Монтрё на протяжении последних 89 лет; 2) возникшая в постбиполярный период линия стратегического «разлома» в регионе, которую углубила «ревизионистская политика России», начиная с 2000-х гг. (Lancaster, 2023: 2–3). Первый находится в непосредственной взаимосвязи с внешнеполитическим курсом Турецкой Республики, так как Конвенция Монтрё 1936 г. не просто регулирует движение различных типов судов через Проливы, но служит инструментом сохранения баланса сил в ЧР. Последнее позволило Турции рассматривать вопросы безопасности региона в рамках компетенции расположенных в нем государств и, следовательно, тяготеть к сохранению различных институтов, таких как Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), Черноморская военно-морская группа оперативного взаимодействия («Блэксифор»), Черноморская гармония, но главное – стремиться не допускать усиления внешних игроков.

Румыния, напротив, всячески добивается вовлечения Североатлантического альянса в дела региона, особенно после 2014 г. В 2016 г. Президент Румынии выступил с инициативой создания Объединенного Черноморского флота НАТО прибрежными государствами, но она была публично отвергнута Болгарией и Турцией, при том, что последняя является ключевым союзником по НАТО в регионе. Подобного рода разногласия стали причиной отсутствия четкой и единой стратегии Североатлантического альянса в ЧР, что привело к недостаточному присутствию сил Блока в воздухе, на море и на суше в период с 2014 по 2022 гг., несмотря на ужесточение риторики.

Автор доклада выдвигает как аксиому, что регион останется «ядром российской стратегии» вне зависимости от сценария разрешения украинского кризиса, так как не только является для России ключом к евразийской сфере влияния, но и обеспечивает ей статус «великой державы». При этом он прогнозирует, что так называемая игра в серой зоне со стороны России («дезинформация», «энергетический шантаж», «подкуп элит») будет только интенсифицироваться в случае ухудшения ее положения на Украине. Соответственно, военное присутствие России как на Крымском полуострове, так и в Черноморском бассейне (что обеспечивается наличием военно-морской базы (ВМБ) в Севастополе и инфраструктурными проектами, соединяющими полуостров с материком (Крымский мост, подводный энергомоет)) входит в сферу национальных интересов России, которыми она не поступится ни при каких обстоятельствах. В экспертизе для Парламентской ассамблеи НАТО

особо выделяется вопрос инфраструктуры: Крымский мост определен как основной коммуникационный путь для российских сил (Lancaster, 2023: 5–7).

Метафора «вскрытия региона по линии стратегического разлома» на самом деле позиционирует его как открытую и свободную площадку для реализации стратегии НАТО. Иными словами, «*зияющий разлом в регионе*» открыл для Альянса новое окно возможностей и ряд непосредственных выгод в области не только безопасности, но и энергетики, так как ЧР – центральный хаб нефтегазового экспорта в Европу, Средиземноморье и за его пределы, обладающий потенциалом связать Европу с Центральной Азией.

Таким образом, выведен еще один тезис: долговременное присутствие России в регионе несет прямую угрозу энергетическим интересам ЕС. Рекомендации Комитета по оборонной политике и безопасности Парламентской Ассамблеи НАТО основываются на учете двух основных выведенных в докладе факторов: (1) вне зависимости от исхода украинского конфликта Россия не уступит лидирующие позиции в Черноморском регионе; (2) поскольку продовольственное и энергетическое значение ЧР в ближайшие годы будет только возрастать, Североатлантическому альянсу следует предложить государствам-членам и партнерам беспроигрышную и привлекательную концепцию будущей безопасности в регионе, противопоставив ее стремлению России доминировать в нем.

Сами рекомендации состоят в следующем:

– Разработка Черноморской стратегии НАТО, включающей План действий, и поддержка национальных Черноморских стратегий: документы должны учитывать как угрозы и вызовы в ЧР, так и более широкие вопросы энергетической и продовольственной безопасности, а также соответствовать стратегии ЕС в отношении региона. Документы союзников по НАТО должны отражать национальные интересы каждого государства, но при этом быть подчинены общей стратегии Альянса. США уже стали флагманом, запустив согласование соответствующего законопроекта в Сенате.

– Улучшение военной мобильности каждого из прибрежных государств НАТО, а также совершенствование их взаимодействия по данному направлению: особый акцент предполагается сделать на полном аудите транспортных инфраструктур Румынии и Болгарии на предмет их пригодности для военных целей; допускается финансирование этих нужд из средств Инициативы трех морей НАТО.

– Усиление военно-морского присутствия НАТО в Черном море: невзирая на ограничения, которые накладывает Конвенция Монтрё на военные корабли, Североатлантический альянс может и должен обеспечить круглогодичное ежедневное присутствие в Черном море для сдерживания России. Среди способов – увеличение количества совместных военно-морских учений, в том числе с участием Грузии, что расширит географию вовлеченности НАТО; сотрудничество черноморских государств НАТО с другими членами Организации в целях выстраивания архитектуры морской безопасности

региона «на основе норм международного права»; создание Морской флотилии НАТО с вкладом прибрежных государств НАТО, что позволит ей неограниченно находиться в Черном море (такая форма участия не будет противоречить Конвенции Монтрё и обеспечит постоянное присутствие НАТО в ЧР) – предполагается, что именно Турция должна будет внести наиболее значимый первоначальный вклад.

– Усиление разведывательных возможностей НАТО в ЧР; инвестиции в размещение высокоточных вооружений большой дальности и системы защиты береговой линии (в т.ч. Украины, Грузии и Молдавии), в системы ПВО; подписание Союзниками Европейской инициативы «Небесный щит» (Lancaster, 2023: 12–14).

Переход Черноморского региона в статус стратегического для НАТО, что закреплено в официальных документах саммитов Альянса в 2023 и 2024 гг. и в Стратегической концепции НАТО 2022 г., обусловлен не столько военно-политическим противостоянием между Россией и Украиной, сколько неприятием перспективы укрепления первой на крымском и, в целом, черноморском побережье.

Европейский союз

Украинский кризис разрушил архитектуру безопасности постялтинской Европы, формировавшуюся за счет России на протяжении последних 30 лет, и высветил недостаточную субъектность Европейского союза, перед которым встал вопрос о мерах в области безопасности и обороны, позволивших бы ему адекватно реагировать на усложняющуюся международную обстановку. Хотя только два прибрежных черноморских государства – Румыния и Болгария – являются полноправными членами ЕС, а Украина, Турция и Молдавия получили статус кандидатов на вступление, на который претендует и Грузия, заинтересованность Европейского союза в ЧР, в том числе в восточной его части, не вызывает сомнений как минимум с точки зрения экономических и энергетических факторов, а также вопросов коммуникации и безопасности. По дну Черного моря тянутся сотни километров трубопроводов и оптоволоконных линий, на берегах расположены стратегические порты, устье Дуная на протяжении веков играет роль ключевой экономической артерии для Центральной и Восточной Европы²¹, но главное для ЕС – Черное море связывает Европу и Азию, которая возвращает себе роль мирового экономического локомотива.

В 2022 г. ЕС выпустил документ «*Стратегический компас по безопасности и обороне*», сменивший датирующуюся 2016 г. «*Глобальную стратегию Европейского союза по внешней политике и безопасности: общее видение, совместные действия*». Уже сами названия стратегических документов ЕС

²¹ Coffey L. (2020) Europe has a vested interest in a safe, secure, and prosperous Black Sea. *Middle East Institute*, 24 March. Available at: <https://tinyurl.com/bdfwrwam> (accessed 7 May 2025).

отражают эволюцию внешнеполитической линии и место ЕС как части глобального Запада: в 2016 г. акцент делался на общности интересов и действий европейских государств, а в 2022 г. – на защите интересов граждан ЕС и вкладе объединения в «*общее дело мира и безопасности*».

«*Стратегический компас*» – амбициозный план действий по укреплению европейской безопасности до 2030 г. В Глобальной стратегии ЕС 2016 г. ЧР упомянут единожды как Большой ЧР, «*стабильность которого нарушена действиями России*»²²; ожидаемо декларируется непризнание Крыма российским. В «*Стратегическом компасе*» 2022 г. ЧР (Большой ЧР) рассматривается как часть стратегического окружения ЕС. Угрозы для ЕС детализируются посредством следующих упоминаний: украинские события, «*постоянная тактика стратегического запугивания в адрес Молдовы, Грузии и других стран Южного Кавказа, прямые угрозы их суверенитету и территориальной целостности... авторитарное правление в Беларуси*»²³. Акцент сделан на морской безопасности в Балтийском, Черном, Средиземном, Северном морях, водах Арктики, Атлантическом океане и в самых отдаленных регионах мира как на ключевом элементе безопасности, экономического развития, свободной торговли, транспортной и энергетической безопасности²⁴.

В отличие от Глобальной стратегии ЕС 2016 г., в которой лишь декларируется единство ЕС, в «*Стратегическом компасе*» подробно характеризуется текущее стратегическое окружение Европейского союза и намечаются конкретные меры по обеспечению согласованности и координированию действий государств-членов в области безопасности и обороны, четко определяются цели и сроки их достижения. Предусматривается создание стратегического ресурса в виде потенциала оперативного развертывания (*EU Rapid Deployment Capacity*), что позволит ЕС быстро перебрасывать войска в кризисные районы и координировать свои действия с партнерами. Важнейший аспект «*Стратегического компаса*» закреплён в разделе «*Партнерство*», так как именно через взаимодействие с партнерами – НАТО, ООН, ОБСЕ, Африканским союзом и АСЕАН – обеспечивается уровень глобальной игры ЕС²⁵. При этом эксперты озвучивают позицию, что сильный Европейский союз – в интересах НАТО как организации, обеспечивающей безопасность своих членов²⁶.

²² *European Union External Action* (2016) Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. Available at: <https://tinyurl.com/bdemaha8> (accessed 7 May 2025). P. 34.

²³ *European Union External Action* (2022) A Strategic Compass for Security and Defence. Available at: <https://tinyurl.com/z6uet9hr> (accessed 7 May 2025). P. 19.

²⁴ *Ibid.*, p. 23.

²⁵ *Ibid.*, p. 23.

²⁶ Borges de Castro R. & Lobo R. (2022) A Compass and a Concept: A Guide to The EU and NATO Strategic Outlooks. *TPQ*. Available at: <https://tinyurl.com/bdhs2un8> (accessed 7 May 2025).

Британия

Исследование логики внешнеполитических стратегий Британии позволяет заключить, что ее истеблишмент рассматривает проблему развития ЧР с позиции соперничества с Россией за контроль над Балто-Черноморской проекцией Черноморского региона (вторая по хронологии схема Х. Маккиндера, в которой обосновывается необходимости обретения Британией контроля над Восточной Европой (Маккиндер, 2024)). На протяжении более двух столетий ЧР имел важнейшее значение для Британии как регион, через который пролегли ключевые торговые пути. Сохранение свободного доступа в Черное море напрямую связано с ее долгосрочными интересами, поэтому она не может – особенно в свете обновленной Стратегии 2023 г. – исключить Черное море из сферы своего влияния. По мнению М. Фэллона, министра обороны в 2014–2017 гг., Британия должна встать во главе новой политической коалиции черноморских государств, образованной Турцией, Румынией, Болгарией, Молдавией и Грузией. Некоторым из этих прибрежных черноморских государств, вне зависимости от того, являются ли они членами НАТО или нет, понадобится помощь Королевства в организации более мощной системы обороны: например, в форме Объединенных экспедиционных сил (JEF)²⁷. Отметим, что Украина в этом списке отсутствует.

В 2023 г. вышла Стратегия национальной безопасности Великобритании *"Integrated Review Refresh 2023. Responding to a more contested and volatile world"* (далее – IR2023) – обновленная версия Стратегии 2021 г. (в 2021 г. впервые в одном документе Соединенного Королевства соединились внешнеполитическая концепция и стратегия нацбезопасности). Если в 2021 г. британский истеблишмент перед публикацией выжидал, чем закончатся президентские выборы в США и вел переговоры о торговом соглашении с ЕС после Брексита, то в 2023 г. поводом для обновления Стратегии стало начало СВО (Ананьева, 2023: 62) или, как обозначено в самом документе, *«неожиданно высокий темп геополитических изменений»*²⁸.

Британия прямо заявляет претензию на активное формирование глобального стратегического окружения – как в сотрудничестве с партнерами, разделяющими ее взгляды, так и с теми, кто смотрит на мир иначе. Хотя *«процветание и безопасность Евроатлантического региона остаются ключевым приоритетом»*, они *«неразрывно связаны с интересами Великобритании на периферии европейского континента и с открытым и свободным Индо-Тихоокеанским регионом»* (Lanozka & Rogers, 2022: 1). «Новизна стратегии состоит в том, что, несмотря на активную вовлеченность Британии в поддержку киевского режима, Лондон намерен превратить свой "индо-тихоокеанский

²⁷ GOV.UK (2023) Integrated Review Refresh 2023. Responding to a more contested and volatile world. Available at: <https://tinyurl.com/yc66e893> (accessed 7 May 2025). P. 1.

²⁸ Ibid, p. 2.

поворот" (*pivot*) в "Индо-тихоокеанскую позицию" (*posture*), поскольку она обязуется бороться с "величайшей и долгосрочной угрозой" мировой экономике и Западу: Китаем» (Ананьева, 2023: 62).

Украина представлена краеугольным камнем безопасности Британии, для которого вопросы «восстановления суверенитета и территориальной целостности Украины» связаны не только с продвигаемыми ценностями: «Мы действуем, потому что безопасность Украины – это полностью наша безопасность. Российское вторжение и оккупация Грузии, вторжение и оккупация Крыма угрожают собственной территории Соединенного Королевства»²⁹. Благодаря Брекзиту Британия восстановила присущее ей самоощущение «островной империи», отдаленной и отделенной от континента, которое подавлялось на протяжении нескольких десятилетий (Комлева, 2021: 79). Вместе с тем психология всегда побуждала и продолжает побуждать британскую элиту воспринимать все происходящее за морем как непосредственную угрозу берегам своего острова, что раскрыто в работах геополитической тематики следующих авторов: британца Х. Маккиндера (Маккиндер, 2024: 164–165), американца Н. Спикмэна (Спикмэн, 2022: 69–70), а также русского – А. Едрихина (Вандам, 2022: 247–248).

Стратегия национальной безопасности Великобритании 2010 г. не содержит упоминаний ни Черного моря, ни Украины, ни Грузии (даже после 2008 г.). В Стратегии национальной безопасности 2015 г. слово «Украина» встречается, что вполне оправдано после событий 2014 г. В «Глобальной Британии» и в ее обновленной версии 2023 г. Черное море упомянуто единожды как составная часть выражения «Черноморская зерновая инициатива», а вот в связанном документе – Докладе оборонного командования 2021 г. (*Defence Command Paper*) – это название встречается уже пять раз. В самой *IR2023* Черноморский регион прямо не упомянут ни разу, а Крым упомянут единожды. В обновленном документе 2023 г. подчеркивается, что теперь коллективная безопасность связана с исходом украинского конфликта³⁰ и согласованностью действий с союзниками и партнерами Британии при сохранении ее лидирующей позиции в НАТО, чье политическое и военное влияние продолжает возрастать, в том числе и для «европейской семьи народов»³¹.

Особое место в Стратегии 2023 г. уделяется морской политике. Подчеркивается, что Британия будет действовать, исходя из своей «долгой истории морской державы»: она будет продолжать «способствовать свободе судоходства и укреплению центральной роли Конвенции ООН по морскому праву, в том числе путем предоставления Королевского военно-морского флота

²⁹ GOV.UK (2023) Integrated Review Refresh 2023. Responding to a more contested and volatile world. Available at: <https://tinyurl.com/yc66e893> (accessed 7 May 2025). P. 2.

³⁰ Ibid, P. 7–8.

³¹ Ibid, P. 9.

в распоряжение НАТО» (что она делала и раньше), «развертывания большего количества военно-морских сил по всему миру для защиты морских путей и стратегических узких мест»; и работы «в рамках соглашений по обороне в Индо-Тихоокеанском регионе»³².

Держава, контролирующая Черное море, имеет возможность оказывать непосредственное влияние на морские пути из Европы в ИТР – и *IR2023* направлена именно на реализацию этого принципа. На документальном уровне фиксируется, что ЧР больше не воспринимается истеблишментом Соединенного Королевства как периферия Евро-Атлантики, а признается ключом к реализации индо-тихоокеанской политики. Сама география ЧР – неизменное напоминание правящим элитам Британии о том, что владеющий Черным морем ставит под постоянную угрозу ее военные силы, размещенные в Средиземноморье, и может нарушить глобальные линии коммуникации с ее доминионами и другими имперскими территориями в рамках Содружества Британских наций.

Соединенные Штаты в Черном море: альянс США, Британии и Украины

В 2024 г. Акт по Черноморской безопасности США так и не был введен в действие администрацией Дж. Байдена, но по-прежнему обозначается западными экспертами как актуальный и ключевой для формирования Черноморской стратегии США и НАТО. Оставим этот тезис за скобками, но, по всей видимости, такое положение дел является следствием устойчивости политической и экономической систем России в конфликте с Западом, а также ее уверенных военных действий на полях СВО.

В то же время отметим, что «невостребованность» концепции – лишь видимость. Так, в марте 2024 г. она оказалась в центре обсуждения на Черноморском форуме в Румынии, организованном ведущими фабриками мысли, давно разрабатывающими повестку Большого Черноморского региона. На доктринальном уровне она нашла свое отражение в Стратегии морской безопасности Украины, подписанной В. Зеленским 17 июля 2024 г., что открыло для США и НАТО «окно возможностей» для многих действий, поскольку сама Украина узаконила их.

Июльская Стратегия морской безопасности Украины является документом среднесрочного планирования, обеспечивать выполнение которого предполагается за счет госбюджета Украины и иностранных инвестиций. В документе обозначена сфера национальных интересов Украины как морской державы: Черное и Азовское моря, Керченский пролив, реки, а также морское пространство Евроатлантического региона. Неоднократно подчеркивается, что правовой режим Черного и Азовского морей, Керченского

³² GOV.UK (2023) Integrated Review Refresh 2023. Responding to a more contested and volatile world. Available at: <https://tinyurl.com/yc66e893> (accessed 7 May 2025). P. 29.

пролива регулируется международным морским правом, а именно Конвенцией ООН по морскому праву и другими международными договорами и документами; упоминаются запасы полезных ископаемых на шельфе.

В парадигме англосаксонской геополитической традиции Украина идентифицирует действия России в ЧР как угрозу Средиземноморью, а в качестве приоритета своей морской стратегии заявляет превращение Черного и Азовского морей «в мирные моря», открытые и безопасные для международной торговли и свободного судоходства в противовес попыткам РФ вместилище их в границы «русского озера».

На дискурсивном уровне в Стратегии транслируются смыслы, которые неоднократно «обкатывались» западными и украинскими СМИ и политиками в публичном пространстве, хотя и были восприняты как маргинальные. Тем не менее в качестве цели Украины в деле обеспечения морской безопасности заявляется *«обновление и поддержка международного мира³³ и безопасности в Азовском, Черном, Средиземном и Балтийском морях и в Керченском проливе»*. И если сначала задачи носят декларативный характер, то в средней части документа, которая завязана на непосредственное иностранное участие и главенство внешних акторов в ЧР, эволюционируют до конкретных шагов – военных, экономических, правовых и имиджевых.

По сути, Стратегия морской безопасности Украины предполагает полное вытеснение России из ЧР, ввод на территорию Крымского полуострова иностранного контингента и превращение Черного моря в международное водное пространство, где будет обеспечено постоянное присутствие НАТО и любых других государств-партнеров, в том числе и разведывательное, за счет предоставления Украиной полных данных по надводной и подводной обстановке. При этом Конвенция Монтрё не упоминается, а тезис о создании противоминной коалиции можно воспринимать как прямой путь к ее нарушению, если Турцию все же вынудят впустить в Черное море минные тральщики, которые Британия передала Украине, но пока не может провести через Босфор и Дарданеллы из-за ограничений Конвенции.

Заявляемый результат воплощения Стратегии – усиление морской безопасности не только Украины, но и всего Черноморско-Средиземноморского региона – подразумевает построение безопасности без России (Ирхин & Москаленко, 2021).

В январе 2025 г. Британия сделала первый шаг по оформлению намерений по фактическому «захвату» Черного моря с одобрения Украины: между двумя государствами было подписано Соглашение о 100-летнем партнерстве. Хотя многие эксперты в России отнеслись к этому документу с долей иронии, он все же заслуживает анализа. Третий столп Соглашения (всего их девять), посвященный именно морской сфере, весьма конкретен:

³³ Курсив наш. Вспомним, что предложение передать Крым под международное управление прозвучало от Р. Сикорского осенью 2024 г.

- построение партнерства в морской сфере с максимально быстрым возвращением под контроль Украины всех *«временно оккупированных территорий»* и усиление ее как морской державы путем воплощения Стратегии морской безопасности Украины;
- создание совместной британско-украинской флотилии в Черном море для обеспечения безопасности в водах стратегического значения для обоих государств;
- за счет усилий Коалиции возможностей морской безопасности фактическая передача Украине минных тральщиков;
- достижение совместимости Военно-морских сил Украины с Королевским флотом и флотом НАТО, в т.ч. за счет создания на Украине ВМБ, проведения совместных учений и подготовки персонала³⁴.

Прочие положения Соглашения предполагают поставки вооружений Украине, предоставление ей финансовой помощи на военные цели, значительный блок гуманитарного воздействия (*«в области образования, деятельности экспертно-аналитических центров, защиты от влияния российских элит»*), организацию экспорта продовольственных ресурсов из Украины и противодействие зарубежному информационному манипулированию и вмешательству³⁵ (под которым в документе понимается российское) – естественно, за счет его замещения британскими стратегическими коммуникациями.

Заключение

Анализ доктринальных, стратегических документов, а также связанных с ними аналитических материалов, находящихся в открытом доступе, показывает, что за три года с начала СВО России на Украине произошло возрождение риторики Большого Черноморского региона, заложенного на концептуальном уровне еще в начале 2000-х гг. и активно реализуемого на доктринальном уровне и на уровне реальной политики.

Проанализированные доктринальные документы – «Стратегический компас» ЕС, Концепция безопасности НАТО, обновленная «Глобальная Британия», Стратегия морской безопасности Украины, Черноморская стратегия США в 2022–2024 гг. – стали отражением развития концепции Большого Черноморского региона и Евroatлантического Причерноморья, сформулированной Фондом Маршалла³⁶ в 2004 г. и Фондом «Наследия»³⁷ в 2006 г. Согласно этой концепции, позиции России в Черноморском регионе должны быть минимизированы и замещены.

³⁴ GOV.UK (2025) UK-Ukraine 100 Year Partnership Declaration. Available at: <https://tinyurl.com/5n8nnt6v> (accessed 7 May 2025).

³⁵ Ibid.

³⁶ Организация внесена Минюстом Российской Федерации в перечень иностранных и неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

³⁷ Организация внесена Минюстом Российской Федерации в перечень иностранных и неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

Данная преемственность в целом характерна для западной политической культуры, однако она также свидетельствует о том, что «битва» за Черное море еще впереди. Бросающиеся в глаза притязания Британии на роль «первой скрипки» в споре великих держав объясняются традиционным стремлением Королевства присутствовать в Черном и Каспийском морях, выстраивая свою оборону и оттесняя при этом Россию от береговых линий. В историческом опыте Лондона имеется и вариант, при котором Россия на время «выключалась» из Черноморско-Средиземноморской игры: после Крымской войны.

Временным и, по всей видимости, функционально ограниченным ответом России на экспансию объединенного Запада является по сути состоявшийся ситуативный альянс с Турцией. В качестве примеров взаимопонимания можно привести ряд фактов, не являющихся предметом широкого медийного и экспертного освещения: в начале 2000-х гг. «Черноморская гармония» – противовес американской операции «Активные усилия» в Средиземном море – послужила механизмом недопущения военно-морских сил США в Черное море; в марте 2014 г. при воссоединении Крымского полуострова с Россией Турция заняла сдержанную позицию; с началом СВО дипломатическая позиция Анкары была схожа с позицией во время пятидневной войны: в августе 2008 г. Турецкая Республика перекрыла Черноморские проливы для американских военных кораблей, а 27 февраля 2022 г., сославшись на Статью 19 Конвенции Монтрё, закрыла Босфор и Дарданеллы для военных судов всех государств (Москаленко et al., 2024: 648); в 2022–2025 гг. Турция оказывала содействие России в обходе западных санкций, а после разрушения Северных потоков – сохраняла и наращивала транзит российского газа (Аватков, 2024).

Вместе с тем Турция излишне агрессивно выстраивает свою подсистему международных отношений и экономический макрорегион, пользуясь занятостью России в СВО, что впоследствии может спровоцировать двусторонний прямой конфликт и побудить Турцию присоединиться к общей западной стратегии. Это станет возможно, если Анкара в реализации своей многовекторной и балансирующей политики получит гарантии, что с вытеснением России из Черного моря она не окажется перед вторым изданием Севрского мира, а скорее, сможет рассчитывать на свою долю «русского пирога» на северо-востоке от турецких границ.

Гипотетическое вытеснение Черноморского флота из его главной базы – Севастополя, конечно, будет нести символический характер не только для самой России, но и для Британии, в исторической памяти которой сюжет Крымской войны 1853–1856 гг. остается одним из самых героизированных. С точки зрения геостратегической логики, доминирование России в Северном Причерноморье за счет обладания Крымом обеспечивает для нее коммуникацию с Каспийским регионом, Северной Африкой и всем Средиземноморьем, а также открывает путь в мировой океан (Семенов-Тянь-Шанский, 2014). Поэтому восстановление береговой линии Новороссии в ближайшее время является крайне важной геополитической задачей для России, возвращающей международный и внутренний суверенитет.

При этом западные элиты обеспокоены возрастающими в Большом ЧР интересами Китая, который вкладывается в критическую инфраструктуру, транспортные маршруты и активно поддерживает антизападные нарративы на Ближнем Востоке, в Африке и в Латинской Америке (Gaber, 2024). Таким образом, одна из основных задач Запада на уровне идейного воздействия состоит в том, чтобы «привязать» к себе страны региона. В этом отношении наиболее заметны сейчас результаты по воздействию на Молдову, выход которой к Черному морю крайне ограничен и реализуется за счет дунайского порта Джурджулешты (133,8 км до берега Черного моря), и на Армению, минимальное расстояние от границы которой до Черного моря – 163 км. Причем ранее основные усилия были сосредоточены на Грузии. Отметим, что в этом механизме со стороны Запада присутствует проектное геополитическое мышление, особенно в отношении Армении Николы Пашиняна: у местных элит восточной части Большого Черноморского региона формируется мировоззрение (как будто России уже нет в Черном море), которое скорее присуще западному Причерноморью или даже атлантическому побережью, что реализуется за счет комплекса политико-экономических и военных мер, которые обозначены в доктринальных и стратегических документах.

Результатом продолжающегося комплекса воздействия на Черноморский регион со стороны Запада должно стать вытеснение России из региона с одновременным снижением влияния Турции за счет «размывания» и обхода Конвенции Монтрё, постоянное присутствие военных сил НАТО в Черном море (дополнительно к силам региональных Турции, Румынии и Болгарии), в том числе за счет альтернативных Черноморским проливам маршрутов.

Черноморский регион становится пространством столкновения пяти геополитических проекций: Новороссии, Большого Черноморского региона (*Wider/Broader Black Sea Region*), Пояса и пути (*一帶一路*), Триморья (*Three Seas Initiative*) и Турецкого мира (*Türk dünyası*). Определённое давление на регион оказывает и Иран в пределах его Каспийско-Черноморской проекции и в рамках политики, которую можно условного обозначить как «Персидский мир».

Список литературы:

1. Аватков В. (2024) Турецкая Республика в 2023 году. *Свободная мысль* (1): 133–142.
2. Ананьева Е. (2023) Сунак обновляет Стратегию национальной безопасности. *Международная Жизнь*. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/39433> (дата обращения: 05.02.2025).
3. Вандам А. (2022) Величайшее из искусств. В: Фурсов А. *Русские о главном противнике*. М.: Наше завтра. С. 236–268.
4. Ирхин А.А. (ред.) (2024) *Ключи от Евразии. Россия и Турция в Черноморском регионе*. М: Аспект Пресс.
5. Ирхин А.А, Москаленко О.А. (2021) Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991–2019 гг. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения* 21(3): 498–516. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516.

6. Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э. (2024) «Турецкий баланс», или Внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения* 24(1): 7–22. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-7-22.
7. Комлева Н.А. (2021) Специфика геополитической экспансии островных империй. *Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика* (3): 79–96.
8. Маккиндер Х. (2024) *Географическая ось истории*. М.: Издательство АСТ.
9. Москаленко О.А., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А. et al. (2024) Конвенция Монтрё после начала СВО. Статус-кво или денонсация: дискурс международных акторов и возможные геополитические последствия для Черноморского региона. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения* 23(4): 643–661. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-643-661.
10. Семенов-Тянь-Шанский В.П. (2014) Новороссия. Крым. В: Макаров А.Г., Макарова С.Э. (сост.) *Малороссия. Новороссия. Крым: полная история южного русского края*. М.: Алгоритм, 2014.
11. Спикмэн Н. (2022) География и внешняя политика. В: Спикмэн Н., Шмитт К. *«Новая Атлантида». Геополитика Запада на суше и на море*. М.: Родина. С. 6–75.
12. Demeshko N.E., Irkhin A.A., Moskalenko O.A. (2024) The Black Sea Region as a New Geopolitical Reality in the Materials of Western and Turkish Analytical Centers (2014–2023). *Herald of the Russian Academy of Sciences* 94(6): 290–301. DOI: 10.1134/S1019331625600167.
13. Gaber Ye. (2024) A New Security Reality: Strategic Approaches for the Wider Black Sea Region. The Clock Tower Series. *George C. Marshall ECSS*. Available at: <https://www.marshallcenter.org/en/publications/clock-tower-series/new-security-reality-strategic-approaches-wider-black-sea-region/new-security-reality-strategic-approaches-wider> (accessed 5 February 2025).
14. Lancaster M. (2023) Troubled Waters – How Russia’s War in Ukraine Changes Black Sea Security. Preliminary Draft Report 020 DSCFC 23 E, 7 October. *NATO PA*. Available at: <https://tinyurl.com/4d4esh6v> (accessed 7 May 2025).
15. Lanoszka A., Rogers J. (2022) ‘Global Britain’ and the Black Sea region. *Council on Geostrategy. Policy Paper*. March. Available at: <https://www.geostrategy.org.uk/app/uploads/2022/05/SBIPP07-29032022-2.pdf> (accessed 5 February 2025).
16. Tsantoulis I. (2016) *Towards a Genealogy of Regions in International Relations: an Autopsy of the Black Sea (Region)*. Doctoral Thesis. London: University College.

Comparative Politics. Volume 16. No. 3. July–September / 2025
DOI 10.46272/2221-3279-2025-3-16-2

THE CRIMEAN PENINSULA, BLACK SEA AND BLACK SEA REGION IN THE WESTERN MILITARY AND POLITICAL AGENDA: DOCTRINAL LEVEL

Dr. Olga Aleksandrovna MOSKALENKO – Assistant Professor, Institute of Social Sciences and Foreign Relations, Sevastopol State University.

ORCID: 0000-0002-4162-3162. E-mail: kerulen@bk.ru
33 Universitetskaya Street, Sevastopol, Russia, 299053.

Dr. Aleksandr Anatolievich IRKHIN – Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University; Leading Researcher, Sevastopol State University;
 ORCID: 0000-0001-7895-550X. E-mail: alex.irhin@mail.ru
 33 Universitetskaya Street, Sevastopol, Russia, 299053; 4 Prospekt Vernadskogo, Simferopol, Republic of Crimea, Russia, 295007.

Dr. Sergei Vasilievich IURCHENKO – First Vice-Rector – Vice-Rector for International Activities, V.I. Vernadsky Crimean Federal University.
 ORCID: 0009-0008-2835-4413. E-mail: cbur@mail.ru
 4 Prospekt Vernadskogo, Simferopol, Republic of Crimea, Russia, 295007.

Natalia Eduardovna DEMESHKO – Assistant Professor, Institute of Social Sciences and Foreign Relations, Sevastopol State University.
 ORCID: 0000-0002-9620-2410. E-mail: natalidem93@mail.ru
 33 Universitetskaya Street, Sevastopol, Russia, 299053.

Received February 10, 2025 Accepted May 21, 2025

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 25-28-01354) <https://rscf.ru/en/project/25-28-01354/>.

Abstract: In the article the research team proceeds with study of broad security issues of the Black Sea region (BSR) in its various geopolitical configurations (the BSR as including seven riparian states; the Wider BSR as including seven riparian states, Armenia and Azerbaijan; the Baltic-Black Sea region; the Black Sea-Caspian region; and the BSR as the “nerve” of the Greater Mediterranean) through the lens of Russia’s national interests. The paper examines the policies adopted by the USA, the EU, Great Britain, NATO and Ukraine toward the BSR after 2014 at the conceptual and doctrinal levels. The article analyzes the doctrinal papers of the actors revealing their Black Sea strategies, goals and objectives. The study of the doctrinal and, to some extent, conceptual issues of the policies implemented in the BSR allows for determining the degree of compatibility, conflict and possible compromise between various regional and global actors competing for positions in the region in its various geopolitical configurations. The research draws on political realism, combined with constructivism as well as systems and geopolitical approaches. Contextual and discursive analysis of documents as well as qualitative content-analysis are basic applied methods. The analysed doctrinal papers of the collective West (NATO 2022 Strategic Concept, A Strategic Compass for Security and Defence, Integrated Review Refresh 2023, Ukraine Maritime Security Strategy, US Black Sea Strategy 2022–2024) reflect the evolution of the Wider BSR concept of 2004–2006. The concept leaves no room for any military, political or other Russian presence in the Black Sea basin. The UK’s aspiration to play the leading role reflects its traditional desire to be present in the Black and Caspian Seas and to build its line of defence, while pushing Russia back to Eurasia. The authors view this as Britain’s desire to implement its traditional geostrategic approaches, which were developed by H. Mackinder: to control the Heartland through Central Asia (1904) and Eastern Europe via the Baltic-Black Sea bridge (1919). Now we see a combination and synthesis of Mackinder’s two approaches: the West is seeking to create a Baltic-Black Sea-Caspian sanitary belt to “contain” Russia, with two maritime entrances into the region: the Baltic and the Black Sea. However, Britain’s historical experience also includes a period when Russia was temporarily excluded from the Black Sea-Mediterranean game in the wake of the Crimean War. From the Western perspective, its influence on the Black Sea region should result into Russia’s expulsion from the region, with a simultaneous reduction of Turkey’s influence. This could be achieved by eroding and circumventing the Montreux Convention, as well as by establishing the permanent presence of NATO military forces in the Black Sea in addition to the regional forces of Turkey, Romania and Bulgaria, including through alternative routes to the Black Sea Straits.

Keywords: Crimea, Black Sea region, Black Sea Strategy, Special military operation, USA, EU, Great Britain, Montreux Convention

References:

1. Ananieva E. (2023). Sunak obnovliaet Strategiiu natsional'noi bezopasnosti [Sunak's Refresh of the National Security Strategy]. *Mezhdunarodnaia Zhizn' [International Affairs]*. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/39433> (accessed 5 February 2025). (In Russian).
2. Avatkov V. (2024) Turetskaia Respublika v 2023 godu [Republic of Turkey in 2023]. *Svobodnaya Mysl [Free Thought]*(1): 133–142. (In Russian).
3. Demeshko N.E., Irkhin A.A., Moskalenko O.A. (2024) The Black Sea Region as a New Geopolitical Reality in the Materials of Western and Turkish Analytical Centers (2014–2023). *Herald of the Russian Academy of Sciences* 94(6): 290–301. DOI: 10.1134/S1019331625600167.
4. Gaber Ye. (2024) A New Security Reality: Strategic Approaches for the Wider Black Sea Region. The Clock Tower Series. *George C. Marshall ECSS*. Available at: <https://www.marshallcenter.org/en/publications/clock-tower-series/new-security-reality-strategic-approaches-wider-black-sea-region/new-security-reality-strategic-approaches-wider> (accessed 5 February 2025).
5. Irkhin A.A., Moskalenko O.A. (2021) Chernomorskii region v konkurentsii geopoliticheskikh proektov velikikh derzhav v 1991–2019 gg. [The Black Sea Region in the Contest of Geopolitical Projects of the Great Powers, 1991–2019]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniia [Vestnik RUDN. International Relations]* 21(3): 498–516. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516. (In Russian).
6. Irkhin A.A., Moskalenko O.A., Demeshko N.E. (2024) «Turetskii balans», ili Vneshnepoliticheskaia strategiiia Turtsii v Chernomorskom regione na fone spetsial'noi voennoi operatsii [Turkish Balance, or Türkiye's Foreign Policy Strategy in the Black Sea Region Following the Special Military Operation]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniia [Vestnik RUDN. International Relations]* 24(1): 7–22. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-7-22. (In Russian).
7. Irkhin A. (ed.) (2024) *Kliuchi ot Evrazii. Rossiia i Turtsiia v Chernomorskom regione [Keys to Eurasia. Russia and Turkey in the Black Sea Region]*. Moscow: Aspect Press. (In Russian).
8. Komleva N.A. (2021) Spetsifika geopoliticheskoi ekspansii ostrovnykh imperii [Specifics of the Island Empires Geopolitical Expansion]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. «Globalistika i geopolitika» [Bulletin of Moscow University. Series 27. Global Studies and Geopolitics]*(3): 79–96. (In Russian).
9. Lancaster M. (2023) Troubled Waters – How Russia's War in Ukraine Changes Black Sea Security. Preliminary Draft Report 020 DSCFC 23 E, 7 October. *NATO PA*. Available at: <https://tinyurl.com/4d4esh6v> (accessed 7 May 2025).
10. Lanoszka A., Rogers J. (2022) 'Global Britain' and the Black Sea region. *Council on Geostrategy. Policy Paper*. March. Available at: <https://www.geostrategy.org.uk/app/uploads/2022/05/SBIPP07-29032022-2.pdf> (accessed 5 February 2025).
11. Mackinder H. (2024) *Geograficheskaiia os' istorii [The Geographical Pivot of History]*. Moscow: AST Publishing House. (In Russian).
12. Moskalenko O. A., Muradov G.L., Irkhin A.A. et al. (2023) Konventsiiia Montre posle nachala SVO. Status-kvo ili denonsatsiia: diskurs mezhdunarodnykh aktorov i vozmozhnye geopoliticheskie posledstviia dlia Chernomorskogo regiona [The Montreux Convention After the Beginning of the Special Military Operation. Status Quo or Denunciation: Discourse of International Actors and Possible Geopolitical Implications for the Black Sea Region]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. «Globalistika i geopolitika» [Vestnik RUDN. International Relations]* 23(4): 643–661. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-643-661. (In Russian).

13. Semenov-Tyan-Shansky V.P. (2014) Novorossiia. Krym [Novorossiia. Crimea]. In: Makarov A.G., Makarova S.E. (comp.) *Malorossiia. Novorossiia. Krym: polnaia istoriia iuzhnogo russkogo kraia* [*Malorossiia. Novorossiia. Crimea: a Complete History of the Southern Russian Region*]. Moscow: Algorithm, 2014. (In Russian).
14. Speakman N. (2022) Geografii i vneshniaia politika [Geography and Foreign Policy]. In: Speakman N., Schmitt K. «Novaia Atlantida». *Geopolitika Zapada na sushe i na more* [*"The New Atlantis." Geopolitics of the West on Land and at Sea*]. Moscow: Rodina, pp. 6–75. (In Russian).
15. Tsantoulis I. (2016) *Towards a Genealogy of Regions in International Relations: an Autopsy of the Black Sea (Region)*. Doctoral Thesis. London: University College.
16. Vandam A. (2022) Velichaishee iz iskusstv [The Greatest of Arts]. In: Fursov A. *Russkie o glavnom protivnike* [*Russians about the Main Enemy*]. Moscow: Nashe Zavra. P. 236–268. (In Russian).

БЕЛОРУССКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГУМАНИТАРНОГО ВЛИЯНИЯ ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Владислав ВОРОТНИКОВ
МГИМО МИД России

Аннотация: В статье анализируется трансформация подходов Польши и Литвы к взаимодействию в гуманитарной сфере с Республикой Беларусь и белорусскими негосударственными субъектами в 2014–2024 гг. Научная новизна исследования заключается в выявлении специфики гуманитарного влияния Польши и Литвы на белорусском направлении в контексте изменений региональной безопасности, обусловленных событиями 2014, 2020 и 2022 гг. Целью исследования является восполнение существующего исследовательского пробела посредством сравнительного анализа официальных подходов Варшавы и Вильнюса, роли гуманитарной политики в их внешнеполитических стратегиях в отношении Белоруссии, а также практик неправительственных субъектов указанных государств. Сделан вывод о том, что, несмотря на декларируемую конвергенцию подходов на официальном уровне, существенные расхождения интересов Польши и Литвы проявляются во взаимодействии с белорусской оппозицией. Данная сфера политических отношений рассматривается этими государствами как пространство возможностей для реализации устремлений к региональному лидерству. Соответствующие амбиции подкрепляются на ценностно-идеологическом уровне, в том числе посредством актуализации исторических нарративов в информационном пространстве.

В статье упоминаются организации, чья деятельность признана нежелательной на территории Российской Федерации; данное упоминание мотивировано исключительно исследовательскими целями и не направлено на распространение информации об этих организациях.

Ключевые слова: Восточная Европа, гуманитарная политика, гуманитарное влияние, Белоруссия, Литва, Польша

Владислав Владиславович Воротников – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки, ведущий научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России; старший научный сотрудник, ГАУГН.

ORCID: 0000-0003-3374-5677. E-mail: v.vorotnikov@my.mgimo.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 14.12.2024

Принята к публикации: 16.10.2025

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2024-0010 «Культурно-гуманитарное влияние на формирование человеческого потенциала как инструмент геополитического соперничества (на примере стран ближнего зарубежья России)») при поддержке Экспертного института социальных исследований.

В условиях эскалации украинского кризиса ухудшение отношений между Союзным государством и странами Запада в 2022 г. привело к существенному снижению дипломатической активности как на двустороннем уровне, так и на многосторонних площадках. Наиболее отчетливо разделительные линии проявились в восточноевропейском пространстве: в риторике западноевропейских официальных лиц граница между ЕС и Белоруссией неоднократно определялась как граница между демократией и автократией¹. Однако в условиях сокращения сотрудничества на межгосударственном уровне в приграничных территориях ЕС и Белоруссии сохраняются гуманитарные контакты, а взаимодействие с белорусским гражданским обществом по-прежнему остается значимым направлением внешнеполитических усилий Польши и Литвы (как на двустороннем уровне, так и в рамках ЕС) в отношениях с Белоруссией.

Официальные лица этих государств, имеющих протяженную границу с Белоруссией, не скрывают намерений использовать ресурсы гуманитарной политики (или гуманитарного влияния (Сутырин, 2020)) в качестве, с одной стороны, инструмента противодействия угрозам, якобы исходящим из Белоруссии, а с другой – средства внешнеполитического влияния и, по возможности, смены политического режима в этой стране. В этой связи представляется обоснованной постановка исследовательского вопроса о соотношении гуманитарных усилий Варшавы и Вильнюса на белорусском направлении.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, наличием соответствующей лакуны в изучении современного состояния гуманитарного измерения польско-белорусских и литовско-белорусских отношений. Исторические и этнокультурные аспекты проанализированы, например, в работах А.Д Гронского (Гронский, 2025), О.Б. Неменского (Неменский, 2022; 2023), В.В. Шимова (Шимов, 2023; 2024). Во-вторых, практической потребностью в заполнении этой лакуны в интересах безопасности Союзного государства ввиду членства Польши и Литвы в НАТО. Как минимум на риторическом уровне действия Варшавы и Вильнюса на гуманитарном треке неоднократно и обоснованно интерпретировались белорусскими властями как угроза национальным интересам и, как следствие, опосредованная угроза безопасности Союзного государства (Зверев & Межевич, 2024).

Таким образом, цель исследования состоит в выявлении общих и специфических черт гуманитарной политики Польши и Литвы в отношении Белоруссии. Отметим, однако, что фактически гуманитарная (или так называемая гуманитарная) политика этих государств направлена на дестабилизацию политической ситуации в Белоруссии и ее отрыв от России.

¹ См., например: *The official website of the President of the Republic of Poland* (2021) The Summit for Democracy. 9 December. Available at: <https://www.president.pl/news/the-summit-for-democracy,46248> (accessed 10 May 2025).

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2014 г. по настоящее время. Выбор нижней границы обусловлен тем, что в 2014 г. отношения Варшавы и Вильнюса с Минском перешли в новое качество: на фоне украинского кризиса президент Белоруссии А.Г. Лукашенко избрал во внешней политике курс «многовекторности», «приведшей в определенный период к «специфическим отношениям» с западными «партнерами» и известному дистанцированию от Российской Федерации» (Грибин, 2023). Одновременно Минск стал предпринимать попытки закрепить за собой статус посредника и ключевой международной переговорной площадки. Это способствовало значительной активизации двусторонних контактов Польши и Литвы с Белоруссией – как на межправительственном уровне, так и по гуманитарным каналам.

Место гуманитарной составляющей во внешней политике Польши и Литвы

Будучи членами ЕС с 2004 г., Польша и Литва активно участвуют в выработке концептуальных подходов к гуманитарной политике интеграционного объединения, а также в их реализации.

Положения о необходимости проведения скоординированной политики в гуманитарной сфере были сформулированы и получили концептуальное выражение в стратегии Брюсселя еще до вступления Варшавы и Вильнюса в Евросоюз. Так, в Стратегии европейской безопасности 2009 г. заявлялось о возможности применения «гуманитарных мер» в качестве эффективного средства реагирования на международные кризисы и купирования негативных последствий конфликтов². При этом в англоязычном тексте концепции сохранилась полисемия понятия *гуманитарный*, характерная и для русского языка: в его смысловое поле авторы стратегии включили не только вопросы обеспечения гуманитарного права и оказания помощи мирному населению в условиях военных конфликтов, но и проблемы социетального и неправительственного взаимодействия.

В Глобальной стратегии ЕС 2016 г. содействие гуманитарной безопасности рассматривается в качестве эффективного инструмента поддержания мира в нестабильных регионах³. В данном документе положения гуманитарной политики были развиты и конкретизированы, что косвенно свидетельствует о повышении значения данного измерения внешнеполитических усилий государств-членов ЕС. В частности, декларировалась необходимость «углублять взаимодействие с гражданскими обществами в их стремлении контролировать действия правительств»⁴ – смысловое наполнение гуманитарного измерения внешней политики ЕС в Стратегии 2016 г. сводилось

² *European Council* (2009) European Security Strategy. A Secure Europe in a Better World. P. 13. Available at: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/reports/76255.pdf (accessed 10 May 2025).

³ *The EEAS* (2016) Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. P. 31. Available at: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (accessed 10 May 2025).

⁴ *Ibid.* P. 27.

к демократизации и устранению дискриминации в тех обществах, на которые эта политика должна быть направлена.

Эти идеи получили развитие в «*Стратегическом компасе ЕС в области безопасности и обороны*» в 2022 г., где с указанием на общую деградацию среды безопасности в Европе отмечалась необходимость продвигать «*безопасность личности*» (англ. *human security*) на внешнем контуре⁵. Однако Белоруссия упоминается как объект критики в связи с внутренней и внешней политикой А.Г. Лукашенко⁶ – за такой трактовкой прослеживается реальная цель ЕС в отношении Белоруссии, состоящая в смене политического режима. Однако по смыслу это не исключает возможности рассмотрения Белоруссии в качестве объекта гуманитарной политики, а на практике даже способствует усилению соответствующих тенденций (напомним, что до 2022 г., в условиях реализации программы «Восточное партнерство», Белоруссия также была объектом политики ЕС).

На уровне национальных внешнеполитических стратегий Польши и Литвы гуманитарное измерение внешней политики также занимает значимое место, причем его роль в последние годы возрастает. В польской стратегии внешней политики на 2017–2021 гг. отмечалось, что гуманитарное содействие на международном уровне наряду с официальной помощью развитию является одним из инструментов укрепления доверия к Польше. Причем реализация этой задачи должна осуществляться с учетом «*целей международного сообщества*»⁷ – разумеется, в их западноевропейской трактовке. В этой связи гуманитарная политика во всех ее проявлениях используется как инструмент отражения искусственно сконструированных угроз, а безопасность трактуется расширительно – за пределами исключительно военно-силовой проблематики и национальных границ.

Закономерно, что для Польши и Литвы, занимающих приграничное положение в ЕС, существенное практическое значение имеет стратегия Брюсселя по экстернализации «угроз» и обеспечению стабильности вдоль границ интеграционного объединения.

Вместе с тем применительно к треугольнику «Польша–Литва–Белоруссия» региональная специфика предполагает не только совпадение подходов Варшавы и Вильнюса к конструированию внешних «угроз» с востока и к выбору способов «противодействия» им, но также и конкуренцию двух национальных проектов лидерства. В литовском обществе и политической элите популярна идея об особой ответственности за процессы, происходящие на пространстве бывшего Великого княжества Литовского (Nikžentaitis, 2004). Вследствие этого региональные амбиции, несмотря на ограниченные ресурсы, делают

⁵ Ibid. P. 28.

⁶ *The EEAS* (2022) A Strategic Compass for Security and Defence. P. 19. Available at: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/strategic_compass_en3_web.pdf (accessed 10 May 2025).

⁷ *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Poland* (2017) Polish Foreign Policy Strategy, 2017–2021. P. 22. Available at: <https://www.gov.pl/attachment/869184c0-bd6f-4a20-b8af-a5c8190350a1> (accessed 10 May 2025).

Литву конкурентом Польши, что ярко проявилось в ходе событий 2013–2014 гг. (Вильнюсский саммит и начало украинского кризиса) и позднее, когда литовские политические эмиссары оказались на многих значимых политических постах на Украине (Воротников, 2020). Вместе с тем такие проекты, несмотря на различия между ними, укладываются в рамки линии Запада в целом и ЕС в частности, направленной на смену режима в Белоруссии и последующее вовлечение этого государства в группу враждебных России стран.

Белорусское направление гуманитарной политики Польши

Неформально опираясь на т.н. концепцию Гедройца–Мерошевского⁸ и в соответствии с закрепленными во внешнеполитической концепции целями, для проецирования гуманитарного воздействия на Белоруссию (как часть пространства бывших «восточных кресов») польское государство традиционно использует средства официальной помощи развитию, не выбиваясь из обычных практик Европейского союза (Сутырин, 2022). На деле же такая практика представляет собой скорее завуалированное вмешательство во внутренние дела государства, нежели помощь, поскольку она имеет ярко выраженную политическую обусловленность, хотя и, как правило, не лишена социально-экономических оснований. Еще в 2005 г. Белоруссия вошла в число приоритетных партнеров Польши в данной сфере⁹. В «*Многолетней программе содействия развитию на 2016–2020 гг.*», где Белоруссия также была указана в качестве приоритетного направления польской помощи в целях развития¹⁰, к интересам Варшавы были отнесены укрепление независимости и суверенитета белорусского государства, развитие двустороннего экономического сотрудничества, улучшение положения польского национального меньшинства в Белоруссии (294 549 чел., или 3,1% от общей численности населения, по итогам переписи 2019 г.¹¹), а также развитие демократических институтов, соблюдение в стране прав человека и основных свобод граждан – разумеется, в том виде, в каком все эти понятия трактует польская сторона, то есть инструментальном, политизированном и идеологизированном. При этом круг декларируемых целей «гуманитарной» политики Польши на белорусском направлении остается неизменным на протяжении двух с половиной десятилетий.

⁸ В соответствии с этой концепцией независимость и европеизация Украины и Белоруссии соответствуют фундаментальным интересам польского народа, поскольку препятствуют продвижению российских интересов в регионе.

⁹ *Website of the Republic of Poland* (n.d.) Belarus. Polish Aid. Available at: <https://www.gov.pl/web/polishaid/belarus> (accessed 10 May 2025).

¹⁰ *Website of the Republic of Poland* (n.d.) Multiannual Development Cooperation Programme 2016–2020. Available at: <https://www.gov.pl/web/polishaid/multiannual-development-cooperation-programme-2016-2020> (accessed 10 May 2025). P. 14.

¹¹ *Уполномоченный по делам религий и национальностей Республики Беларусь* (б.д.) Национальный состав населения Республики Беларусь. Available at: <https://belarus21.by/Articles/1458134839> (дата обращения: 10.05.2025).

В 2014–2023 гг. объем финансовых средств, выделяемых на данные цели, неуклонно возрастал, а Белоруссия входила в числе крупнейших реципиентов (см. табл. 1). Основным направлением помощи является поддержка предпринимательства и частного сектора, что может рассматриваться как индикатор стремления Варшавы к мягкому улучшению инвестиционного климата и рыночных институтов соседнего государства.

Таблица 1. Официальная помощь развитию со стороны Польши в 2014–2023 гг.: крупнейшие реципиенты (млн польских злотых)¹²
Table 1. Official development assistance from Poland in 2014–2023: leading recipients (million PLN)

№	1	2	3	4	5
2014	Эфиопия 74,1	Украина 68,1	Белоруссия 63	Ангола 45,6	Молдавия 9,8
2015	Украина 108,8	Эфиопия 102,9	Белоруссия 70,8	Ангола 52,2	Сирия 11,2
2016	Эфиопия 166,8	Украина 95	Танзания 90,3	Белоруссия 75,7	Турция 71,5
2017	Украина 228,6	Турция 108,5	Белоруссия 102,3	Эфиопия 32,7	Сирия 18,8
2018	Украина 242,8	Мьянма 181,2	Белоруссия 123,3	Танзания 76,6	Турция 57,3
2019	Украина 303,5	Белоруссия 150,3	Турция 51,6	Танзания 39,1	Индия 29,1
2020	Украина 241,7	Белоруссия 169,6	Турция 50,9	Танзания 28,5	Индия 27,8
2021	Украина 325	Белоруссия 217	Бангладеш 68	Вьетнам 47	Турция 36
2023	Украина 903,7	Белоруссия 240,1	Палестина 199	Молдавия 19,1	Грузия 13,4

Якобы для продвижения демократических свобод и гражданских прав в РБ правительство Польши придает значительное внимание поддержанию контактов с представителями белорусских «независимых» и оппозиционных кругов. После 2014 г. А.Г. Лукашенко избрал во внешней политике курс «многовекторности», что позволило Варшаве значительно усилить двусторонние контакты, однако потребовало адаптации ее стратегии, согласно которой развитие отношений с Белоруссией увязывалось с процессом ее «демократизации» (Неменский, 2015), под которой фактически имелась в виду смена режима. В новых условиях направленные на нее усилия оказались менее значимыми, чем стремление «оторвать» Белоруссию от России, ради которого и произошел частичный отказ от прежних предварительных условий для развития сотрудничества.

В частности, тогдашний директор Польского института международных отношений С. Дембский в 2017 г. следующим образом охарактеризовал политику Польши в отношении Белоруссии: «Мы должны давать Лукашенко возможность расширения поля политического маневра. На практике это означает, что нужно входить с ним в политическое взаимодействие. Если Лукашенко хочет сейчас создать полезные условия для политического и экономического сотрудничества между нашими странами, то стоит

¹² Составлено автором по: *Oficjalna Pomoc Rozwojowa* (n.d.) Finansowanie. Available at: <https://www.gov.pl/web/polskapomoc/finansowanie> (accessed 10 May 2025).

об этом подумать»¹³. В этот период интенсифицировалась работа на территории Белоруссии различных фондов и исследовательских институтов, в том числе: Фонда имени Казимира Пулаского, Фонда имени Стефана Батория, Международного фонда «Солидарность» (финансировался *USAID**), фонда «Образование для демократии», Польско-американского фонда свободы (финансировался *USAID**), фонда «Свобода и демократия», Польского института в Минске, Института славистики Польской академии наук, Центра социально-экономических исследований, Центра изучения Восточной Европы Варшавского университета, Польского института международных отношений и некоторых других.

Важным элементом воздействия Польши на политику Белоруссии в рассматриваемый период оставалась «карта поляка»¹⁴, наибольшую популярность получившая именно среди белорусских граждан. В частности, в 2008–2023 гг. «карту поляка» получили более 171 тыс. граждан Белоруссии¹⁵. Всего же, как уже было указано, по данным переписи населения 2019 г., в Белоруссии проживают около 294,5 тыс. поляков. Кроме того, по различным оценкам, от 12 до 17% населения страны исповедуют католицизм, что также является значимым ресурсом культурно-идеологического и, как следствие, политического влияния Польши. Церковь и межцерковные связи играли важную роль в формировании и поддержке прозападных и оппозиционных настроений в регионе (как собственно в Польше, так и в ЛитССР, западных регионах БССР и УССР) еще в социалистический период.

Так, деятельность Римской католической церкви на территории Белоруссии в рассматриваемый период вступала в заметное противоречие с национальной политикой минских властей: религиозная идентичность населения сталкивается с национальной, поскольку в конфессиональном отношении страна неоднородна, католические миссионеры активно используют польскую национальную символику, и два крупнейших религиозных течения в сознании граждан тесно связаны с этническими маркерами («польская вера» и «русская вера»). В этой связи польскими исследователями отмечается распространенный в белорусском обществе стереотип: стирание смысловой границы между понятиями *поляк* и *католик* (Kruczkowski, 2021: 168). Ярким выражением «конфликта идентичностей» являются и многолетние

¹³ Гуреева Ю., Лушников А. (2019) «Усиление давления на Россию»: в Польше призвали добиваться от Белоруссии поддержки инициатив НАТО. *RT*, 21 декабря. Available at: <https://russian.rt.com/world/article/699398-polsha-nato-belorussia-davlenie-rossiya> (дата обращения: 10.05.2025).

* Здесь и далее астериском помечены все структуры из Перечня иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации. Организация *USAID* прекратила работу в России в 2012 г.

¹⁴ «Карта поляка» – специальный документ, подтверждающий принадлежность иностранного гражданина к польскому народу и предоставляющий ему дополнительные права. Среди прочего, он позволяет иностранцам работать на территории Польши без специального разрешения и претендовать на ускоренное приобретение гражданства.

¹⁵ *Statistics Poland* (2024) Rocznik Demograficzny. S. 474. Available at: <https://stat.gov.pl/obszary-tematyczne/roczniki-statystyczne/roczniki-statystyczne/rocznik-demograficzny-2024,3,18.html> (accessed 10 May 2025).

споры о предпочтительном языке церковного служения в католических приходах (Lastouski & Zakharov, 2024). При этом церковь по-прежнему сохраняет роль одного из ключевых агентов гражданской мобилизации.

Совокупность этих факторов способствовала беспрецедентной политизации католических иерархов на фоне белорусской избирательной кампании 2020 г. Например, показательным примером этой «увязки» религиозного и политического стало появление в стране движения «Католики не фальсифицируют»¹⁶, деятельность которого была сонаправлена с активностью ключевых польских субъектов гуманитарной политики, одновременно мобилизуя социальные ресурсы религиозного характера – в политических целях. Весьма показательной была и занятая архиепископом Минско-Могилевского архидиоцеза и, одновременно, председателем Конференции католических епископов Белоруссии Т. Кондрусевичем антигосударственная позиция в условиях поствыборного политического кризиса в Белоруссии в августе 2020 г. Вылившись в международный политический скандал, она привела его к уходу с занимаемых постов в 2021 г.

Август 2020 г. стал переломным этапом с точки зрения содержательного наполнения гуманитарного измерения польско-белорусских отношений. Политические протесты в Белоруссии привели к радикализации польской внешнеполитической линии. Правительство Польши не признало результаты президентских выборов в Республике Беларусь, обвинив действующего президента в массовых фальсификациях. Разгон несогласованных с правительством акций протеста преподносился в польских СМИ как беспрецедентные по своим масштабам репрессии со стороны силовых структур Белоруссии¹⁷. 14 августа 2020 г. Сейм Польши принял резолюцию о солидарности с народом Белоруссии, в которой осуждалось насилие со стороны ее властей против протестующих: *«Принимая во внимание совместную борьбу поляков и белорусов за свободу и демократию, особенно в год столетия Варшавской битвы 1920 г., сохраняя верность традиции Солидарности в 40-ю годовщину ее создания, Сейм Республики Польша решительно осуждает жестокое насилие и массовые репрессии со стороны властей Александра Лукашенко в отношении белорусского общества и фальсификацию результатов президентских выборов в Республике Беларусь 9 августа 2020 г.»*¹⁸. Впоследствии польские власти неоднократно заявляли о необходимости освобождения арестованных, *«прекращения репрессий и насилия против общества»*, требовали

¹⁶ *Царква і палітычны крызіс у Беларусі* (2020) «Католик не фальсифицирует». Верующие выступают против фальсификации выборов. 14 июля. Available at: <https://belarus2020.churchby.info/katolik-ne-falsificiruet-veruyushhie-vystupayut-protiv-falsifikacii-vyborov/> (accessed 10 May 2025).

¹⁷ *Radio Białystok* (2020) Łukaszenka nagrodził struktury siłowe. 31 December. Available at: <https://www.radio.bialystok.pl/bialorus/index/id/194498> (accessed 10 May 2025).

¹⁸ *Sejm Poland* (2020) Solidarność i wsparcie dla Białorusinów. Uchwała Sejmu ws. sytuacji na Białorusi po wyborach prezydenckich. 14 August. Available at: <https://www.sejm.gov.pl/sejm9.nsf/komunikat.xsp?documentId=03FE68985AE3525CC12585C4003B8FD0> (accessed 10 May 2025).

от властей «начать мирный диалог с обществом»¹⁹. Глава МИД Польши З. Рау отмечал, что Польша смотрит на развитие ситуации в Белоруссии с точки зрения восточного фланга НАТО и военная активность в этой части Европы вызывает большую озабоченность²⁰.

Вместе с тем политика Варшавы в гуманитарной сфере на белорусском направлении не ограничивалась декларативными мерами. Так, 14 августа 2020 г. правительство Польши объявило о создании специальной программы – плана «Солидарность с Беларусью»²¹, в рамках которого было выделено 50 млн злотых (около 13,5 млн долл. США) на поддержку «репрессированных» белорусскими властями граждан, дополнительное финансирование стипендиальной программы им. Константина («Кастуся») Калиновского для белорусских студентов, облегчение въезда в Польшу и доступа на рынок труда белорусских граждан, которые захотят покинуть пределы своей родины, а также на помощь «независимым» СМИ («Белсат»*, «Хартия'97», «Радио Рация») и неправительственным организациям, которые поддерживают развитие гражданского общества. Ключевыми партнерами в реализации отдельных пунктов плана с польской стороны выступили Фонд международной солидарности и Центр изучения Восточной Европы Варшавского университета.

Следует отметить, что концепт «солидарности», исторически значимый для польского гражданского сознания, получил выражение и в общественном активизме – переводе средств в многочисленные фонды помощи участникам протестных акций в Белоруссии (только за первые полтора месяца с начала демонстраций, к 23 сентября 2020 г., по оценке издания «Газета Выборча», неправительственным организациям удалось собрать более 6,2 млн долл. США²²), предоставлении мест для временного проживания и предметов первой необходимости покинувшим Белоруссию. 26 сентября 2020 г. на варшавском «Национальном стадионе» состоялся концерт под лозунгом «Солидарные с Беларусью», в котором приняли участие многие популярные польские исполнители. Во время концерта Фонд «Белорусский дом»* и Ассоциация

¹⁹ См., например: *Wydarzenia* (2020) Sejm przyjął przez aklamację uchwałę ws. Białorusi. 14 August. Available at: <https://www.rp.pl/Bialorus/200819712-Sejm-przyjal-przez-aklamacje-uchwale-ws-Bialorusi.html> (accessed 10 May 2025); *Radio Białystok* (2020) Morawiecki: Wolna, demokratyczna Białoruś to niezbędny element dobrobytu i bezpieczeństwa całej Europy. 18 September. Available at: <https://www.radio.bialystok.pl/bialorus/index/id/189494> (accessed 10 May 2025); *Radio Białystok* (2020) Szeł polskiego MSZ Zbigniew Rau: Polska będzie nadal wspierać białoruskie społeczeństwo. 19 September. Available at: <https://www.radio.bialystok.pl/bialorus/index/id/189518> (accessed 10 May 2025); *Radio Białystok* (2020) Szeł MSZ: UE musi jasno powiedzieć, że nie ma zgody na brutalne użycie siły na Białorusi. 19 November. Available at: <https://www.radio.bialystok.pl/bialorus/index/id/192520> (accessed 10 May 2025).

²⁰ *Radio Białystok* (2020) Rau: w polskim interesie jest wspieranie społeczeństwa obywatelskiego na Białorusi. 28 September. Available at: <https://www.radio.bialystok.pl/bialorus/index/id/189974> (accessed 10 May 2025).

²¹ *Kancelaria Prezesa Rady Ministrów* (2020) Plan „Solidarni z Białorusią” – Polska wesprze represjonowanych. 14 August. Available at: <https://www.gov.pl/web/premier/plan-solidarni-z-bialorusia--polska-wesprze-represjonowanych> (accessed 10 May 2025).

* Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации.

²² Malashenia H. (2020) Kto i jak pomaga ofiarom szykan białoruskiego reżimu. "Oprócz oburzenia, trzeba działać". – *Wyborcza*, 23 September. Available at: <https://wyborcza.pl/7,75399,26329959,kto-i-jak-pomaga-ofiarom-szykan-bialoruskiego-rezimu-oprocz.html> (accessed 10 May 2025).

«Инициатива свободной Беларуси» осуществляли сбор денежных средств для участников протестов, а также для поддержки организаций, занимающихся альтернативным освещением событий в Белоруссии²³.

Словесную поддержку оппозиционным силам в Белоруссии выражали и лидеры польской оппозиции. В канун православного Рождества, выступая с обращением к белорусскому обществу, они сравнили ситуацию в Польше в 1981 г. и положение дел в Белоруссии²⁴. Кроме того, в качестве практической меры поддержки президент Варшавы Р. Тшасковски выделил помещение для нового «Центра белорусской солидарности», в работе которого приняли участие многочисленные белорусские организации со всего мира (в т.ч. ассоциация «Белорусский молодежный центр», фонд «Белорусская инициатива», инициатива «Белорусская национальная память», Союз за демократию в Беларуси, Белорусский Свободный театр, проект «Без границ» и др.).

Наконец, большое значение в Польше традиционно придается работе с белорусской молодежью (население в возрасте 14–31 год составляет в Белоруссии около 2 млн чел. – 21,3% от общего числа жителей). К 2020 г. было заключено более 300 прямых договоров о сотрудничестве между учреждениями образования двух стран. Прямое межвузовское взаимодействие, как правило, было организовано в рамках двусторонних договоров о сотрудничестве и предусматривало участие на взаимной основе обучающихся и преподавателей в международных образовательных, научных и иных мероприятиях, организацию краткосрочных программ обучения и стажировок, реализацию образовательных и научных проектов и программ («Erasmus+», «MOST»²⁵, «Horizon 2020», «EU4Belarus – SALT/SALT II», «Программа имени Кастуся Калиновского» и др.), а также программ в рамках трансграничного сотрудничества «Польша–Белоруссия–Украина». Наиболее активное участие в международном сотрудничестве с Польшей в 2014–2022 гг. принимали Белорусский государственный университет, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Барановичский государственный университет и Брестский государственный технический университет²⁶.

К 2019 г. занимали второе место по численности среди иностранных студентов в Польше – после украинцев. В 2012–2018 гг. их число увеличилось более чем в 3 раза: с 2344 до 7485 человек. По заявлению премьер-министра Польши М. Моравецкого в 2020 г. в Польше обучалось уже «более 10 тысяч

²³ Dróżdź D. (2020) "Solidarni z Białorusią": na Stadionie Narodowym zagrają Organek, Domagała, Luxtorpeda. *Wyborcza*, 25 September. Available at: <https://wyborcza.pl/7,75410,26339025,solidarni-z-bialorusia-na-stadionie-narodowym-zagraja-organek.html> (accessed 10 May 2025).

²⁴ Gardulska A. (2021) Grodzki, Frasyński, Kurski i Sierakowski do Białorusinów: Wytrwacie i zwyciężyciel! *Wyborcza*, 5 Januar. Available at: <https://wyborcza.pl/7,82983,26656778,grodzki-frasyński-kurski-i-sierakowski-do-bialorusinow-wytrwacie.html> (accessed 10 May 2025).

²⁵ Проект завершился в декабре 2020 г.

²⁶ Министерство образования Республики Беларусь (2019) Беларусь – Польша: приоритеты сотрудничества в сфере образования. 16 сентября. Available at: <https://edu.gov.by/news/belarus--polsha-prioritety-sotrudnichestva-v-sfere-obrazovaniya/> (дата обращения: 10.05.2025).

белорусских студентов»²⁷ (около 10% от общего числа, вторая по численности группа иностранных студентов). В 2023 г. их число выросло до примерно 12 тысяч человек²⁸.

Согласно польским СМИ, оппозиционно настроенные по отношению к правительству А.Г. Лукашенко молодые люди рассматривают получение высшего образования в Польше как возможность легально эмигрировать из страны и найти себе применение за рубежом²⁹. В связи с этим президент Белоруссии А.Г. Лукашенко заявил, что на родине им, возможно, придется подтверждать свой польский диплом³⁰. «Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Польша о признании эквивалентности высшего образования, эквивалентности ученых степеней и ученых степеней в области искусства» (от 28 апреля 2005 г.) было расторгнуто 25 октября 2022 г.³¹ Отметим при этом, что, по оценкам, до событий 2020 г. в Белоруссию возвращались примерно 80% получивших образование в странах Шенгенского пространства, тогда как в 2023 г., согласно опросу Центра исследования миграции Варшавского университета, такое желание определенно выразили только 23% (Homel, Jaroszewicz & Lesińska, 2023).

Согласно программе «Солидарность с Беларусью», меры воздействия на белорусское студенчество и научное сообщество как элемент стратегии смены режима реализовывались с сентября 2020 г. Университетом имени Скłodовской-Кюри (г. Люблин), Университетом имени Адама Мицкевича (г. Познань), Вроцлавским университетом науки и технологии, Силезским университетом (г. Катовице), Университетом информационных технологий и менеджмента (г. Жешув). Позднее к ней присоединились еще несколько десятков образовательных и исследовательских организаций в Польше. Кроме того, для обладателей «карты поляка» образование в государственных университетах Польши бесплатное. Ответственным за реализацию программ на государственном уровне были определены Национальное агентство академических обменов Польши (NAWA) и Конференция ректоров академических школ Польши (CRASP). Помимо студентов, программы поддержки были также предусмотрены для исследователей и преподавателей. По итогам 2020 г. стипендии NAWA получили почти 900 студентов для обучения

²⁷ *Витебский курьер* (2020) Количество белорусских студентов в Польше удвоилось и составило 10 тысяч. 22 августа. Available at: <https://vkurier.by/211426> (дата обращения: 10.05.2025).

²⁸ *Study in Poland* (2023) Studenci zagraniczni w Polsce 2023. Available at: <https://studyinpoland.pl/raport2023/raport-studenci-zagraniczni-2023.pdf> (дата обращения: 10.05.2025).

²⁹ Poczobut A. (2020) Łukaszenka nie chce uznawać dyplomów polskich uczelni. *Wyborcza*, 26 September. Available at: <https://wyborcza.pl/7,75399,26341656,lukaszenka-nie-chce-uznawac-dyplomow-polskich-uczelni.html> (accessed 10 May 2025).

³⁰ *Новости тут* (2020) Лукашенко о белорусах-студентах в Польше: «Они должны будут подтвердить здесь диплом». Варшава ответила. 25 сентября. Available at: <https://news.tut.by/society/701810.html> (дата обращения: 10.05.2025).

³¹ *Pravo.by* (2022) Пастанова Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь. 25 кастрычніка 2022 г. № 728. Аб спыненні Пагаднення паміж Урадам Рэспублікі Беларусь і Урадам Рэспублікі Польшча аб прызнанні эквівалентнасці ў вышэйшай адукацыі, раўназначнасці вучоных ступеняў і ступеняў у галіне мастацтва. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22200728&p1=1&p5=0> (accessed 10 May 2025).

в 73 различных университетах в Польше. В последующие годы их число сократилось: 395 чел. – в 2021 г.; с 2022 г. – 150–200 чел.

Таким образом, в рассматриваемый период субъекты политики Польши в гуманитарной сфере рассматривали Белоруссию в качестве одного из ключевых направлений влияния, якобы ориентированного на продвижение демократизации, распространение европейских ценностей и обеспечение свободы слова – в их западноевропейской трактовке, за которой фактически скрывались усилия по смене политического режима.

При этом за рамками собственно гуманитарной политики оставался миграционный кризис на польско-белорусской границе в 2021 г., который стал одним из направлений взаимной секьюритизации: Варшава интерпретировала его в качестве элемента скоординированной «гибридной войны» и не рассматривала эту проблему как возможность для конструирования благоприятного имиджа безопасного для беженцев государства. Размежевание этой проблемы и мер «гуманитарной» политики на белорусском направлении было обусловлено этническим происхождением большинства мигрантов, которые прибывали из стран Ближнего Востока. К тому же, они были не политическими беженцами, а нелегальными трудовыми (т.е. экономическими) мигрантами (Шишлина, 2021: 28–29).

Белорусское направление гуманитарной политики Литвы

Белоруссия и Литва, будучи бывшими союзными республиками, избрали диаметрально противоположные траектории развития. Минск встал на путь встраивания в интеграционные процессы на постсоветском пространстве, завершившийся вступлением в ОДКБ и ЕАЭС, и уже с середины 1990-х гг. приступил к наращиванию тесных связей с Россией, что в конечном счете привело к формированию Союзного государства. Вильнюс, напротив, взял курс на присоединение к евроатлантическим структурам, вступив в НАТО и ЕС в 2004 г. Эскалация конфликтности в отношениях России и «коллективного Запада» после 2014 г. привела к тому, что граничащие друг с другом Белоруссия и Литва оказались в зоне противостояния этих центров силы.

На протяжении последних десятилетий, вплоть до переломного 2022 г., белорусско-литовские отношения существовали в двух параллельных измерениях – политическом (идеалистическом) и экономическом (прагматическом). Стороны практически не вели диалога по политическим вопросам, однако активно взаимодействовали в сфере экономики (в частности, до 70% грузов, проходивших через Клайпедский порт, предназначались для Белоруссии (Serry, 2025)). Такой подход был выгоден обеим сторонам: Белоруссия диверсифицировала внешнеэкономические связи, подкрепляя тем самым внешнеполитическое балансирование и «*многoveкторность*» – получая преференции как со стороны России, так и со стороны Литвы без угрозы дестабилизации. Литва, оставаясь «*воротами во внешний мир для белорусского экспорта*» (Шимов, 2024), получала стабильный доход от поддержания экономических связей, не нарушая солидарности в рамках ЕС.

Ситуация начала ухудшаться с середины 2010-х гг. в связи со строительством Островецкой АЭС у белорусско-литовской границы. Это повлекло за собой ужесточение риторики официального Вильнюса в отношении Белоруссии и России; активный, но не увенчавшийся в конечном итоге антибелорусский лоббизм на уровне ЕС и в международных институтах (ООН, МАГАТЭ) в связи с якобы нарушением технических и экологических норм строительства; юридически закрепленный отказ закупать электроэнергию, производимую на АЭС. При этом, как выяснилось еще на этапе возведения станции, литовские государственные исследовательские институты (Институт энергетики Литвы и Государственная инспекция Литвы по вопросам ядерной безопасности) также участвовали в ее проектировании в рамках финансируемого ЕС проекта, что осенью 2017 г. вызвало значительный внутривнутриполитический резонанс³². Таким образом, политизация этого вопроса заметно ухудшила тональность и общую атмосферу двусторонних отношений в последние годы.

С самого начала августовских событий 2020 г. в Белоруссии Литва заняла наиболее жесткую среди государств Европейского союза позицию и стала инициатором беспрецедентного количества национальных и международных инициатив в отношении ситуации в Белоруссии.

11 августа 2020 г. с совместным заявлением, в котором содержался призыв *«воздержаться от применения силы и освободить всех задержанных»*, выступили министры иностранных дел государств Люблинского треугольника (Литвы, Польши, Украины)³³. В этот же день кандидат в президенты Белоруссии С. Тихановская покинула территорию Белоруссии через границу с Литвой и обосновалась в Вильнюсе. 12 августа 2020 г. с аналогичным призывом и заявлением о *«крупномасштабных фальсификациях в ходе выборов»* выступили министры иностранных дел многостороннего диалогового формата *Nordic-Baltic Eight*, куда входит и Литва³⁴. На следующий день было опубликовано совместное заявление президентов Литвы, Латвии, Польши и Эстонии³⁵.

Как и Польша, Литва традиционно необоснованно и идеологически мотивированно воспринимала события 2020 г. как проявление утраты Белоруссией внешнеполитической самостоятельности. 10 сентября Сейм Литвы принял

³² *15min.lt* (2017) Baltarusius dėl Astravo AE saugos konsultavo ir VATESI. 26 September. Available at: <https://www.15min.lt/verslas/naujiena/energetika/baltarusius-del-astravo-ae-saugos-konsultavo-ir-vatesi-664-858618> (accessed 10 May 2025).

³³ *Urm.lt* (2020) Lietuvos, Lenkijos ir Ukrainos („Liublino trikampio“) užsienio reikalų ministrų pareiškimas. 11 August. Available at: <http://urm.lt/default/lt/naujienos/lietuvos-lenkijos-ir-ukrainos-liublino-trikampio-uzsienio-reikalu-ministru-pareiskimas> (accessed 10 May 2025).

³⁴ *Urm.lt* (2020) Bendras Šiaurės ir Baltijos šalių užsienio reikalų ministrų pareiškimas dėl pastarųjų įvykių Baltarusijoje. 12 August. Available at: <http://urm.lt/default/lt/naujienos/bendras-siaures-ir-baltijos-saliu-uzsienio-reikalu-ministru-pareiskimas-del-pastaraju-ivykiu-baltarusijoje> (accessed 10 May 2025).

³⁵ *lrp.lt* (2020) Lietuvos, Lenkijos, Latvijos ir Estijos Prezidentų raginimas imtis veiksmų dėl Baltarusijos. 13 August. Available at: <https://www.lrp.lt/lt/lietuvos-lenkijos-latvijos-ir-estijos-prezidenturaginimas-imitis-veiksmu-del-baltarusijos/34520> (accessed 10 May 2025).

резолюцию «О нелегитимном союзе с Россией, навязанном Беларуси», в которой призвал международное сообщество «оценивать любые действия нелегитимного главы Белоруссии А. Лукашенко, которыми предполагается узаконить его власть и заключить новые международные соглашения с Россией, ограничивающие суверенитет белорусской нации, как преступление против своего народа, соответственно ничтожные и не признанные международным сообществом – *de facto* аннексию страны»³⁶. В этой связи были расширены масштабы непосредственного взаимодействия правительственных структур Литвы с белорусским обществом. В рамках созданного Литвой «гуманитарного коридора» за второе полугодие 2020 г. разрешение прибыть в страну получили 779 граждан Белоруссии. Из них 76 человек в указанный период запросили политическое убежище³⁷.

После событий 2020 г. Вильнюс все чаще стали называть «политической столицей Беларуси»³⁸ ввиду значительной концентрации исследовательских учреждений, политических и гражданских организаций, либо изначально основанных здесь, либо сменивших юрисдикцию с белорусской на литовскую (это значительно упростило доступ к финансированию из Брюсселя и США, а также медийным площадкам). После февраля 2022 г. масштабы их деятельности были значительно расширены. Среди них – Центр восточноевропейских исследований (*Eastern Europe Studies Centre, EESC*; сейчас – Центр исследований геополитики и безопасности, *Geopolitics and Security Studies Center, GSSC*), под эгидой которого проводились мероприятия с участием оппозиционеров из России и Белоруссии (в т.ч. проводившиеся ранее на протяжении многих лет встречи «Беларусь – проверка реальности» (*Belarus Reality Check*))³⁹; Независимый институт социально-экономических и политических исследований⁴⁰; Европейский гуманитарный университет и действующий в его структуре Центр белорусских и региональных исследований (ранее – Институт исторических исследований Беларуси)⁴¹; Белорусский институт стратегических исследований⁴²; Белорусский дом прав человека*; «Ассамблея неправительственных демократических организаций Беларуси», объединяющая несколько десятков НКО, и др.

³⁶ *E-seimas.lrs.lt* (2020) Rezoliucija dėl neteisėtos ir primetamos Rusijos sąjungos Baltarusijai. rugsėjo 10 d. Nr. XIII-3282. Vilnius. Available at: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAP/7d1d07b1f2881eab72ddb4a109da1b5> (accessed 10 May 2025).

³⁷ Министерство внутренних дел Литовской Республики (2021) VRM: atvykti į Lietuvą dėl humanitarinių priežasčių leista beveik 780 Baltarusijos piliečiams. 4 января. Available at: <https://vrm.lrv.lt/lt/naujienos/vrm-atvykti-i-lietuva-del-humanitariniu-priezasciu-leista-beveik-780-baltarusijos-pilieciams/> (дата обращения: 10.05.2025).

³⁸ *Irp.lt* (n.d.) Belarusian exiles in Lithuania: 'Vilnius is the political capital of Belarus'. Available at: <https://www.lrt.lt/en/news-in-english/19/1253325/belarusian-exiles-in-lithuania-vilnius-is-the-political-capital-of-belarus> (accessed 10 May 2025).

³⁹ *Geopolitics and Security Studies Center* (n.d.). Available at: <https://www.gssc.lt/apie/> (accessed 10 May 2025).

⁴⁰ Независимый институт социально-экономических и политических исследований (б.д.). Available at: <http://www.iiseps.org/> (дата обращения: 10.05.2025).

⁴¹ Институт исторических исследований Беларуси. Available at: <https://ru.ehu.lt/nauka/center-for-belarus-and-regional-studies/> (дата обращения: 10.05.2025).

⁴² *Belorussian Institute for Strategic Studies* (n.d.). Available at: <https://belinstitute.com/> (accessed 10 May 2025).

* Деятельность организаций признана нежелательной на территории Российской Федерации.

Все эти организации действуют при поддержке европейских и американских фондов, правительственных организаций, международных институтов (*USAID**, Национального фонда демократии, Международного республиканского института*, фонда им. Конрада Аденауэра*, фонда «Евразия», института «Открытое общество»*, *“Freedom House”**, НПО «Германский фонд Маршалла»*, Европейской Комиссии и др.). Однако, судя по низкой интенсивности обновления сайтов большинства из них, за последние несколько лет эта поддержка сократилась.

Степень их влияния на процессы в Белоруссии всегда оставалась ограниченной и несопоставимой, например, с телеканалом *Belsat**, вещающим из Польши, или с базирующимся в Польше телеграм-каналом *NEXTA**. Вместе с тем значительная концентрация «профессиональных оппозиционеров» за пределами Белоруссии кадрово обеспечивает негативный в отношении этой страны и России фон в медийном и общественно-политическом пространствах, поскольку основные спикеры для различных международных диалоговых площадок по белорусской (а часто и российской) внутри- и внешнеполитической проблематике берутся именно из «вильнюсского пула». Тем не менее по сравнению с ними польский *Belsat** остается значительно более влиятельным каналом воздействия на белорусскую аудиторию. Организация не только транслировала исключительно прозападную интерпретацию политических событий в Белоруссии в 2020–2021 гг., но одновременно продвигала привлекательный образ Польши и Европейского союза: среди прочего, велась разъяснительная работа о структуре и функциях европейских ведомств и идеологических основаниях Европейской политики соседства. В дальнейшем такая деятельность имела значение и в контексте украинского кризиса, поскольку проблема расширения НАТО на восток также интерпретировалась журналистами *Belsat** исключительно в прозападном ключе.

В сфере взаимодействия с белорусской молодежью среди литовских организаций наибольшей известностью пользуется Европейский гуманитарный университет (ЕГУ), переехавший в Вильнюс еще в 2004 г.. В 2023/2024 учебном году в нем обучались более 1150 студентов, около 80% которых имеют белорусское гражданство⁴³. Большинство студентов из Белоруссии в Литве обучаются именно в ЕГУ, в остальных литовских вузах их численность незначительна.

После эскалации украинского кризиса в 2022 г. Литва скорректировала подход к гуманитарному взаимодействию с Белоруссией с учетом выдвинутых Вильнюсом обвинений Минска в дестабилизации европейской безопасности и ухудшении ситуации в сфере прав человека. В августе 2023 г., Литва закрыла на границе с Белоруссией два из шести пограничных переходов,

* Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации.

⁴³ *Europos humanitarinis universitetas* (2024) Annual Report of EHU for the period October 1, 2023 to September 29, 2024. Available at: <https://en.ehu.lt/wp-content/uploads/2025/03/concise-report-2023-24.pdf> (accessed 10 May 2025).

а в марте 2024 г. – еще два. Это решение имело неблагоприятные последствия для двусторонней торговли и контактов в гуманитарной сфере.

Указанные шаги стали проявлением общей секьюритизации гуманитарного трека литовско-белорусского взаимодействия: Вильнюс все чаще стал обвинять Минск в тайной вербовке пребывающих в Белоруссии литовских граждан⁴⁴. Более того, в последние два года белорусы в Литве стали активно подвергаться преследованиям и проверкам на предмет политической лояльности как возможные носители идеологии «литвинизма», противоречащей базовому историческому мифу Литвы об истории страны⁴⁵.

Как и польские власти, официальный Вильнюс также обвинял белорусское руководство в организации миграционного кризиса на границе с Литвой в 2021 г. При этом заявлялось⁴⁶, что одним из способов «прикрытия» для нелегальных мигрантов были попытки выдать себя за студентов белорусских университетов. Популяризация данного нарратива в медиапространстве подрывала доверие к тем, кто, действительно будучи студентом, стремился попасть на территорию ЕС легальным способом. Кроме того, решение литовских властей о создании системы укреплений на границе с Белоруссией также не способствовало облегчению доступа уже белорусских беженцев на территорию Литвы и Европейского союза.

Эти тенденции стали частным проявлением более широкой проблемы, на которую обратил внимание В.В. Шимов: *«Польша достаточно охотно принимает белорусских граждан, рассчитывая на их скорую ассимиляцию. Литва же себе этого позволить не может. Литовцы – небольшой реликтовый балтский этнос, озабоченный вопросами своей “чистоты”. Как и во всей Прибалтике, в Литве существует сильное предубеждение против русскоязычного славянского населения, поэтому появление крупной белорусской диаспоры выступает для Литвы вызовом и проблемой»* (Шимов, 2024). В свою очередь, подобный подход на практике не может не отражаться на качестве двусторонних контактов не только на межгосударственном, но и на общественном уровне.

Таким образом, несмотря на ограниченный объем внешнеполитических ресурсов, Литва с 2014 г. проводит активную «гуманитарную» политику на белорусском направлении как часть более широких усилий по смене режима. Ее центральными направлениями являются информационная поддержка белорусской оппозиции в СМИ и на онлайн-площадках, а также нацеленная работа с молодежью, тогда как стипендии и специализированные

⁴⁴ *Lenta.ru* (2023) В Литве обвинили Белоруссию в попытке вербовки граждан страны. 9 августа. Available at: <https://lenta.ru/news/2023/08/09/litva/> (дата обращения: 10.05.2025).

⁴⁵ *Sputnik Литва* (2024) В Литве проверяют более 18 тысяч белорусов на "угрозу нацбезопасности". 27 февраля. Available at: <https://lt.sputniknews.ru/20240227/v-litve-proveryat-bolee-18-tysyach-belorusov-na-ugrozu-natsbezopasnosti-32084543.html> (дата обращения: 10.05.2025).

⁴⁶ *Euradio* (2021) Проверяем легенду нелегальных мигрантов, которые бегут от роста цен на обучение. 8 июля. Available at: <https://euroradio.fm/ru/proveryaem-legendu-nelegalnyh-migrantov-kotorye-begut-ot-ros-ta-cen-na-obuchenie> (дата обращения: 10.05.2025).

образовательные программы способствуют повышению привлекательности Литвы среди белорусской молодежи. Все эти шаги нацелены на распространение западноевропейской интерпретации демократических ценностей в белорусском обществе и его дестабилизацию. Параллельно Литвой решаются задачи по привлечению в свою экономику талантливой молодежи из соседней страны (особенно в сфере ИТ) – сфере, где она недостаточно успешно конкурирует с Польшей и, заметно лучше, с Латвией.

Заметный недостаток материальных ресурсов Литва компенсирует политической активностью на национальном уровне и международных площадках, а также более радикальной внешнеполитической позицией.

Сравнительный анализ подходов Польши и Литвы

Как было показано выше, общность рамочных и концептуальных подходов Варшавы и Вильнюса к гуманитарному взаимодействию с белорусским обществом в значительной мере закреплена внешнеполитическими механизмами Европейского союза и обусловлена объективным совпадением интересов в сфере гуманитарной безопасности. И Польша, и Литва, имея общую границу с Беларуссией, в наибольшей степени заинтересованы (по крайней мере, на доктринальном уровне) в формировании «зон стабильности» на восточной границе ЕС (разумеется, в том виде, в каком они ее понимают, и это понимание сильно расходится с позицией Союзного государства и реальным положением вещей милитаризации и военной конфликтности в регионе). При этом украинский опыт роста внутренней конфликтности как следствия «демократизации», в которой преуспели оба государства, не получают критического переосмысления и оценки.

Подходы государственных субъектов гуманитарной политики Польши и Литвы к взаимодействию с белорусским обществом объединяет также и жесткая зависимость соответствующих практик от общего состояния отношений между странами Запада с одной стороны и Союзным государством – с другой. Эта зависимость выражается в совпадении хронологических границ основных периодов приложения гуманитарных усилий Варшавы и Вильнюса на белорусском направлении: 1) 2014–2020 гг.; 2) 2020–2022 гг.; 3) 2022 – настоящее время.

При этом политика в гуманитарной сфере на обоих двусторонних треках рассматривалась западными соседями Беларуссии в качестве инструмента компенсации разорванных связей на официальном уровне в целях укрепления влияния на белорусское общество – в обход дипломатических и межправительственных каналов, использование которых было ограничено после 2020 г. Как показано выше, политические протесты в Беларуссии привели к радикализации как польской, так и литовской внешнеполитической линии, что отчетливо проявилось и на гуманитарном треке, хотя риторика и действия официальной Варшавы по степени активности в целом уступали литовским.

В идеологической сфере оба государства используют инструменты исторической политики для проецирования влияния на белорусских граждан

в целях смены политического режима. При этом польские власти активно инструментализируют нарративы, связанные с идеей «Солидарности» и «борьбы за демократию» в 1980-е гг.

Наиболее заметное различие в характеристиках гуманитарной политики заключается в явном ресурсном превосходстве Польши над Литвой – предложения Варшавы доминируют не только по финансовым критериям, но также отличаются бóльшим разнообразием. С другой стороны, с точки зрения западных стран, важным конкурентным ресурсом Литвы является превосходство над Польшей в деле «демократизации» – этот фактор может иметь определяющее значение в процессе согласования и продвижения мер в гуманитарной сфере в отношении Белоруссии на уровне европейских интеграционных структур. Польша, где в последние годы неоднократно проявлялись авторитарные тенденции, и которая в западном дискурсе получила название «*нелиберальной демократии*», что неоднократно осуждалось официальным Брюсселем, в данном случае может рассматриваться как не обладающая достаточным «моральным правом» учить другие общества демократии⁴⁷.

Заметное различие подходов Польши и Литвы к выстраиванию политики в гуманитарной сфере на белорусском направлении связано не только с разницей в объемах внешнеполитических ресурсов, но и с пересечением их интересов в этой сфере. Фактически два государства, обладающих региональными амбициями, конкурируют за влияние на белорусское протестное движение, стремясь сформировать его «столицу» на своей территории: в Варшаве находится так называемый Координационный совет белорусской оппозиции, в Вильнюсе – «офис С. Тихановской» и ее соратники.

Эти «центры», несмотря на общее стратегическое целеполагание в отношении Белоруссии (смена режима), имеют разное видение будущего развития ситуации, что позволяет говорить о наличии между ними серьезных разногласий. С. Тихановская придерживается более радикальных взглядов и выступает за расширение санкционного давления на Белоруссию со стороны ЕС. Члены т.н. Координационного совета занимают более умеренную позицию, предлагая диалог с белорусскими властями под эгидой ОБСЕ. В целом эти позиции соответствуют степени радикализма и внешнеполитической активности национальных правительств, оказывающих им покровительство.

Заключение

Таким образом, проведенный сравнительный анализ подходов Польши и Литвы к гуманитарному взаимодействию с белорусским обществом позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, совпадение подходов Польши и Литвы к искусственному конструированию угрозы со стороны Белоруссии, равно как и членство обоих

⁴⁷ *Financial Times* (2020) Poland takes a back-seat role in Belarus standoff. 17 September. Available at: <https://www.ft.com/content/e851f4b2-819a-46ca-a443-e5078dbb66c0> (accessed 10 May 2025).

государств в Европейском союзе, создает прочную основу для совпадения основных способов оказания влияния в гуманитарной сфере.

Во-вторых, амбициозные проекты регионального лидерства, укоренившиеся как в массовом сознании, так и в представлении политических элит двух стран, выступают главным фактором, обуславливающим столкновение интересов Польши и Литвы на гуманитарном треке. Хотя единство политических устремлений в отношении Минска на уровне ЕС и НАТО (общая направленность на смену режима) способствует сглаживанию этих противоречий, именно Белоруссия как государство, территория которого входит в ареал реализации этих проектов, рассматривается как наиболее привлекательное направление приложения соответствующих усилий. На обоих двусторонних треках в реализации этих проектов участвуют не только официально аффилированные с правительством субъекты гуманитарной политики, но и неправительственные организации, фонды и образовательные структуры. Некоторые из них финансируются из зарубежных источников. Приоритетное внимание при этом уделяется информационной и идеологической работе, а также взаимодействию с молодежью и интеллектуальной средой (учеными, преподавателями).

В-третьих, сравнение гуманитарных ресурсов Польши и Литвы позволяет сделать вывод о наличии значительных диспропорций между ними. С одной стороны, Варшава, реализуя проактивную политику в гуманитарной сфере, опирается на существенное превосходство в материальных ресурсах. С другой стороны, литовские власти – на фоне заметной ограниченности материальных ресурсов – компенсируют дефицит экономических и финансовых возможностей идеологическими способами: Литва проводит в отношении Белоруссии более радикальную и «громкую», подчас провокационную внешнеполитическую линию.

Список литературы:

1. Воротников В.В. (2020) Государства Скандинавско-Балтийского региона и Украина после 2014 года (Глава 11) В: Силаев Н.Ю., Сушенцов А.А. (ред.) *Украинский кризис: международное соперничество и пределы прочности государства*. М.: Издательство «Весь Мир». С. 215–231.
2. Грибин Н.П. (2023) Коммуникационный режим в Белоруссии: состояние, вызовы и угрозы. *Россия и мир: научный диалог* 1(7): 129–149.
3. Гронский А.Д. (2025) Историческая память о Великом княжестве Литовском в белорусском обществе в XX – начале XXI вв. *Современная Европа* 1(129): 175–184.
4. Зверев Ю.М., Межевич Н.М. (2024) *Милитаризация Польши и возможные ответы Союзного государства в рамках теории региональных комплексов безопасности*. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. 126 с.
5. Неменский О.Б. (2015) Политика Польши в отношении Белоруссии в системе белорусско-европейских отношений. *Проблемы национальной стратегии* 5: 105–128.
6. Неменский О.Б. (2022) "История белорусской государственности" между Востоком и Западом. *Проблемы национальной стратегии* 3(72): 138–173.

7. Неменский О.Б. (2023) Формирование современной исторической политики Польши (2000–е гг.). *Славянский альманах* 1–2: 159–192.
8. Сутырин В.В. (2020) Гуманитарное влияние во внешней политике: ресурсы, каналы, инфраструктуры. *Общественные науки и современность* 5: 5–20.
9. Сутырин В.В. (2022) Политика Евросоюза в сфере содействия международному развитию на постсоветском пространстве: геополитические факторы. *Современная Европа* 5(112): 5–18.
10. Шимов В.В. (2023) Белоруссия как объект польской внешней политики. *Современная Европа* 6(120): 26–37.
11. Шимов В.В. (2024) Белорусско–литовские отношения: как политика побеждает экономику. *Современная Европа* 3(124): 56–67.
12. Шимов В.В. (2024) Эволюция политики Польши и Литвы в отношении Беларуси: причины и предпосылки. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология* 4: 68–74.
13. Шишелина Л.Н. (2021) Кризис на польско–белорусской границе в свете эволюции миграционной политики вишеградских стран. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН* 6: 24–31.
14. Homel K., Jaroszewicz M., Lesińska M. (2023) New permanent residents? Belarusians in Poland after 2020. *Centre of Migration Research. Spotlight* 5(51).
15. Kruczkowski T. (2021) W sprawie polaków na Białorusi i ich istotności dla Macierzy. *Przegląd Geopolityczny* 35: 163–182.
16. Lastouski A., Zakharov N. (2024) Sacred Language in the Borderlands: Discussions on the Language of Belarusian Catholicism. *Nationalities Papers* 52(2): 446–460.
17. Nikžentaitis A. (2004) The “Imperial” Diplomacy of Lithuania. *Lithuanian Foreign Policy Review* No.13/14: 41–47.
18. Serry A. (2025) From Crisis to Resilience: The Port of Klaipeda and the Reshaping of Baltic Trade Flows (2014–2023). *TransNav, The International Journal on Marine Navigation and Safety of Sea Transportation* 19(1): 135–142.

Comparative Politics. Volume 16, No. 3. July–September / 2025
DOI 10.46272/2221-3279-2025-3-16-3

HUMANITARIAN INFLUENCE OF POLAND AND LITHUANIA TOWARDS BELARUS: COMPARATIVE ANALYSIS

Dr. Vladislav V. VOROTNIKOV – Head of Department for European and American Studies, School of International Relations; Leading Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University; Senior Research Fellow, State Academic University for Humanities.
ORCID: 0000-0003-3374-5677. E-mail: v.vorotnikov@my.mgimo.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received December 14, 2024

Accepted October 16, 2025

Abstract: The article is devoted to the transformation of the approaches of Poland and Lithuania to humanitarian interaction with Belarus and Belarusian non-state subjects in 2014–2024.

The scientific novelty of the study lies in identifying the specifics of the humanitarian influence of Poland and Lithuania in the Belarusian direction in the context of changes in regional security caused by the events of 2014, 2020 and 2022. The aim of this study is to fill a research gap through a comparative analysis of the official approaches of Warsaw and Vilnius, the role of humanitarian policy in their foreign policy strategies toward Belarus, and the practices of non-governmental actors in these states. It concludes that, despite the declared convergence of approaches at the official level, significant divergences in the interests of Poland and Lithuania manifest themselves in their interactions with the Belarusian opposition. These states view this area of political relations as an opportunity to realize their aspirations for regional leadership. These ambitions are reinforced at the value and ideological level, including through the actualization of historical narratives in the information sphere.

The article mentions the organisations, whose activities in Russia have been officially recognised as undesirable. These mentions are made only for scientific purposes, as they do not seek to disseminate information about these organisations.

Keywords: Eastern Europe, humanitarian policy, humanitarian influence, Belarus, Lithuania, Poland.

References:

1. Gribin N.P. (2023) Kommunikatsionnyy rezhim v Belorussii: sostoyaniye, vyzovy i ugrozy [Communication regime in Belarus: state, challenges and threats]. *Rossiya i mir: nauchnyy dialog [Russia and the world: scientific dialogue]* 1(7): 129-149. (In Russian).
2. Gronsky A.D. (2025) Istoricheskaya pamyat' o Velikom knyazhestve Litovskom v belorusskom obshchestve v XIX - nachale XXI vv. [Historical Memory of the Grand Duchy of Lithuania in Belarusian Society in the 20th - Early 21st Centuries]. *Sovremennaya Yevropa [Modern Europe]* 1(129): 175-184. (In Russian).
3. Homel K., Jaroszewicz M., Lesińska M. (2023) New permanent residents? Belarusians in Poland after 2020. *Centre of Migration Research. Spotlight* 5(51).
4. Kruczkowski T. (2021) W sprawie polaków na Białorusi i ich istotności dla Macierzy [On the issue of Poles in Belarus and their importance for the motherland]. *Przegląd Geopolityczny [Geopolitical Review]* 35: 163-182.
5. Lastouski A., Zakharov N. (2024) Sacred Language in the Borderlands: Discussions on the Language of Belarusian Catholicism. *Nationalities Papers* 52(2): 446-460.
6. Nemensky O.B. (2015) Politika Pol'shi v otnoshenii Belorussii v sisteme belorussko-yevropeyskikh otnosheniy [Poland's Policy Towards Belarus in the System of Belarusian-European Relations]. *Problemy natsional'noy strategii [Problems of National Strategy]* 5: 105-128. (In Russian).
7. Nemensky O.B. (2022) "Istoriya belorusskoy gosudarstvennosti" mezhdru Vostokom i Zapadom ["The History of Belarusian Statehood" between East and West]. *Problemy natsional'noy strategii [Problems of National Strategy]* 3(72): 138-173. (In Russian).
8. Nemensky O.B. (2023) Formirovaniye sovremennoy istoricheskoy politiki Pol'shi (2000-ye gg.) [Formation of Modern Historical Policy of Poland (2000s)]. *Slavyanskiy al'manakh [Slavic Almanac]* 1-2: 159-192. (In Russian).
9. Nikžentaitis A. (2004) The "Imperial" Diplomacy of Lithuania. *Lithuanian Foreign Policy Review* No.13/14: 41-47.
10. Serry A. (2025) From Crisis to Resilience: The Port of Klaipeda and the Reshaping of Baltic Trade Flows (2014-2023). *TransNav, The International Journal on Marine Navigation and Safety of Sea Transportation* 19(1): 135-142.
11. Shimov V.V. (2023) Belorussiya kak ob'yekt pol'skoy vneshney politiki [Belarus as an object of Polish foreign policy]. *Sovremennaya Yevropa [Modern Europe]* 6(120): 26-37. (In Russian).

12. Shimov V.V. (2024) Belorussko-litovskiyе otnosheniya: kak politika pobezhdayet ekonomiku [Belarusian-Lithuanian relations: how politics wins over economics]. *Sovremennaya Yevropa [Modern Europe]* 3(124): 56–67. (In Russian).
13. Shimov V.V. (2024) Evolyutsiya politiki Pol'shi i Litvy v otnoshenii Belarusi: prichiny i predposylki [Evolution of the policy of Poland and Lithuania towards Belarus: reasons and prerequisites]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya [Journal of the Belarusian State University. Sociology]* 4: 68–74. (In Russian).
14. Shishelina L.N. (2021) Krizis na pol'sko-belorusskoi granitse v svete evolyutsii migratsionnoi politiki vishegradskikh stran [The crisis on the Polish-Belarusian border in light of the evolution of the migration policy of the Visegrad countries]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IERAN [Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS]* 6: 24–31. (In Russian).
15. Sutyurin V.V. (2020) Gumanitarnoye vliyaniye vo vneshney politike: resursy, kanaly, infrastruktury [Humanitarian influence in foreign policy: resources, channels, infrastructures]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]* 5: 5–20. (In Russian).
16. Sutyurin V.V. (2022) Politika Yevrosoyuza v sfere sodeystviya mezhdunarodnomu razvitiyu na postsovet'skom prostranstve: geopoliticheskiye faktory [The EU policy in the field of international development assistance in the post-Soviet space: geopolitical factors]. *Sovremennaya Yevropa [Modern Europe]* 5(112): 5–18. (In Russian).
17. Vorotnikov V.V. (2020) Gosudarstva Skandinavsko-Baltiyskogo regiona i Ukraina posle 2014 goda (Glava 11) [The States of the Scandinavian-Baltic Region and Ukraine after 2014 (Chapter 11)]. In: Silaev N.Yu., Sushentsov A.A. (eds.) *Ukrainskiy krizis: mezhdunarodnoye sopernichestvo i predely prochnosti gosudarstva [Ukrainian Crisis: International Rivalry and the Limits of State Strength]*. Moscow: Ves Mir Publishing House. p. 215–231. (In Russian).
18. Zverev Yu.M., Mezhevich N.M. (2024) *Militarizatsiya Pol'shi i vozmozhnyye otvety Soyuznogo gosudarstva v ramkakh teorii regional'nykh kompleksov bezopasnosti [Military of Poland and Possible Responses of the Union State within the Framework of the Theory of Regional Security Complexes]*. Kaliningrad: Baltiyskiy federal'nyy universitet imeni Immanuila Kanta [Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University]. 126 p. (In Russian).

ИНТЕГРАЦИОННАЯ ПОВЕСТКА В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ СТРАН-УЧАСТНИЦ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Игорь БАХЛОВ, Ольга БАХЛОВА

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва

Аннотация: В условиях трансформации глобальной повестки и перераспределения влияния меняются содержательные акценты международных партнерств и их институциональная логика. Подобные процессы, нередко имеющие противоречивые последствия, затрагивают многие влиятельные объединения, включая ЕС и НАТО. Получают дополнительные возможности незападные структуры и площадки. Россия и ее ближайший союзник, Белоруссия, испытывая мощное внешнее давление, пытаются нарастить потенциал не только успешно-го противодействия, но и созидательного внутреннего развития. Значительные возможности усматриваются ими в интеграционной плоскости.

В настоящей статье проверяется гипотеза о сближении тематических приоритетов и концептуальных рамок интеграционной повестки, формируемой национальными институтами власти двух стран. Эмпирическая база включает совокупность официальных концептуально-стратегических документов, а также публичные заявления представителей государственных органов. Методологически исследование сочетает формализованный контент-анализ, позволивший выявить частотные и тематические паттерны, и качественный анализ документов. Изучение совокупности источников позволило определить сходные и отличительные черты в подходах двух стран. Показано сближение позиций и дискурсивных практик в широком тематическом спектре, с артикуляцией экономической проблематики. Россия и Белоруссия на современном этапе демонстрируют сходное видение Союзного государства как уникального и одновременно модельного для других объединений региона интеграционного формата. Интеграция в его рамках увязывается с более обширными с пространственной точки зрения процессами на пространстве «Большой Евразии». В целом подходам России и Белоруссии свойственна прагматизация интеграционного взаимодействия.

Игорь Владимирович Бахлов – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва.

ORCID: 0000-0001-6886-5762. E-mail: bahlov@mail.ru
430005, Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.

Ольга Владимировна Бахлова – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва.

ORCID: 0000-0002-3849-8321. E-mail: olga.bahlova@mail.ru
430005, Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.

Поступила в редакцию: 15.05.2025

Принята к публикации: 11.10.2025

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Ключевые слова: евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, интеграционная повестка, Организация Договора о коллективной безопасности, союзная повестка, российско-белорусская интеграция, Содружество Независимых Государств, Союзное государство, союзное строительство

Феномен интеграции давно превратился в неотъемлемую часть мировых политических процессов. Он проявляется в различных регионах, принимая разнообразные формы и параметры, определяемые множеством факторов, включая влияние групп элит. Продолжительное время теория, дискурс и практика интеграции оставались европоцентричными: Европейские сообщества, а позднее Европейский союз рассматривались в качестве образцовой модели. Однако в последние годы европейская интеграционная модель утрачивает статус универсальной; происходит размывание «европейского интеграционного канона» (Байков, 2017: 49). Вызывают сомнение, например, концепция «стратегической автономии» («стратегического суверенитета») ЕС как международного актора, его попытки артикулировать инструментальное использование суверенитета, обеспечивая продвижение своих ценностей вовне¹. Колебания позиции ЕС от недавней почти безоговорочной лояльности США до выраженного фрондирования по украинскому и ряду других вопросов, разногласия внутри Союза, сложная экономическая, миграционная ситуация негативно влияют на его внутреннюю и внешнюю легитимность. Дополнительными факторами ослабления интеграционного потенциала выступают кризис идеологических оснований (в том числе дискредитация неолиберализма и трансгуманизма) и проблематизация цивилизационной субъектности ЕС (Гаман-Голутвина, 2024), что препятствует восстановлению его прежней креативности.

В трансформирующейся глобальной и региональной среде страны-участницы неевропейских интеграционных объединений, как представляется, намерены воспользоваться открывающимся «окном возможностей». Примечательным примером выступает Союзное государство России и Беларуси (далее – Союзное государство, СГ). Обе страны продолжают находиться под масштабным санкционным давлением со стороны условного коллективного Запада, включая ЕС, который пока не демонстрирует готовности к смягчению ограничений. На этом фоне Россия и Белоруссия существенно пересмотрели прежние подходы к взаимодействию с Европейским союзом: ранее выдвигаемые идеи «общих пространств» (РФ) или «интеграции интеграций» (РБ) перестали рассматриваться в качестве реалистичных ориентиров вследствие

¹ РСМД (2023) Круглый стол «Стратегическая автономия» ЕС: сущность, проявления и последствия для России». 21 декабря. Available at: <https://russiancouncil.ru/news/kruglyy-stol-strategicheskaya-avtonomiya-es-sushchnost-proyavleniya-i-posledstviya-dlya-rossii/> (дата обращения: 21.03.2025).

инициатив и действий Евросоюза. Совокупность в целом сходно трактуемых Россией и Белоруссией вызовов и угроз побуждает к большему сплочению в формате Союзного государства и в других направлениях сотрудничества.

Развивающийся тренд на (макро)регионализацию – в контексте процессов деглобализации, углубляющейся дифференциации мира по линиям Запад/Незапад, коллективный Запад/Россия, США/Китай, а также усиливающейся активности «мирового большинства» – придает новые импульсы интеграционным процессам на пространстве Содружества Независимых Государств. Эти изменения формируют новые задачи для региональных объединений и ориентиры их дальнейшей институциональной эволюции. Трансформация международной повестки отражается и на интеграционных приоритетах. При этом, ввиду специфики институционального дизайна, особую роль в формулировании новых смыслов интеграционной повестки, их аргументации и укоренении продолжают играть представители национальных органов власти.

Аналитически данный процесс может быть интерпретирован через призму межправительственного (Hoffmann, 1995) и либерального межправительственного подходов к интеграции (Moravcsik, 1997). Оба подхода акцентируют роль предпочтений государств-членов, трактовку интеграции как постоянно обновляющегося набора взаимных сделок и компенсационных механизмов, а интеграционных институтов – как гарантов соблюдения обязательств между правительствами стран-участниц². Учитывая сохранение порой существенных разногласий между государствами (например, по вопросу о введении единой валюты в СГ), отчасти можно опираться на положения теории постфункционализма, допускающей вероятность конфликта между функциональным давлением интеграции и эксклюзивной национальной идентичностью (Hooghe & Marks, 2019). С позиций дискурсивного институционализма обратим внимание на важность взаимодействия представителей политической элиты по поводу наполнения интеграционной повестки в рамках координационного и коммуникационного дискурсов (Schmidt, 2008).

Понятие интеграционной повестки можно трактовать как производное от общего понятия «повестки политического курса» («политической повестки»). В общем смысле – как процесса, *«посредством которого вопросы приобретают статус серьезно обсуждаемых политически значимыми акторами»* (Sinclair, 2006: 35). В настоящем исследовании предполагается концентрация на институциональной повестке – повестке институтов, ответственных за выбор между конкурирующими за внимание проблемами (Cobb & Elder, 1971: 906–907). Интеграционная повестка сопрягается прежде всего с актуализацией определенных вопросов в плоскости интеграционного развития национальными и наднациональными (в случае СГ – союзными) институтами,

² Кофнер Ю. (2019) Экономика справа. Теория евразийской интеграции. II. РСМД, 12 января. Available at: <https://russiancouncil.ru/blogs/Righteconomy/teoriya-evraziyskoy-integratsii-ii/> (дата обращения: 21.03.2025).

ответственными за принятие соответствующих решений с их последующей легализацией в нормативном поле и легитимацией посредством усиления общественной поддержки идеи и процесса интеграции.

Цель статьи – выявить особенности концептуализации и репрезентации интеграционной повестки в официальном дискурсе стран-участниц Союзного государства. СГ рассматривается как уникальное объединение, охватывающий разные сферы интеграционный проект, базирующийся на обширной совокупности проинтеграционных предпосылок. Достигнутые в его рамках результаты, степень охвата и интегрированности по разным сферам позволяют позиционировать СГ как потенциальный ориентир для других объединений постсоветского пространства и как локомотив интеграционных процессов на евразийском пространстве в целом³. Важно, однако, не допускать абсолютизации союзного опыта как безоговорочно успешного и подходящего всем без каких бы то ни было исключений, чтобы избежать «ловушки европоцентризма». Страны-участницы не собираются ограничивать свою интеграционную стратегию и политику рамками конкретного единственного формата. Союзное государство, соответственно, предстает объединением, встроенным в разноуровневые процессы и сложную систему политических коммуникаций.

Гипотеза исследования заключается в следующем: на современном этапе союзного строительства, во многом связанном с «перезапуском» российско-белорусской интеграции на основе пакета решений Высшего Государственного Совета Союзного государства (далее – ВГС) от 4 ноября 2021 г.⁴, наблюдается сближение сюжетов и направленности интеграционной повестки стран-участниц. В немалой степени этому способствовало изменение внутренних и внешних условий интеграционного развития: расширение форм и инструментов внешнего давления (в информационной, экономической и иных сферах), деградация отдельных внешних форматов партнерства (например, «Восточного партнерства» для Республики Беларусь), а также частичное перераспределение полномочий и институциональное обновление политических систем России и Белоруссии в ходе конституционных реформ.

Настоящее исследование призвано выявить, насколько часто концепт интеграции и его модификации и производные (интеграционные процессы и пр.) встречаются в официальных документах и дискурсе представителей власти РФ и РБ; в чем заключаются сходные и отличительные черты их позиций в ракурсе интеграционного целеполагания и интеграционных предпочтений;

³ БЕЛТА (2025) МИД РФ: Союзное государство – наиболее амбициозное интеграционное объединение. 31 марта. Available at: <https://belta.by/society/view/mid-rf-sojuznoe-gosudarstvo-naibolee-ambicioznoe-integratsionnoe-objedinenie-706136-2025/> (дата обращения: 21.03.2025).

⁴ Постоянный Комитет Союзного государства (2021) Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021 – 2023 годы: Декрет от 04.11.2021 No 6. 4 ноября. Available at: <https://посткомсг.рф/docs/item/237509/> (дата обращения: 21.03.2025).

через какие каналы интеграционная повестка, продвигаемая национальными институтами, ретранслируется на союзном уровне. Ответы на данные вопросы позволят в дальнейшем перейти к сопоставлению дискурсивных практик как массива текстов, исходящих от представителей национальных и союзных институтов, соотносимых с практикой российско-белорусской интеграции, к уточнению и расширению общей интеграционной повестки СГ через призму тенденций внутренней и внешней среды, а также спецификации статусно-ролевых параметров основных институтов СГ, что подразумевает выяснение соотношения их формальных полномочий и фактического влияния на интеграционный процесс.

В отечественной и зарубежной научной литературе интеграционная проблематика анализируется как многослойная, охватывающая комплекс взаимосвязанных вопросов. Ввиду ее обширности в настоящей статье обозначим лишь некоторые фокусные точки интерпретации с учетом специфики интеграционного позиционирования РФ и РБ.

Функционирование интеграционных объединений с участием РФ и РБ, реализуемые и потенциальные стратегии их развития рассматриваются, как правило, в широких пространственных рамках. В том числе союзное строительство видится встроенным в общее русло интеграционных процессов на пространстве СНГ и в более широком формате «Большой Евразии». Концепция «Большой Евразии» осмысливается как результат синергии экономической интеграции, политического сотрудничества и обеспечения безопасности государств на пространстве Евразийского континента (Дынкин, Телегина & Халова, 2018). В то же время укажем на утверждения о превращении Евразии в зону конкуренции с участием внешних игроков и вытекающих из этого сложностях для России (Евстафьев, 2020), а также о потенциальной угрозе «институционального вакуума» для России как интеграционного ядра Евразии (Аватков & Евстафьев, 2024). Исследователи обращают внимание и на трудности, вызванные различными опасениями стран-участниц объединений региона (включая боязнь ограничения национального суверенитета) и расхождениями их интересов (Белашенко, Толкачев & Шоджонов, 2020; Гарбузарова, 2020; Овчаренко, 2023). Отмечаются пренебрежение долгосрочными стратегическими интересами в угоду кратковременным экономическим соображениям, разделение в обществе и в политической элите на приверженцев идеологии и практики западного либерализма, ориентирующихся на интеграцию в ЕС, и на сторонников идеологии, близкой к евразийству и защите традиционных ценностей, ориентирующихся на развитие интеграции на евразийском пространстве (Пантин, 2022).

Выделим мнения о произошедшей серьезной трансформации процесса евразийской интеграции из естественного взаимного притяжения России и других постсоветских республик вследствие многолетнего сосуществования в рамках единого государства в одну из главных форм глобальной борьбы между Россией и Западом (Колосов et al., 2018) и о долгосрочном развороте российской политики под давлением Запада в направлении евразийского

пространства (Жильцов, 2024). В качестве перспективного направления обоснована концепция симметричной интеграции, сочетающая экономические и гуманитарные аспекты (Смирнов & Сутырин, 2024). Дается рекомендация России и другим великим державам в условиях «постоянного движения международной системы» рассматривать региональную интеграцию как стратегию реагирования на возникающие вызовы и подготовки к непредсказуемому будущему (Krickovic, 2014).

Объемный пласт образует научная литература, посвященная Союзному государству, российско-белорусским отношениям, интеграционной политике РФ и РБ. Не углубляясь в ее анализ, акцентируем отдельные работы, проясняющие сущностные аспекты тактики и стратегии стран-участниц СГ в ракурсе выбора и реализации интеграционных приоритетов. Нередко в них актуализируются проблемы «дилеммы интеграций», «борьбы интеграций», многовекторности интеграционных устремлений (Басов, 2019; Мацулевич, 2021; Косов & Юрчак, 2021; Межевич, 2022; Тихомиров, 2022; Цедилина, 2024; Pierson-Lyzhina, 2021). Прослеживаются колебания курса в плоскости союзного строительства (Вардомский, 2024; Малышев, 2024; Шмелев, 2024; Vieira, 2017). На современном этапе преобладают позитивные трактовки настоящего и будущего СГ как интеграционного формата, особенно в контексте негативизации внешней среды. И российские, и белорусские авторы сейчас преимущественно склонны воспринимать его как формат, внутри которого были и будут еще достигнуты значимые интеграционные результаты. Примечательна трактовка СГ как формата евразийской интеграции, имеющего самую высокую и углубленную степень объединения, к которой пока не приблизились ни СНГ, ни ЕАЭС, ни ОДКБ, хотя и с рядом нерешенных вопросов и институциональных несовершенств (Ватыль, 2025: 159–161). В зарубежном дискурсе достаточно популярна трактовка российско-белорусских отношений с позиций теории «покровитель-клиент» (Götz, 2024), что привносит свои нюансы в определение характера СГ и двусторонней интеграции, понимание целей и задач каждой из стран-участниц.

Размышляя о текущем и вероятном состоянии интеграционного взаимодействия применительно к разным форматам региона, исследователи оперируют понятиями «повестка», «актуальная повестка», «интеграционная повестка». В частности, определяются ее важнейшие компоненты (политико-идеологический, военно-политический, информационный, культурно-гуманитарный, экономический и др.), констатируется незавершенный характер (Бахлов & Бахлова, 2025; Бахлова, 2022; Вагапов, 2024; Харитоновна, 2023). Изучаются также отдельные аспекты отражения интеграционной тематики во внутривнутриполитической повестке и политическом дискурсе РФ и РБ (Бахлова & Уляшкина, 2021; Лапенко & Сердюков, 2024).

В целом позиции РФ и РБ в анализируемом ракурсе изучены довольно подробно, с привлечением документальных источников и экспертных оценок. Однако в большей степени исследовательский интерес концентрируется в плоскости изучения национальных подходов и практик в отдельности.

Сравнительные исследования встречаются реже и, как правило, ограничиваются анализом отдельных случаев или узких тематических аспектов.

Методологическую основу исследования составляют сравнительный и системный подходы. Интеграционная повестка рассматривается как явление, объединяющее национальные и союзные элементы, находящиеся между собой в асимметричной взаимозависимости. При этом национальные институты сохраняют ключевую роль в формировании общего комплекса интеграционных решений. В силу ограничений объема внимание в статье сосредоточено преимущественно на национальном уровне.

Эмпирическая база проанализирована с использованием комбинированного контент-анализа, включавшего количественные процедуры и качественную интерпретацию дискурсивных акцентов. В пул рассматриваемых концептуально-стратегических документов включены официальные документы РФ и РБ, характеризующие цели, задачи, направления их участия в интеграционных объединениях. Корпус текстов, исходящих от представителей государственных органов, сформирован на основе публичных выступлений, опубликованных на официальных сайтах соответствующих ведомств и их подразделений. Эти источники позволяют реконструировать артикулируемые представления об интеграции, ее ожидаемых эффектах и приоритетных направлениях развития. Поисковыми ключами при отборе выступлений выступали термин «интеграция» и названия интеграционных объединений, в которых участвуют Россия и Белоруссия.

Основное внимание фокусировалось непосредственно на СГ в период 2020–2024 гг., но с учетом контекста двустороннего взаимодействия в других форматах (ЕАЭС, ОДКБ, СНГ). Хронологические рамки обусловлены принципиально важными событиями для российско-белорусской интеграции, выразившимися в переходе к новому поступательному этапу, началом имплементации пакета решений 2021 г. и их корректировки Декретом ВГС от 29 января 2024 г.⁵

Концептуально-стратегические документы РФ и РБ в области интеграционной политики

Ориентиры интеграционной политики РФ и РБ фиксируются и раскрываются во многих официальных документах национального уровня. При этом непосредственное сравнение внешнеполитических российских и белорусских документов представляется не вполне корректным. В сфере внешней политики РФ и РБ действуют акты разного правового статуса: в РФ – Концепция

⁵ Информационно-аналитический портал Союзного государства (2024) Об основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы: Декрет Высшего Государственного Совета от 29.01.2024 No 2. 29 января. Available at: <https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/dekret-ot-29-yanvary-a-2024-g-2-ob-osnovnyh-napravleniyah-realizacii-polozheniy-dogovora-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva-na-2024-2026-gody> (дата обращения: 21.03.2025).

внешней политики⁶ (далее – КВП), утверждаемая Указом Президента России, т. е. подзаконным актом. В РБ – Закон об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики⁷. Действующая редакция КВП РФ и названный Закон РБ приняты в разное время, и это также осложняет возможность их прямого сопоставления.

Российская КВП является гораздо более объемным документом и содержит довольно много общих и частных интеграционных конструкций – лексических и смысловых. Так, активизация формирования региональных и трансрегиональных механизмов экономической интеграции и взаимодействия в различных сферах трактуется в контексте закономерного ответа на кризис мироустройства. К числу основных задач внешней политики РФ отнесены раскрытие и укрепление потенциала многосторонних региональных объединений и интеграционных структур с участием России. Много упоминаний о конкретных интеграционных структурах в рамках приоритетных направлений внешней политики.

Белорусский закон относительно кратко закрепляет главные установки РБ во внешнеполитической сфере, причем затрагивающих интеграционную плоскость самым общим образом. Например, применительно к сфере международного экономического сотрудничества одним из основных направлений признается участие в таможенных союзах, зонах свободной торговли и иных формах экономической интеграции с иностранными государствами. Без детализации, хотя это и объяснимо, поскольку она обычно осуществляется концептуально-стратегическими документами. Добавим, что в данном Законе РБ к основным направлениям в сфере трансграничного сотрудничества до сих пор относится «поощрение еврорегионов как формы приграничного сотрудничества»⁸.

⁶ *Президент России* (2025) Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 No 229. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 21.03.2025).

⁷ *Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь* (2015) Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 14.11.2005 No 60–3. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10500060> (дата обращения: 11.05.2025).

⁸ На момент написания статьи (май 2025 г.) указанный Закон последний раз изменялся в 2015 г. Напомним, что РБ в 2021 г. приостановила свое участие в проекте «Восточное партнерство». Кроме того, в декабре 2024 г. Парламентским Собранием Союза Беларуси и России был принят модельный закон «О приграничном сотрудничестве в Союзном государстве». См. *Информационно-аналитический портал Союзного государства* (2024) О модельном законодательном акте «О приграничном сотрудничестве в Союзном государстве»: Постановление Парламентского Собрания Союза Беларуси и России от 12.12.2024 No LXVII – 6. Available at: <https://soyuz.by/projects/resheniya-parlamentskogo-sobraniya-soyuza-belarusi-i-rossii/postanovlenie-o-modelnom-zakonodatelnom-akte-o-prigranichnom-sotrudnichestve-v-soyuznom-gosudarstve> (дата обращения: 11.05.2025). Полагаем необходимой в этой связи корректировку положений и белорусского, и российского законодательства (ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества» последний раз изменялся в 2020 г., и он также не содержит никаких упоминаний о РБ и СГ, как и соответствующая российская концепция). См. *КонсультантПлюс* (2020) Об основах приграничного сотрудничества: Федеральный закон от 26.07.2017 No 179-ФЗ. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220884/ (дата обращения: 11.05.2025); *КонсультантПлюс* (2020) Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 07.10.2020 No 2577-п. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364572/c305c69348b9f3b7d45a934c41f7f464972848ed/ (дата обращения: 11.05.2025).

В исследовании сделан упор на изучении содержания официальных документов РФ и РБ с акцентом на сферы военной политики и национальной безопасности. В отобранных для анализа документах (действующих в настоящий момент и предшествующих им) были выявлены основные маркеры интеграционного плана (понятия, словосочетания, полные и краткие названия интеграционных объединений с участием РФ и РБ), определено число упоминаний о них (см. табл. 1).

Таблица 1. Контент-анализ содержания официальных документов Российской Федерации и Республики Беларусь⁹
Table 1. Content analysis of the content of official documents of the Russian Federation and the Republic of Belarus

Маркеры	Концептуально-стратегические документы РФ и РБ							
	Военная доктрина РФ 2010 г., число упоминаний, ед.	Военная доктрина РФ 2014 г., число упоминаний, ед.	Военная доктрина РБ 2016 г., число упоминаний, ед.	Военная доктрина РБ 2024 г., число упоминаний, ед.	Стратегия национальной безопасности РФ 2015 г., число упоминаний, ед.	Стратегия национальной безопасности РФ 2021 г., число упоминаний, ед.	Концепция национальной безопасности РБ 2010 г., число упоминаний, ед.	Концепция национальной безопасности РБ 2024 г., число упоминаний, ед.
Евразийский экономический союз / Союз	-	-	-	-	4	1	-	1
ЕАЭС	-	-	-	-	-	-	1	-
ЕврАзЭС	-	-	-	-	-	-	1	-
Большое Евразийское партнерство	-	-	-	-	-	1	-	-
Организация Договора о коллективной безопасности	1	1	1	1	2	1	1	1
ОДКБ	10	12	9	12	-	-	3	4
Союзное государство	4	4	6	8	1	1	2	3
Содружество Независимых Государств / Содружество	1	1	3	1	7	1	1	1
СНГ	4	5	5	4	-	3	-	-
Интеграция	3	1	-	-	4	4	2	3
Интеграционные связи	-	-	-	1	-	-	-	-
Евразийская интеграция	-	-	-	-	1	-	-	1

В исследованных документах наиболее часто упоминается военно-политическое объединение – Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ); это характерно как для российских, так и для белорусских источников, что объясняется их общей направленностью. В разных версиях российских документов содержится несколько меньшее число упоминаний ОДКБ, нежели в белорусских. Показательно, что если в новой версии

⁹ Источник: составлено авторами по указанным документам РФ и РБ, размещенным на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь, сайтах справочных правовых систем КонсультантПлюс и ГАРАНТ.

Стратегии национальной безопасности РФ¹⁰ оно, пусть и незначительно, но сократилось, то в соответствующей белорусской Концепции¹¹, как и в Военной доктрине¹², напротив, несколько увеличилось. Оговоримся, что ОДКБ четыре раза упоминается в КВП РФ 2023 г. Полагаем, что значимость ОДКБ в российском дискурсе сохраняется, хотя РФ, вероятно, испытывает определенное разочарование в отношении организации, члены которой не продемонстрировали желательного для нее уровня лояльности в условиях обострения украинского кризиса. В белорусской позиции усматривается рост озабоченности по поводу собственной безопасности в ситуации умножения вызовов на западном векторе.

Довольно часто называются Содружество Независимых Государств и Союзное государство. Относительно сопоставимы число упоминаний об СНГ в документах обеих стран и их динамика. Сошлемся на большое число упоминаний об СНГ в КВП. Для России СНГ в сложившихся условиях по-прежнему остается ключевым регионом в геополитическом и социокультурном измерениях, а также значимым с экономической точки зрения – прежде всего в контексте возможностей адаптации к западным санкционным ограничениям. Союзное государство упоминается стабильно, без амплитудных колебаний, но недостаточно часто (как и в КВП). В белорусских – чаще, с положительной динамикой. Наименьшее число упоминаний – о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС): в российских источниках их больше, однако в основном это характерно для Концепции внешней политики.

Отметим незначительное количество употребления интеграционных лексических конструкций, что свойственно обеим сторонам. Подчеркнем, что в КВП РФ их гораздо больше, чем в документах РФ и РБ, включенных в пул источников для контент-анализа. Само центральное смыслообразующее понятие «интеграция» встречается в российских документах в области безопасности чаще, чем в белорусских. Но семантические интеграционные конструкции в целом в исследованных документах представлены довольно широко. Так, применительно к Союзному государству РБ в своей новой Концепции национальной безопасности 2024 г. (далее – КНБ) провозглашает следующие ориентиры: его сохранение и укрепление, реализация имеющегося конструктивного потенциала стратегических союзнических отношений с РФ; кооперация по формированию единого научно-технологического пространства; укрепление системы коллективной безопасности посредством

¹⁰ *КонсультантПлюс* (2021) О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 No 400. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 11.05.2025).

¹¹ *Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь* (2024) Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утв. Решением Всебелорусского народного собрания 25.04.2024 No 5. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005> (дата обращения: 11.05.2025).

¹² *Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь* (2024) Военная доктрина Республики Беларусь: утв. Решением Всебелорусского народного собрания 25.04.2024 No 6. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0006> (дата обращения: 11.05.2025).

принятия скоординированных мер по обеспечению военной безопасности в рамках СГ. Заявлено, что внешнеполитическая деятельность РБ основывается на стратегических союзнических отношениях с РФ, всестороннем сотрудничестве с другими дружественными государствами в рамках интеграционных объединений с участием РБ¹³.

Укажем на эволюцию белорусского подхода на европейском векторе: в предшествовавшей КНБ предусматривались поддержание активного диалога с ЕС по всему спектру вопросов, представляющих взаимный интерес, последовательное наращивание вовлеченности в общеевропейские объединительные процессы¹⁴; в нынешней – поддержание прагматичного диалога с государствами и структурами ЕС и возобновление участия в европейских региональных и субрегиональных организациях и инициативах на недискриминационной основе. Таким образом, изменились как отношение к Евросоюзу как интеграционному партнеру, так и оценка возможностей участия в проектах и инициативах под его эгидой.

Прослеживается глобализация позиции России в интеграционной плоскости: в КВП 2023 г. упоминается большое число регионов, интеграцию в которых она поддерживает (Африка, Ближний Восток, Латинская Америка, АТР). Оригинальной идеей является идея Большого Евразийского Партнерства (БЕП) (Стратегия 2021 г.). Позиция по интеграции в рамках СГ, в отличие от РБ, не детализирована. Аналогично – в КВП 2023 г. В этом же документе выражается намерение уделять приоритетное внимание стратегическому взаимодействию с РБ, без дальнейшей расшифровки.

РБ располагается на первом месте в системе приоритетов военно-политического сотрудничества РФ (Военная доктрина 2014 г.; здесь позиция РФ по СГ выражена несколько более развернуто). Наблюдается сходство с эволюцией позиции РБ на европейском векторе: так, в Стратегии 2015 г. Россия выступала за укрепление взаимовыгодного сотрудничества с европейскими государствами, ЕС, за гармонизацию интеграционных процессов в Европе и на постсоветском пространстве. Однако в Стратегии 2021 г. отсутствуют упоминания о возобновлении подобных интеграционных настроений. В этом плане позиция РБ выглядит более компромиссной.

Во всей выборке источников наблюдаются положительные коннотации с развитием взаимодействий внутри определенных форматов, важных для РФ и РБ. Есть ссылки на негативные источники, деструктивное влияние некоторых субъектов в данной плоскости. Отметим одно из положений Военной доктрины РБ 2024 г. о политике стран Запада в отношении объединений с участием РБ, направленной на разрушение интеграционных связей, отрыв друг от друга

¹³ Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (2024) Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утв. Решением Всебелорусского Народного Собрания 25.04.2024 No 5. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005> (дата обращения: 11.05.2025).

¹⁴ Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь (2010) Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утв. Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 No 575. Available at: <https://mchs.gov.by/kontsepsiya-natsionalnoy-bezopasnosti-respubliki-belarus/> (дата обращения: 11.05.2025).

государств-союзников. В Стратегии национальной безопасности РФ 2021 г. содержится более общая формулировка – о направленности действий некоторых стран на инспирирование в СНГ дезинтеграционных процессов в целях разрушения связей России с ее традиционными союзниками. Примечательно, что в Стратегии 2015 г. субъект-инициатор деструктивной политики был обозначен более четко (Запад) и речь шла о Евразийском регионе¹⁵. Вероятно, семантика упомянутой формулировки была продиктована неким «затишьем» в отношениях РФ и Запада и надеждами на восстановление Минского процесса. В КВП позиция РФ по Западу выражена более однозначно, в частности, говорится о развязанной им против России гибридной войне нового типа, называются субъекты-инициаторы (Запад, США, их сателлиты).

Интеграционная составляющая прослеживается и в ряде других документов РФ и РБ. Например, в российских документах экономической¹⁶ и научно-технологической сфер¹⁷. Речь в них, в частности, идет о создании региональных и трансрегиональных интеграционных объединений с соблюдением национальных интересов РФ; упоминаются ЕАЭС, СГ, СНГ. Вместе с тем обеспечение ускоренного развития научно-технического сотрудничества предполагается не только в рамках СГ, но и с другими субъектами; в данном случае СГ не наделяется уникальным статусом и особыми характеристиками и функциями¹⁸.

Сошлемся на Национальную стратегию устойчивого социально-экономического развития РБ, где фиксируется сочетание принципов многовекторности внешнеэкономической политики и развития интеграционных процессов со странами ЕАЭС, прежде всего с Россией, и другими государствами¹⁹. В проекте Национальной стратегии устойчивого развития на период до 2040 года артикулировано углубление двусторонней интеграции с РФ

¹⁵ *КонсультантПлюс* (2015) Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 No 683. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 11.05.2025).

¹⁶ *Электронный фонд правовых и научно-технических документов* (2017) Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Указом Президента РФ от 13.05.2017 No 208. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/420398070> (дата обращения: 11.05.2025).

¹⁷ *Электронный фонд правовых и научно-технических документов* (2024) Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 28.02.2024 No 145. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1305071057> (дата обращения: 11.05.2025).

¹⁸ Между тем принятию российской Стратегии предшествовало важное интеграционное решение в рамках СГ, в соответствующем документе намечается формирование единого научно-технологического пространства Союзного государства. См. *Информационно-аналитический портал Союзного государства* (2024) Стратегия научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 года: Постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства от 29.01.2024 No 2. Available at: <https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/postanovlenie-ot-29-yanvarya-2024-g-2-o-strategii-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya-soyuznogo-gosudarstva-na-period-do-2035-goda> (дата обращения: 11.05.2025).

¹⁹ *Министерство экономики Республики Беларусь* (2017) Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2035 года. Available at: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf> (дата обращения: 11.05.2025).

в рамках СГ, с расшифровкой ориентиров на этом направлении; детализирована позиция по ЕАЭС, БЕП, другим объединениям и инициативам в интеграционной плоскости²⁰.

Предварительно резюмируем, что в позициях РФ и РБ просматриваются как сходные, так и отличительные черты. Сходство обнаруживается прежде всего в признании взаимной значимости друг друга как интеграционных партнеров с одновременной фиксацией диверсификации интеграционной политики; акцентировании внешнего фактора для развития СГ и других интеграционных форматов в регионе СНГ; маргинализации европейского вектора интеграционной политики. Существенные отличия белорусской позиции – в большей детализации установок интеграционной политики, включая СГ, артикуляции отношений с РФ.

Содержание интеграционной повестки в дискурсивных практиках национальных институтов власти

В формирование и продвижение интеграционной повестки на национальном и союзном уровнях вовлечены многие институты. Сосредоточимся на исследовании дискурсивных практик представителей конституционных органов внешних сношений в лице глав государств. Уточним, что вне рамок контент-анализа рассматриваются также высказывания глав правительств, а также руководителей палат парламентов РФ и РБ с тем, чтобы выявить специфику интерпретации содержания и векторов интеграции в формате СГ в ее сопряжении с процессами на Евразийском пространстве.

Анализ официальных текстов позволил выявить значимые сюжеты в данной области. Смыслообразующее ядро образуют установки, закрепленные в посланиях глав стран-участниц СГ (в РФ – Федеральному Собранию (далее – ФС) Российской Федерации; в РБ – народу и Национальному Собранию (далее – НС) Республики Беларусь). Определим количественные параметры для ранее выделенных интеграционных маркеров (см. табл. 2).

Таблица 2. Контент-анализ содержания посланий президентов Российской Федерации и Республики Беларусь²¹
Table 2. Content analysis of the Presidents' messages of the Russian Federation and the Republic of Belarus

Маркеры	Послания, год							
	Президент РФ				Президент РБ			
	2020	2021	2023	2024	2020	2022	2023	2024
Евразийский экономический союз / Союз	–	1	–	1	–	1	1	1

²⁰ Министерство экономики Республики Беларусь (2024) Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года. Available at: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/proekt-Natsionalnoj-strategii-ustojchivogo-razvitija-na-period-do-2040-goda.pdf> (дата обращения: 11.05.2025).

²¹ Источник: составлено авторами по указанным документам РФ и РБ, размещенным на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь и сайте Электронного фонда правовых и научно-технических документов.

Продолжение таблицы №2

Маркеры	Послания, год							
	Президент РФ				Президент РБ			
	2020	2021	2023	2024	2020	2022	2023	2024
ЕАЭС	-	-	-	-	-	1	1	-
ЕврАзЭС	-	-	-	-	-	-	1	-
Большое Евразийское партнерство	-	1	-	1	-	-	-	-
Организация Договора о коллективной безопасности	-	1	-	-	-	-	-	-
ОДКБ	-	-	-	-	-	1	2	-
Союзное государство	-	-	-	-	-	3	3	-
Союзное строительство	-	-	-	-	-	-	1	1
Содружество Независимых Государств / Содружество	-	1	-	-	-	1	-	1
СНГ	-	-	-	1	-	1	1	-
Интеграция	-	-	-	-	-	4	2	1
Интеграционные процессы	-	-	-	1	-	-	-	-
Евразийская интеграция	-	-	-	-	-	-	1	-

Как российским, так и белорусским лидером в посланиях последних лет чаще всего упоминались Евразийский экономический союз / Союз / ЕАЭС / ЕврАзЭС. Президентом РБ в равной степени акцентировалось Союзное государство. Отметим и употребление им категории «союзное строительство». А.Г. Лукашенко активно использует термин «интеграция», хотя его динамика в последние годы демонстрирует снижение, с пиковым значением в 2022 г.

Несмотря на артикуляцию ЕАЭС как интеграционного формата, в посланиях обоих лидеров почти не встречается выражение «евразийская интеграция» (единичное упоминание – у А.Г. Лукашенко). В посланиях Президента РФ показательно обращение к концепту «Большое Евразийское партнерство». ОДКБ чаще упоминается белорусским лидером. Усматриваем здесь взаимосвязь с содержанием концептуально-стратегических документов.

В посланиях глав обеих стран-участниц СГ транслируемая интеграционная повестка выглядит достаточно обширной с точки зрения охвата различных форматов, регионов и сфер взаимодействия. Например, в послании Президента РФ 2021 г. упоминается об общих проектах в рамках ЕАЭС, развитии транспортно-логистических коридоров как инфраструктурных каркасах БЕП, которое трактуется как широкое, открытое объединение²². В послании 2024 г. в качестве принципиального интеграционного партнера фигурирует КНР – в контексте сопряжения ЕАЭС и ее инициативы «Один пояс, один путь» в рамках БЕП²³.

²² Электронный фонд правовых и научно-технических документов (2021) Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 года. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/603376895> (дата обращения: 25.04.2025).

²³ Электронный фонд правовых и научно-технических документов (2024) Послание Президента Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 года. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1305126647> (дата обращения: 25.04.2025).

Параллели прослеживаются в белорусской позиции – в ракурсе идеи интенсификации сотрудничества региональных интеграций (ЕАЭС, СНГ, ОДКБ, с перспективой выхода на более плотное взаимодействие с ШОС и БРИКС)²⁴. В данном случае можно наблюдать фактически инверсию прежней идеи «интеграции интеграций» с замещением некоторых внешних партнеров и треков. Наряду с экономическим, РФ актуализирован гуманитарный аспект интеграционной повестки, продвижение русского языка и многонациональной культуры России.

В.В. Путин трактует интеграцию как неотъемлемую часть национальной стратегии развития России и укрепления экономического, технологического и финансового суверенитета, модернизации и расширения инфраструктуры²⁵. А.Г. Лукашенко подчеркивает, что Белоруссия живет «своим умом» и апеллирует к принципу многовекторности, что проглядывается в Послании 2020 г.²⁶

В том же послании присутствуют отсылки к определенному конфликтному потенциалу в российско-белорусских отношениях («нефтяным разборкам», «смене Россией братских отношений на партнерские»). Одновременно утверждается, что «Россия была, есть и будет нашим ближайшим союзником». Последующие послания в этом плане несколько отличаются. Так, уже в 2022 г. Россия безоговорочно признается «партнером номер один», с артикуляцией экономической интеграции, особенно в плоскости движения товаров и энергетики. Кроме того, артикулирована и проблематика безопасности в интеграционной повестке – в форматах СНГ и ОДКБ. Внешний фактор (санкционное давление, сосредоточение войск НАТО вблизи границ СНГ и пр.) интерпретируется как побуждающий к большему сплочению. Одновременно белорусский лидер говорит о многогранности братских отношений: по его мнению, «первоосновой единства нашей судьбы выступают кровные связи, культурное наследие, историческая память»²⁷. Свойственна ему и конкретизация преимуществ двусторонней интеграции с РФ – реальных и потенциальных. Упомянуты также в прагматичном ключе ЕАЭС, СНГ, ОДКБ.

²⁴ Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (2023) Послание Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь 31 марта 2023 г. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P023p0001> (дата обращения: 25.04.2025).

²⁵ Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации (2023) Интеграция – часть национальной стратегии развития России. 19 октября. Available at: <https://ac.gov.ru/news/page/integraciya-cast-nacionalnoj-strategii-razvitiya-rossii-27602> (дата обращения: 25.04.2025).

²⁶ Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (2020) Послание Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь 4 августа 2020 г. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P020p0001> (дата обращения: 25.04.2025).

²⁷ Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (2022) Послание Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь 28 января 2022 г. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P022p0001> (дата обращения: 25.04.2025).

При этом СГ, по сути, воспринимается модельной площадкой для выстраивания многосторонних взаимодействий. Во многом сходна логика посланий Президента РБ 2023 г. и 2024 г.²⁸. В Послании 2023 г. акцентирована необходимость выполнения экономических программ СГ в ракурсе поддержки развития единого научно-технологического пространства, импортозамещения и брендинга: «Пора уже окончательно избавиться от чужих болтов и гаек и выпускать по-настоящему свой продукт, в том числе продукт Союзного государства»²⁹. Актуализированы задачи развития инструментов новой евразийской финансовой системы и обеспечения безопасности, понимаемой широко, – от информационной до продовольственной. В Послании 2024 г. А.Г. Лукашенко предложена формула успеха любой интеграции, выступающая кульминацией его традиционной позиции: «сильные суверенные государства – сильный союз»; союзное строительство истолковано как образец союза суверенных народов, с шансами на расширение без насилия и поглощения.

В целом интеграционная повестка, репрезентируемая главами РФ и РБ, осмысливается ими сквозь призму региональных и глобальных тенденций. Ее ключевые элементы соотносятся с общемировой повесткой, задачами противодействия внешним вызовам, идеологией глобальной унификации, а также целями обеспечения мира, безопасности и развития.

Значимые пункты интеграционной повестки РФ и РБ конкретизированы в материалах национальных правительств. Большой интерес вызывают материалы встреч их руководителей с обеих сторон – в форматах ВГС, Совета Министров СГ, Евразийского межправительственного совета, Совета глав правительств СНГ, стратегических сессий (по развитию гуманитарного взаимодействия и др.). Тексты (включая стенограммы), доступные на официальном сайте Правительства РФ (рубрика «Экономические и гуманитарные отношения со странами СНГ на двусторонней основе»)³⁰, позволяют сформировать довольно четкое представление о содержании взглядов Председателя Правительства РФ М.В. Мишустина и председателей Совета Министров РБ в период 2020–2024 гг. (С.Н. Румаса, Р.А. Головченко).

Сопоставляя артикуляцию главами правительств РФ и РБ определенных параметров интеграционной повестки в динамике, подчеркнем ее расширение, обогащение за счет актуализации ряда вопросов. В 2020 г. транслируемая ими повестка расходилась более заметно, чем в последующие годы.

²⁸ Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (2024) Послание Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь «О международном положении Республики Беларусь и задачах по сохранению мира и единства белорусского общества» 24 апреля 2024 г. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P024p0001> (дата обращения: 25.04.2025).

²⁹ См. Послание Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь 31 марта 2023 г. ...

³⁰ Правительство России (2025) Экономические и гуманитарные отношения со странами СНГ на двусторонней основе. Available at: <http://government.ru/rugovclassifier/22/events/> (дата обращения: 07.05.2025).

Драйвером сближения позиций выступили изменения внутренней и внешней среды, побудившие стороны к преодолению разногласий, отчетливо проявившихся до 2020 г.

Показательны, в частности, заявления по итогам двусторонних переговоров в октябре 2022 г. Так, на взгляд М.В. Мишустина, развитие интеграции в СГ даст эффективный ответ на новые вызовы, которые связаны с санкционным давлением недружественных государств; Р.А. Головченко указывал на готовность СГ противостоять любым вызовам и угрозам³¹. Внешним давлением объясняются акценты на необходимости обеспечения экономической безопасности и технологического суверенитета СГ.

Обратим внимание на конкретизацию подобных вопросов взаимной повестки представителями обеих стран-участниц СГ (глубокая кооперация в сфере авиастроения, создание единого IT-ландшафта СГ и пр.). Во многом ее характеристики определились в 2022–2023 гг. Весьма часто руководители национальных правительств говорят о необходимости полномасштабной реализации действующих союзных программ и распространении интеграции на новые отрасли, сферы и секторы посредством разработки конкретных проектов (например, сооружение по российскому дизайну Белорусской АЭС, создание центра ядерных исследований и технологий на базе российского исследовательского реактора, производственная кооперация белорусских производителей автокомпонентов с ПАО «КамАЗ» и др.).

Внимание в изученных материалах рубрики «Экономические и гуманитарные отношения со странами СНГ на двусторонней основе» официального сайта Правительства РФ преимущественно концентрируется на экономическом измерении взаимодействия РФ и РБ. Просматривается увязка с другими областями. Примечательно в этом плане содержание сюжетов в дискурсивных практиках белорусской стороны 2022 г. Отметим артикуляцию военно-промышленного сегмента, привлечения РБ к выполнению госзаказа РФ. Здесь налицо не только экономические прагматичные соображения, но и осознание реалий в сфере безопасности³². Представители РФ и РБ также чаще стали обращаться к вопросам обеспечения информационной безопасности и популяризации СГ, его преимуществ, защиты и сохранения исторической правды и памяти, общей истории СГ. Гуманитарная составляющая является одной из констант практик правительств РФ и РБ, однако не доминантой. Как правило, она заявляется, сопровождаясь привычными ссылками на общность судеб и духовные узы народов, но без детализации.

Главное общее начало – выражение заинтересованности в активизации взаимодействия РФ и РБ в разных интеграционных форматах и придание СГ весомого статуса в формирующейся многополярной международной

³¹ Правительство России (2022) Российско-белорусские переговоры. 3 октября. Available at: <http://government.ru/news/46690/> (дата обращения: 07.05.2025).

³² См. например: См. например: Правительство России (2022) Российско-белорусские переговоры. 14 марта. Available at: <http://government.ru/news/44800/> (дата обращения: 07.05.2025).

архитектуре и общем русле процесса евразийской интеграции. Очевидно сопряжение с содержанием концептуально-стратегических документов и посланий лидеров стран-участниц СГ. Констатируется, что Россия и Белоруссия выступают за углубление интеграции в Евразийском регионе³⁴. Непосредственно СГ в разные годы в рамках анализируемого периода интерпретируется в качестве локомотива интеграционных процессов на постсоветском пространстве, катализатора возникновения ЕАЭС (Р.А. Головченко, М.В. Мишустин)³⁵.

Интеграционные результаты и опыт СГ оцениваются более высоко и позитивно в сравнении с ЕАЭС и другими объединениями, как передовые и пригодные для них. Так, М.В. Мишустин характеризует СГ как центр притяжения для единомышленников, чему будет способствовать активная деятельность РФ и РБ в СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, считая возможным предлагать лучшие союзные практики соседям по ЕАЭС и СНГ³⁶. Говорится и о необходимости углубления интеграции в ЕАЭС, принятии в нем коллективных решений направленности, сходной с императивами российско-белорусского взаимодействия (по защите национальных экономик от неблагоприятной внешней конъюнктуры и пр.)³⁷.

Наряду с общими установками в дискурсе председателей правительств России и Белоруссии прослеживаются и существенные расхождения в понимании приоритетов и задач союзного строительства. Белорусская сторона артикулирует преимущественно экономикоцентричное видение интеграции, подчеркивая необходимость сосредоточиться на практических вопросах развития хозяйственного взаимодействия. Предлагается «очень тщательно разобраться... по сути вопросов, а не столько по их форме, нащупать моменты, где наши экономические интересы сопрягаются, и их объединение будет иметь позитивный синергетический эффект»³⁸.

³³ См. например: *Правительство России* (2024) Заседание Совета Министров Союзного государства. 5 ноября. Available at: <http://government.ru/news/53217/> (дата обращения: 07.05.2025); *Правительство России* (2024) Заявления Михаила Мишустина и Романа Головченко для прессы. 5 ноября. Available at: <http://government.ru/news/53218/> (дата обращения: 07.05.2025).

³⁴ *Правительство России* (2023) Встреча Михаила Мишустина с Премьер-министром Белоруссии Романом Головченко. 7 июня. Available at: <http://government.ru/news/48679/> (дата обращения: 07.05.2025).

³⁵ *Правительство России* (2024) Встреча Михаила Мишустина с Премьер-министром Республики Белоруссия Романом Головченко. 1 октября. Available at: <http://government.ru/news/52848/> (дата обращения: 07.05.2025); *Правительство России* (2021) Заседание Совета Министров Союзного государства. 10 сентября. Available at: <http://government.ru/news/43232/> (дата обращения: 07.05.2025).

³⁶ *Правительство России* (2022) Видеообращение Михаила Мишустина к участникам Форума по вопросам безопасности и сотрудничества «Рубежи Союзного государства». 4 октября. Available at: <http://government.ru/news/46694/> (дата обращения: 07.05.2025); *Правительство России* (2023) Заседание Совета Министров Союзного государства. 27 марта Available at: <http://government.ru/news/48082/> (дата обращения: 07.05.2025).

³⁷ *Правительство России* (2022) Встреча Михаила Мишустина с Премьер-министром Республики Беларусь Романом Головченко. 20 июня. Available at: <http://government.ru/news/45773/> (дата обращения: 07.05.2025).

³⁸ *Правительство России* (2021) Российско-белорусские переговоры. 26 января. Available at: <http://government.ru/news/41390/> (дата обращения: 07.05.2025); *Правительство России* (2021) Российско-белорусские переговоры. 16 апреля. Available at: <http://government.ru/news/41988/> (дата обращения: 07.05.2025).

В дискурсивных практиках российской стороны больше призывов именно к интеграции, ее углублению, укреплению, усилению, запуску новых интеграционных проектов по широкому спектру всей взаимной повестки³⁹. Вместе с тем официально обеими сторонами заявляются намерение не останавливаться на достигнутом, наращивать совместные усилия по углублению интеграционных процессов в рамках союзного строительства, продолжать работу по гармонизации интеграционных процессов в рамках многосторонних объединений, прежде всего СНГ и ЕАЭС, в том числе в целях формирования БЕП и единого экономического пространства от Атлантики до Тихого океана; настрой на дальнейшее развитие взаимовыгодной интеграции⁴⁰. Представители РБ также стали более отчетливо выражать приверженность идти путем углубленной интеграции и на ее основе строить Союзное государство⁴¹.

Для обеих сторон типичны ссылки на активные, но безуспешные внешние попытки дезорганизации союзного строительства⁴². Отмечаются уникальность интеграционной модели СГ, ее нацеленность на дальнейшее развитие стран-участниц, повышение благосостояния и уровня жизни народов; усиление практикоориентированности процесса союзного строительства в последние годы⁴³. На текущем этапе российская сторона призывает продолжить совместную работу в целях укрепления российско-белорусских отношений дружбы, стратегического партнерства и союзничества, наращивания интеграции в Союзном государстве. После смены Премьер-министра РБ в марте 2025 г. (на А.Г. Турчина) РФ подтверждает готовность к активному взаимодействию по правительственной линии, направленному на расширение торгово-экономического, инвестиционного, научно-технического и культурно-гуманитарного сотрудничества, реализацию крупных совместных проектов в энергетике, промышленности, инфраструктуре и других областях, равно и в многосторонних форматах⁴⁴.

³⁹ *Правительство России* (2021) Встреча Михаила Мишустина с Премьер-министром Республики Беларусь Романом Головченко. 18 ноября 2021. Available at: <http://government.ru/news/43836/> (дата обращения: 07.05.2025); *Правительство России* (2020) Михаил Мишустин провел переговоры с Премьер-министром Республики Беларусь Романом Головченко. 3 сентября. Available at: <http://government.ru/news/40334/> (дата обращения: 07.05.2025); *Правительство России* (2022) Российско-белорусские переговоры. 14 марта. Available at: <http://government.ru/news/44800/> (дата обращения: 07.05.2025).

⁴⁰ *Правительство России* (2024) Заявления Михаила Мишустина и Романа Головченко для прессы. 5 ноября. Available at: <http://government.ru/news/53218/> (дата обращения: 07.05.2025); *Правительство России* (2021) Совместное заявление Председателя Правительства Российской Федерации и Премьер-министра Республики Беларусь о текущем развитии и дальнейших шагах по углублению интеграционных процессов в рамках Союзного государства. 10 сентября. Available at: <http://government.ru/news/43234/> (дата обращения: 07.05.2025).

⁴¹ *Правительство России* (2023) Беседа Михаила Мишустина с Премьер-министром Белоруссии Романом Головченко. 2 февраля. Available at: <http://government.ru/news/47678/> (дата обращения: 07.05.2025).

⁴² *Правительство России* (2023) Заседание Совета Министров Союзного государства. 29 ноября. Available at: <http://government.ru/news/50248/> (дата обращения: 07.05.2025); *Правительство России* (2024) Российско-белорусские переговоры. 15 апреля. Available at: <http://government.ru/news/51350/> (дата обращения: 07.05.2025).

⁴³ *Правительство России* (2024) Заседание Совета Министров Союзного государства. 5 ноября. Available at: <http://government.ru/news/53217/> (дата обращения: 07.05.2025).

⁴⁴ *Правительство России* (2025) Михаил Мишустин поздравил Александра Турчина с назначением на должность Премьер-министра Республики Беларусь. 11 марта. Available at: <http://government.ru/news/54464/> (дата обращения: 07.05.2025).

Под несколько иным углом зрения интеграционная проблематика интерпретируется представителями парламентов РФ и РБ. Отсутствие у Парламентского Собрания (далее – ПС) Союза Беларуси и России, в составе которого находятся национальные делегации от палат Федерального Собрания РФ и Национального Собрания РБ, наднационального статуса и соответствующих полномочий накладывает двойственный отпечаток на их позиции. С одной стороны, они в меньшей степени могут повлиять на формирование и продвижение интеграционной повестки. С другой – могут считать себя более свободными от принятия жестких обязательств и прагматизма исполнительных структур, в зоне ответственности которых – имплементация интеграционных решений. Следовательно, спектр актуализируемых делегатами ПС проблем союзного строительства потенциально более широк. Однако в первую очередь они выступают представителями национальных институтов власти, опять же, в силу специфики статуса ПС.

Проиллюстрируем позиции руководителей верхних палат национальных парламентов – Совета Федерации (далее – СФ) (В.И. Матвиенко) и Совета Республики (далее – СР) (Н.И. Кочановой), часто иницилирующих значимые союзные проекты, включая гуманитарное измерение, которому, как было показано, исполнительные структуры уделяют в целом меньшее внимание. Они располагают достаточным количеством каналов взаимной коммуникации на разных уровнях, прежде всего по линии Межпарламентской комиссии СР НС РБ и СФ ФС РФ по межрегиональному сотрудничеству, ПС (сессионные заседания и пр.), ВГС, МПА СНГ, Парламентской Ассамблеи ОДКБ. Кроме того, важной общей площадкой для представителей разных ветвей власти выступает Форум регионов Белоруссии и России, а также иные форумы и форматы взаимодействия (Евразийский женский форум и пр.).

Большинство сюжетов преломляется через призму межрегионального взаимодействия, что вытекает из специфики предназначения верхних палат обоих парламентов. Внимание парламентариев объяснимо фокусируется на законодательном обеспечении реализации интеграционных решений на национальном уровне. Очевидно содержательное расширение интеграционной повестки с 2021 г. и особенно – с 2022 г. В.И. Матвиенко и Н.И. Кочанова рассуждают об ее актуализации под давлением внешних вызовов и угроз. Так, Председатель СР НС РБ образно заявляет: «Вопреки попыткам... коллективного Запада любыми способами уничтожить суверенитет и независимость наших государств, разорвать братские узы родных народов мы становимся лишь сильнее, а наш моральный союз – надежней и прочней. Мы мобилизованы сердцем на поддержку своего Отечества и нашего Союзного государства»⁴⁵. Председатель СФ ФС РФ, выражая уверенность в готовности РФ

⁴⁵ Совет Республики Национального Собрания Республики Беларусь (2023) Интервью с Председателем Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь Кочановой Н.И. для БелТА. 18 июля. Available at: <https://www.sovrep.gov.by/ru/news-ru/view/intervju-s-predsedatelem-soveta-respubliki-natsionalnogo-sobranija-respubliki-belarus-kochanovoj-ni-23592-2023/> (дата обращения: 10.05.2025).

и РБ продолжать стимулировать взаимовыгодные интеграционные процессы, подчеркивает: «Вместе мы эффективно противостояем современным вызовам и угрозам, даем достойный отпор санкционному давлению и агрессивной политике коллективного Запада»⁴⁶. Крепнущее российско-белорусское союзничество трактуется как наиболее действенная реакция на внешние угрозы⁴⁷.

Как и в правительственной повестке, в повестке, продвигаемой парламентариями, большое место занимают вопросы инновационного развития, достижения технологического суверенитета, промышленной кооперации и пр. Отличие заключается в артикуляции важности углубления экономического взаимодействия на региональном уровне. Межрегиональные связи рассматриваются как разветвленные и многослойные, затрагивающие буквально все сферы. Они трактуются как одна из основ российско-белорусской интеграции, а Форум регионов – как один из ключевых институтов СГ в углублении интеграционного строительства⁴⁸.

Артикулирована проблематика духовной безопасности СГ в контексте внешнего фактора и общих идентификационных параметров (духовное и культурное родство, искренняя дружба, взаимная поддержка и солидарность, неразрывность судеб народов России и Белоруссии)⁴⁹. Несмотря на увеличение доли экономических пунктов в союзной повестке, акцентируется укрепление культурных и духовно-нравственных связей как важнейшего звена интеграции в рамках СГ. При этом в гуманитарной повестке первостепенным признается противодействие попыткам искажения истории и реабилитации нацизма, с активным привлечением молодежи к совместной работе⁵⁰.

⁴⁶ Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (2024) Поздравление В. Матвиенко с Днем единения народов России и Беларуси. 2 апреля. Available at: <http://council.gov.ru/events/news/155087/> (дата обращения: 10.05.2025).

⁴⁷ Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (2024) В. Матвиенко и Н. Кочанова обсудили перспективы межпарламентского взаимодействия. 19 сентября. Available at: <http://council.gov.ru/events/news/160522/> (дата обращения: 10.05.2025).

⁴⁸ Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (2024) В. Матвиенко: Межрегиональное сотрудничество – каркас Союзного государства. 28 июня. Available at: <http://council.gov.ru/events/news/158215/> (дата обращения: 10.05.2025); Совет Республики Национального Собрания Республики Беларусь (2024) Выступление Председателя Совета Республики Натальи Кочановой на пленарном заседании XI Форума регионов Беларуси и России на тему «Роль межрегионального сотрудничества в построении инновационной экономики Союзного государства». 28 июня. Available at: <https://www.sovrep.gov.by/ru/news-ru/view/vystuplenie-predsedatelja-soveta-respubliki-natalji-kochanovoj-na-plenarnom-zasedanii-xi-foruma-26523-2024/> (дата обращения: 10.05.2025).

⁴⁹ Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (2021) Председатель Совета Федерации поздравила руководство Республики Беларусь и белорусский народ с Днем Независимости. 3 июля. Available at: <http://council.gov.ru/events/news/128552/> (дата обращения: 10.05.2025).

⁵⁰ Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (2022) В. Матвиенко: Эффективный ответ России и Беларуси на современные вызовы – углубление интеграции в рамках Союзного государства. 24 ноября. Available at: <http://council.gov.ru/events/news/140195/> (дата обращения: 10.05.2025); Совет Республики Национального Собрания Республики Беларусь (2023) Под руководством Председателя Совета Республики Н. Кочановой и Председателя Совета Федерации В. Матвиенко состоялось пленарное заседание X Форума регионов России и Беларуси. 28 июня. Available at: <https://www.sovrep.gov.by/ru/news-ru/view/pod-rukovodstvom-predsedatelja-soveta-respubliki-nkochanovoj-i-predsedatelja-soveta-federatsii-22855-2023/> (дата обращения: 10.05.2025).

Дается высокая оценка СГ как интеграционному формату. В частности, по словам Н.И. Кочановой, СГ выступает примером наиболее эффективно-го формата сотрудничества на пространстве СНГ и ЕАЭС; ею отмечаются достижение беспрецедентно высокого уровня политического взаимодействия, экономической и военно-технической кооперации, взаимной социальной защиты граждан, гармонизации национальных законодательств и одновременно – неисчерпанность совместного потенциала⁵¹. В.И. Матвиенко называет СГ эталонным примером интеграционного взаимодействия⁵². СГ трактуется также как уникальная система политических, экономических, деловых и гуманитарных отношений и амбициозный с геополитической точки зрения проект⁵³. Как и в правительственных практиках, подчеркиваются ориентированность союзного строительства на обеспечение блага граждан и возможности распространения союзного опыта в других интеграционных объединениях региона.

Сопоставляя позиции глав верхних палат национальных парламентов РФ и РБ, укажем, что для белорусской стороны типична детализация пунктов союзной повестки в последние годы. Есть расхождения по предложениям в социально-экономической области. В позиции белорусской стороны так же, как и в правительственных практиках, продолжает присутствовать акцент на необходимости устранения взаимных барьеров. Ею ставятся вопросы о Стратегии развития интеграции с участием регионов, внедрении проектной деятельности на этом уровне с финансированием из союзного бюджета. Однако приоритеты стран во многом совпадают, особенно в культурно-гуманитарной сфере.

Заключение

Интеграционная повестка, формируемая национальными институтами РФ и РБ на современном этапе, обретает все большую насыщенность и масштабность. Это касается как внутренних содержательных пунктов, актуализируемых обеими сторонами вопросов, так и ориентиров на внешнем контуре союзного строительства. Интеграционная повестка обогащается концептами, демонстрирующими сопряжение различных процессов и связей в русле

⁵¹ Совет Республики Национального Собрания Республики Беларусь (2022) Выступление Председателя Совета Республики Кочановой Н.И. на открытии сессии Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь седьмого созыва. 20 сентября. Available at: <https://www.sovrep.gov.by/ru/news-ru/view/vystuplenie-predsedatelja-soveta-respubliki-kochanovoj-ni-na-otkrytii-sessii-soveta-respubliki-natsionalnogo-20737-2022/> (дата обращения: 10.05.2025).

⁵² Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (2023) В. Матвиенко: Союзное государство – эталонный пример интеграционного взаимодействия, направленного на улучшение благосостояния граждан. 16 мая. Available at: <http://council.gov.ru/events/news/144932/> (дата обращения: 10.05.2025).

⁵³ Совет Республики Национального Собрания Республики Беларусь (2023) Под руководством Председателя Совета Республики Н. Кочановой и Председателя Совета Федерации В. Матвиенко состоялось пленарное заседание X Форума регионов России и Беларуси. 28 июня. Available at: <https://www.sovrep.gov.by/ru/news-ru/view/pod-rukovodstvom-predsedatelja-soveta-respubliki-nkochanovoj-i-predsedatelja-soveta-federatsii-22855-2023/> (дата обращения: 10.05.2025).

общей идеи их гармонизации, а также осознание необходимости дальнейшего продвижения интеграции в рамках именно Союзного государства. При этом СГ воспринимается обеими сторонами в лице представителей разных ветвей власти в качестве модельной, передовой площадки для других интеграционных объединений региона.

В начале 2020-х гг. странам-участницам СГ удалось найти общую основу для нового старта и реанимации положений Договора 1999 г. В изученных дискурсивных практиках фокусной точкой выступает необходимость реализации союзных программ, имплементации принятых интеграционных решений (акцентированы Декреты ВГС от 4 ноября 2021 г. и от 29 января 2024 г.). В целом концепт интеграции артикулирован и в новейших официальных документах РФ и РБ, и в дискурсивных практиках представителей национальных органов власти.

Общая направленность динамики в плане насыщения интеграционной повестки концептуальными, программными, деятельностными компонентами положительная. Прослеживаются одновременно и прагматизация интеграционного взаимодействия с уклоном в экономическую плоскость, и усиление аксиологического начала с апелляцией к общим ценностям. Гуманитарное измерение интеграции становится все более востребованным, хотя в большей степени это ощущается не в официальных документах, а в дискурсивных практиках.

И прагматичные (материальные), и аксиологические интеграционные устремления подпитываются в значительной мере внешними факторами, ссылки на которые типичны для обеих сторон. Интеграционное целеполагание обретает в исследованных документах и практиках большую целостность, системность. Усиливается привязка к изначальному замыслу, заложенному в учредительном Договоре. Это проявляется в аргументации российской и белорусской сторон необходимости укрепления и углубления интеграции, а также в активизации обсуждения и внедрения механизмов реализации его положений. Однако на практике интеграция подпитывается в большей мере в экономической области и отчасти – культурно-гуманитарной, но не политической.

Предлагаемые РФ и РБ формулы интеграции по-прежнему предполагают артикуляцию суверенитета и оставляют без надлежащего решения вопрос о том, как можно на этой базе осуществлять собственно интеграцию и внедрять наднациональное управление. Четко не сформулированы интеграционные позитивные цели, что обусловлено сохраняющейся аморфностью стратегии и идеологии интеграции в разных форматах региона. По сути, обозначены лишь контуры концепции «симметричной интеграции»; симметрия в ней больше мыслится как равенство РФ и РБ как суверенных интеграционных партнеров, но не как сбалансированное развитие интеграции во всех сферах.

Однако интеграционные предпочтения РФ и РБ сейчас сходятся в гораздо большей степени, нежели в предшествующий период. Как отмечалось, в фокусе их внимания пребывает Союзное государство, участники которого

выражают стремление передавать позитивный интеграционный опыт другим «дружественным» объединениям и поддерживать общие проекты с внешними конструктивно настроенными партнерами. Одна из наиболее заметных совершившихся черт эволюции – переориентация на восточный трек.

Общими для стран-участниц СГ являются темы безопасности, суверенитета, противодействия внешним вызовам и угрозам. Причем трактуются они достаточно широко, включая социально-экономические, военно-политические, культурно-гуманитарные аспекты. Все более сближаются позиции по вопросам молодежной повестки, формирования научно-образовательного пространства, защиты и сохранения исторической памяти. Усиливается взаимное внимание к регионам, приграничью. Соответственно, выдвигаются и новые инициативы, в том числе с выходом на интеграционное нормативное поле. Уменьшается артикуляция внутреннего конфликтного потенциала, напротив, преобладают призывы к большей консолидации. Общая тенденция к сближению позиций по комплексу вопросов интеграционной повестки внушает определенный оптимизм. Вместе с тем требуется более тщательно и взвешенно обеспечить синхронизацию интеграционных и национальных решений.

В сближении подходов стран-участниц СГ к формированию и продвижению интеграционной повестки особое значение имеет диалог, поддерживаемый по линии союзных институций, сохраняющих во многом межправительственный характер. Благодаря ему нередко удается находить новые решения сложных вопросов и новые точки соприкосновения. Это справедливо в первую очередь для коммуникаций с участием лиц, принимающих решения. Но для обеспечения эффективной легитимации интеграционных целей и задач, расширения общественной поддержки процесса союзного строительства важно также развитие коммуникаций с вовлечением неправительственных институтов. Дальнейшее исследование в данной плоскости представляется возможным посредством обращения к разноуровневым интеграционным коммуникативным практикам. В том числе особое значение в качестве каналов ретрансляции и обогащения интеграционной повестки имеют заседания ВГС СГ, Высшего Евразийского экономического совета, Совета коллективной безопасности ОДКБ, Совета глав государств СНГ. Углубленный анализ соответствующих материалов целесообразен в отдельной статье.

Список литературы:

1. Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. (2024) Постсоветская Евразия и глобальный институциональный кризис. *Россия и современный мир* (3): 42–58. DOI: 10.31249/rsm/2024.03.03.
2. Байков А.А. (2017) Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право* 10(4): 38–53. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-38-53.
3. Басов Ф.А. (2019) Развитие отношений Евросоюза и Белоруссии. *Мировая экономика и международные отношения* 63(9): 69–75. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-69-75.

4. Бахлов И.В., Бахлова О.В. (2025) Идея патриотизма в повестке Союзного государства: позиции политического и экспертного сообщества. *Мировая экономика и международные отношения* 69(3): 86–98. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-3-86-98.
5. Бахлова О.В. (2022) Динамика интеграционной повестки в Содружестве Независимых Государств. *Социальные новации и социальные науки* (2): 9–21. DOI: 10.31249/snsn/2022.02.01.
6. Бахлова О.В., Уляшкина Е.Г. (2021) Союзное государство в современном политическом дискурсе России. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология* 21(4): 435–441. DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-4-435-441.
7. Белашенко Д.А., Толкачев В.В., Шоджонов И.Ф. (2020) Евразийский экономический союз: перспективы и проблемы интеграции на постсоветском пространстве. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения* 20(3): 543–559. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-543-559.
8. Вагапов Д.Р. (2024) Интеграционная повестка в деятельности органов Союзного государства Беларуси и России. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки* 9(3): 317–325. DOI: 10.21603/2500-3372-2024-9-3-317-325.
9. Вардомский Л.Б. (2024) Союзное государство Беларусь – Россия за четверть века: от столкновения интересов к новой модели сотрудничества. *Мир перемен* (4): 75–90.
10. Ватыль В.Н. (2025) Союзное государство как модель углубленной евразийской интеграции: функциональные характеристики. *Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология* 17(1): 157–162.
11. Воробьев П.С. (2019) Российское и европейское направления во внешней политике Республики Беларусь. *Современная Европа* (4): 185–196. DOI: 10.15211/soveurope42019185195.
12. Гаман-Голутвина О.В. (2024) Сохранится ли Старый Свет в новом мире? *Сравнительная политика* 15(2): 4–10.
13. Гарбузарова Е.Г. (2020) Государственный суверенитет в контексте евразийской интеграции. *Сравнительная политика* 11(2): 28–35. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10016.
14. Дынкин А.А., Телегина Е.А., Халова Г.О. (2018) Роль Евразийского экономического союза в формировании Большой Евразии. *Мировая экономика и международные отношения* 62(4): 5–24. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-4-5-24.
15. Евстафьев Д.Г. (2020) Новая Евразия как глобальное конкурентное пространство: перспективы и возможности сохранения интегрированности. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»* (2): 62–76. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-62-76.
16. Жильцов С.С. (2024) Политика России на евразийском пространстве в условиях конфронтации с Западом. *Проблемы постсоветского пространства* 11(4): 270–283. DOI: 10.24975/2313-8920-2024-11-4-270-283.
17. Колосов В.А., Зотова М.В., Попов Ф.А. et al. (2018) Постсоветское пограничье России между Востоком и Западом (анализ политического дискурса). Часть II. Глядя на Восток. *Полис. Политические исследования* (5): 57–69. DOI: 10.17976/jpps/2018.05.06.
18. Косов А.П., Юрчак Д.В. (2021) Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова. 387 с.
19. Лапенко М.В., Сердюков И.А. (2024) Евразийская интеграция в российской политической повестке: количественный анализ веб-сайтов политических партий. *Постсоветские исследования* 7(1): 50–60.
20. Малышев Д. (2024) Союзное государство после двадцатилетнего юбилея. *Мировая экономика и международные отношения*. 68(5): 106–116. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-5-106-116.
21. Овчаренко Д.В. (2023) Перспективы развития ЕАЭС в условиях противостояния России и Запада. *Проблемы постсоветского пространства* 10(4): 356–364. DOI: 10.24975/2313-8920-2023-10-4-356-364.

22. Пантин В.И. (2022) Идеологические основы евразийской экономической интеграции. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения* 22(1): 17–29. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-17-29.
23. Смирнов В.А., Сутырин В.В. (2024) Евразийский интеграционный проект России: Перспективы симметричной модели развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 68(12): 122–134. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-12-122-134.
24. Тихомиров А.В. (2022) Евразийский компонент во внешней политике Республики Беларусь в 1991–2021 гг. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения* 22(1): 77–93. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-77-93.
25. Харитоновна Н.И. (2023) Актуальная повестка для ЕАЭС. *Постсоветские исследования*. 8(6): 880–889.
26. Шмелев Б.А. (2024) Союзное государство России и Белоруссии: миф или реальность? *Мир перемен* (1): 53–67. DOI: 10.51905/2073-3038_2024_1_53.
27. Cobb R. (1971) The Politics of Agenda-Building: An Alternative Perspective for Modern Democratic Theory. *The Journal of Politics* 33(4): 892–915. DOI: 10.2307/2128415.
28. Götz E. (2024) Takeover by Stealth: The Curious Case of Russia's Belarus Policy. *Problems of Post-Communism* 71(3): 206–218. DOI: 10.1080/10758216.2023.2224570.
29. Hoffmann S. *The European Sisyphus: Essays on Europe, 1964–1994*. New York, Routledge. 326 p.
30. Hooghe L., Marks G. (2019) Grand theories of European Integration in the Twenty-first Century. *Journal of European Public Policy* 26(8): 1113–1133. DOI: 10.1080/13501763.2019.1569711.
31. Krickovic A. (2014) Imperial nostalgia or prudent geopolitics? Russia's efforts to reintegrate the post-Soviet space in geopolitical perspective. *Post-Soviet Affairs* 30(6): 503–528. DOI: 10.1080/1060586X.2014.900975.
32. Moravcsik A. (1997) Taking preferences seriously: A liberal theory of international politics. *International Organization*. 51(4): 513–553. DOI: <https://doi.org/10.1162/002081897550447>.
33. Pierson-Lyzhina E. (2021) Actors of Belarusian “Multivector” Foreign Policy towards the EU in the 2010s. *The Journal of Belarusian Studies* 11(1): 1–31. DOI: 10.30965/20526512-12350007.
34. Schmidt V. (2008) Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse. *Annual Review of Political Science* 11(1): 303–326. DOI: 10.1146/annurev.polisci.11.060606.135342.
35. Sinclair B. (2006) *Party Wars: Polarization and the Politics of National Policy Making*. Norman, University of Oklahoma Press. 424 p.
36. Vieira A. (2017) A Tale of Two Unions: Russia–Belarus Integration Experience and its Lessons for the Eurasian Economic Union. *Journal of Borderlands Studies* 32(1): 41–53. DOI: 10.1080/08865655.2016.1211959.

Comparative Politics. Volume 16, No. 3, July–September / 2025
DOI 10.46272/2221-3279-2025-3-16-4

INTEGRATION AGENDA IN THE OFFICIAL DISCOURSE OF THE MEMBER STATES OF UNION STATE

Dr. Igor V. BAKHLOV – Professor, Head, Department of General History, Political Science and Area Studies, National Research Ogarev Mordovia State University.
ORCID: 0000-0001-6886-5762. E-mail: bahlov@mail.ru
68/1 Bolchevistskaja Str., Saransk, Russia, 430005.

Dr. Olga V. BAKHLOVA – Professor, Department of General History, Political Science and Area Studies, National Research Ogarev Mordovia State University.

ORCID: 0000-0002-3849-8321. E-mail: olga.bahlova@mail.ru
68/1 Bolchevistskaja Str., Saransk, Russia, 430005.

Received May 15, 2025

Accepted October 11, 2025

Abstract: Amidst a transforming global agenda and a redistribution of influence, the substantive emphasis of international partnerships and their institutional logic are shifting. These processes, often with contradictory consequences, affect many influential associations, including the EU and NATO. Non-Western structures and platforms are gaining additional opportunities. Russia and its closest ally, Belarus, facing intense external pressure, are attempting to build their potential not only for effective resistance but also for constructive internal development. They see significant opportunities in the integration arena. This article tests the hypothesis of a convergence of thematic priorities and conceptual frameworks of the integration agenda shaped by the national authorities of the two countries. The empirical base includes a set of official conceptual and strategic documents, as well as public statements by government officials. Methodologically, the study combines formalized content analysis, which allowed for the identification of frequency and thematic patterns, with a qualitative analysis of documents. A comprehensive examination of these sources allowed us to identify similarities and differences in the approaches of the two countries. A convergence of positions and discursive practices across a broad thematic spectrum is demonstrated, with articulation of economic issues. Russia and Belarus currently demonstrate a similar vision of the Union State as a unique and simultaneously model integration format for other regional associations. Integration within this framework is linked to broader spatial processes within Greater Eurasia. Overall, the approaches of Russia and Belarus are characterized by a pragmatism of integration interaction.

Keywords: Eurasian integration, Eurasian Economic Union, integration agenda, Collective Security Treaty Organization, union agenda, Russian-Belarusian integration, Commonwealth of Independent States, Union State, union construction

References:

1. Avatkov V.A., Evstafyev D.G. (2024) Postsovetskaja Evrazija i global'nyj institucional'nyj krizis [Post-Soviet Eurasia and global institutional crisis]. *Rossija i sovremennyj mir [Russia and the Contemporary World]* (3): 42–58. DOI: 10.31249/rsm/2024.03.03. (In Russian).
2. Bakhlov I.V., Bakhlova O.V. (2025) Ideja patriotizma v povestke Sojuznogo gosudarstva: pozicii politicheskogo i jekspertnogo soobshhestva [The idea of patriotism in the Union State agenda: positions of political and expert community]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija [World Economy and International Relations]* 69(3): 86–98. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-3-86-98. (In Russian).
3. Bakhlova O.V. (2022) Dinamika integracionnoj povestki v Sodruzhestve Nezavisimyh Gosudarstv [Dynamics of the integration agenda in the Commonwealth of Independent States]. *Social'nye novacii i social'nye nauki [Social Novelty and Social Sciences]* (2): 9–21. DOI: 10.31249/sn/2022.02.01. (In Russian).
4. Bakhlova O.V., Uliashkina E.G. (2021) Sojuznoe gosudarstvo v sovremennom politicheskom diskurse Rossii [The Union State in the modern political discourse of Russia]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Sociologija. Politologija [Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology]* 21(4): 435–441. DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-4-435-441. (In Russian).

5. Basov F.A. (2019) Razvitiye otnoshenij Evrosojuzha i Belorussii [Development of the European Union – Belarus relations]. *Mirovaya jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations] 63(9): 69–75. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-69-75. (In Russian).
6. Baykov A.A. (2017) Jekonomicheskaja integracija kak miropoliticheskoe javlenie. Oчерk teorii i metodologii sravnitel'noj ocenki [Economic Regionalism as a Planetary Phenomenon. Theory and Methodology of Comparison]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo* [Outlines of global transformations: politics, economics, law] 10(4): 38–53. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-38-53. (In Russian).
7. Belashchenko D.A., Tolkachev V.V., Shodzhonov I.F. (2020) Evrazijskij jekonomicheskij sojuz: perspektivy i problemy integracii na postsovet'skom prostranstve [Eurasian Economic Union: Prospects and Problems of Integration in the Post-Soviet Space]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija* [Vestnik RUDN. International Relations] 20(3): 543–559. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-543-559. (In Russian).
8. Dynkin A.A., Telegina E.A., Khalova G.O. (2018) Rol' Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuzha v formirovanii Bol'shoj Evrazii [The role of the Eurasian Economic Union in the formation of Great Eurasia] *Mirovaya jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations] 62(4): 5–24. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-4-5-24. (In Russian).
9. Evstafiev D.G. (2020) Novaja Evrazija kak global'noe konkurentnoe prostranstvo: perspektivy i vozmozhnosti sohraneniya integrirovannosti [New Eurasia as a global environment for competition: the perspectives and the potential for preserving the integration] *Vestnik RGGU. Serija «Politologija. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija» [RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series]*(2): 62–76. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-62-76. (In Russian).
10. Gaman-Goluvina O.V. (2024) Sohranitsja li Staryj Svet v novom mire? [Will the Old World be preserved in the new world?]. *Sravnitel'naja politika* [Comparative Politics Russia]15(2): 4–10. (In Russian).
11. Garbuzarova E.G. (2020) Gosudarstvennyj suverenitet v kontekste evrazijskoj integracii [State sovereignty in the context of Eurasian integration]. *Sravnitel'naja politika* [Comparative Politics Russia] 11(2): 28–35. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10016. (In Russian).
12. Cobb R. (1971) The Politics of Agenda-Building: An Alternative Perspective for Modern Democratic Theory. *The Journal of Politics* 33(4): 892–915. DOI: 10.2307/2128415.
13. Götz E. (2024) Takeover by Stealth: The Curious Case of Russia's Belarus Policy. *Problems of Post-Communism* 71(3): 206–218. DOI: 10.1080/10758216.2023.2224570.
14. Hoffmann S. *The European Sisyphus: Essays on Europe, 1964–1994*. New York, Routledge. 326 p.
15. Hooghe L., Marks G. (2019) Grand theories of European Integration in the Twenty-first Century. *Journal of European Public Policy* 26(8): 1113–1133. DOI: 10.1080/13501763.2019.1569711.
16. Kharitonova N.I. (2023) Aktual'naja povestka dlja EAJeS [Current agenda for the EAEU] *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet Studies]8(6): 880–889. (In Russian).
17. Kolosov V.A., Zotova M.V., Popov F.A. et al. (2018) Postsovetskoe pogranich'e Rossii mezhdu Vostokom i Zapadom (analiz politicheskogo diskursa). Chast' II. Gljadja na Vostok [Russia's post-Soviet Borderzone in between East and West (analysis of political discourse). Part II: Looking East. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [Polis. Political Studies] (5): 57–69. DOI: 10.17976/jpps/2018.05.06. (In Russian).
18. Kosov A.P., Yurchak D.V. (2021) *Respublika Belarus' v integratsionnykh protsessakh na postsovet'skom prostranstve* [The Republic of Belarus in the Integration Processes in the PostSoviet Space]. Vitebsk: VSU named after P.M. Masherov. 387 p. (In Russian).

19. Krickovic A. (2014) Imperial nostalgia or prudent geopolitics? Russia's efforts to reintegrate the post-Soviet space in geopolitical perspective. *Post-Soviet Affairs* 30(6): 503–528. DOI: 10.1080/1060586X.2014.900975.
20. Lapenko M.V., Serdyukov I.A. (2024) Evrazijskaja integracija v rossijskoj politicheskoj povestke: kolichestvennyj analiz veb-sajtov politicheskikh partij [Russian political agenda on Eurasian integration: quantitative analysis of the political parties' websites]. *Postsovetskie issledovaniya [Post-Soviet Studies]* 7(1): 50–60. (In Russian).
21. Malyshev D. (2024) Sojuznoe gosudarstvo posle dvadcatiletneho jubileja [The Union State after the 20th Anniversary] *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija [World Economy and International Relations]* 68(5): 106–116. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-5-106-116. (In Russian).
22. Moravcsik A. (1997) Taking preferences seriously: A liberal theory of international politics. *International Organization*. 51(4): 513–553. DOI: <https://doi.org/10.1162/00208189755044723>.
23. Ovcharenko D.V. (2023) Perspektivy razvitija EAJeS v uslovijah protivostojanija Rossii i Zapada [Prospects for the development of the EAEU amid a confrontation between Russia and the West]. *Problemy postsovetskogo prostranstva [Post-Soviet Issues]* 10(4): 356–364. DOI: 10.24975/2313-8920-2023-10-4-356-364. (In Russian).
24. Pantin V.I. (2022) Ideologicheskie osnovy evrazijskoj jekonomicheskoj integracii [The ideological foundations of Eurasian economic integration]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija [Vestnik RUDN. International Relations]* 22(1): 17–29. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-17-29. (In Russian).
25. Pierson-Lyzhina E. (2021) Actors of Belarusian “Multivector” Foreign Policy towards the EU in the 2010s. *The Journal of Belarusian Studies* 11(1): 1–31. DOI: 10.30965/20526512-12350007.
26. Schmidt V. (2008) Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse. *Annual Review of Political Science* 11(1): 303–326. DOI: 10.1146/annurev.polisci.11.060606.135342.
27. Shmelev B.A. (2024) Sojuznoe gosudarstvo Rossii i Belorussii: mif ili real'nost'? [The Union State of Russia and Belarus: myth or reality?] *Mir peremen [The World of Transformations]* (1): 53–67. DOI: 10.51905/2073-3038_2024_1_53. (In Russian).
28. Sinclair B. (2006) *Party Wars: Polarization and the Politics of National Policy Making*. Norman, University of Oklahoma Press. 424 p.
29. Smirnov V.A., Sutyryn V.V. (2024) Evrazijskij integracionnyj proekt Rossii: Perspektivy simmetrichnoj modeli razvitija [The Russian Project of Eurasian Integration: towards the symmetric development model] *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija [World Economy and International Relations]* 68(12): 122–134. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-12-122-134. (In Russian).
30. Tsikhamirau A.V. (2022) Evrazijskij komponent vo vneshnej politike Respubliki Belarus' v 1991–2021 gg. [The Eurasian component in the foreign policy of the Republic of Belarus, 1991–2021]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija [Vestnik RUDN. International Relations]* 22(1): 77–93. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-77-93. (In Russian).
31. Vagapov D.R. (2024) Integracionnaja povestka v dejatel'nosti organov Sojuznogo gosudarstva Belarusi i Rossii [Integration Agenda in Government Work of the Union State of Belarus and Russia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences]* 9(3): 317–325. DOI: 10.21603/2500-3372-2024-9-3-317-325. (In Russian).
32. Vardomsky L.B. (2024) Sojuznoe gosudarstvo Belarus' – Rossija za chetvert' veka: ot stolknovenija interesov k novoj modeli sotrudnichestva [The Belarus–Russia Union State in a quarter of a century: from a clash of interests to a new model of cooperation] *Mir peremen [The World of Transformations]* (4): 75–90. (In Russian).

33. Vatył V. (2025) Sojuznoe gosudarstvo kak model' uglublennoj evrazijskoj integracii: funkcional'nye karakteristiki [The Union State as a model of Eurasian deep integration: the main institutions of activity] *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Janki Kupaly. Serija 1. Istorija i arheologija. Filosofija. Politologija* [*Vestnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology, Philosophy, Political Science*] 17(1): 157–162. (In Russian).
34. Vieira A. (2017) A Tale of Two Unions: Russia–Belarus Integration Experience and its Lessons for the Eurasian Economic Union. *Journal of Borderlands Studies* 32(1): 41–53. DOI: 10.1080/08865655.2016.1211959.
35. Vorobyev P. (2019) Rossijskoe i evropejskoe napravlenija vo vneshnej politike Respubliki Belarus' [The Republic of Belarus in the Common Neighborhood of the Russian Federation and the European Union] *Sovremennaja Evropa* [*Contemporary Europe*] (4): 185–196. DOI: 10.15211/soveurope42019185195. (In Russian).
36. Zhiltsov S.S. (2024) Politika Rossii na evrazijskom prostranstve v uslovijah konfrontacii s Zapadom [Russia's policy in the Eurasian area amid confrontation with the West. *Problemy postsovetskogo prostranstva* [*Post-Soviet Issues*] 11(4): 270–283. DOI: 10.24975/2313-8920-2024-11-4-270-283. (In Russian).

ФАКТОРЫ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КРЫМУ И НА ДОНБАССЕ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ И СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Андрей БАРАНОВ
Кубанский государственный университет

Аннотация: Исследование имеет целью выявить сходства и различия факторов укрепления российской национальной идентичности в Крыму и на Донбассе (2014–2024 гг.) в контексте политики памяти и символической политики. Исследовательский вопрос состоит в том, какова совокупность факторов укрепления российской идентичности в новых субъектах федерации и почему проявляются различия в распространенности российского самосознания в сравниваемых регионах. Методологической основой исследования выбран социальный конструктивизм. Применяются системный, сравнительно-функциональный и кросс-региональный сравнительный методы анализа. Проведено кросс-временное сравнение результатов анкетных опросов и переписей населения. Выявлены такие факторы укрепления российской идентичности в Крыму и на Донбассе, как историческая память региональных сообществ, изменения этнического и языкового состава населения, урбанизация, состав и практики деятельности субъектов политики идентичности. На основе результатов анкетных опросов и переписей населения установлено, что в наибольшей степени склонны признавать российскую национальную идентичность в качестве первоочередной лица среднего и пожилого возраста, этнические русские, мужчины, жители крупных городов, имеющие высшее образование. Полиэтничность и поликонфессиональность сообществ Крыма и Донбасса определяют неравномерность укрепления российской идентичности; данный процесс зависит также от продолжительности проведения политики, направленной на реинтеграцию с Россией. Поэтому российская идентичность в Крыму, особенно – в промышленных городах (г. Севастополе, Керчи) более консолидированна, чем в недавно освобожденных районах Донбасса, например, в г. Мариуполе. Выявлен состав субъектов политики идентичности в новых субъектах федерации, к которым относятся федеральные и региональные органы государственной власти, органы местного самоуправления, политические партии, образовательные учреждения и музеи, национально-культурные и религиозные организации. На основании сравнения результатов социологических опросов, при всей их фрагментарности, можно предположить,

Андрей Владимирович Баранов – доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет.
ORCID 0000-0001-7109-3062. E-mail: baranovandrew@mail.ru
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149.

Поступила в редакцию: 04.08.2024

Принята к публикации: 22.10.2025

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность: исследование выполнено в рамках исследовательского проекта «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук) в рамках государственного задания FZEN-2024-0013.

что в условиях специальной военной операции отмечено укрепление российской идентичности в Крыму и на Донбассе. Это объясняется актуализацией исторических традиций, адаптацией общества к военным условиям, консолидацией российского общества перед лицом геополитической угрозы.

Ключевые слова: российская идентичность, политика идентичности, факторы укрепления идентичности, направленность политики идентичности, политика памяти, символическая политика, Крым, Донбасс

Интеграция новых субъектов федерации – длительный и сложный процесс, в котором значительную роль играет принятие жителями регионов ценностей и ориентаций, свойственных российскому самосознанию. Актуально выявление факторов упрочения российской идентичности, причин неравномерности процесса в различных территориальных сообществах, возрастных и этнических группах; определение степени влияния российской политики памяти и символической политики. Тема исследована неравномерно, что побудило нас ограничить пространственные рамки анализа Крымом и Донбассом (о процессах в Запорожской и Херсонской областях информации недостаточно). Цель настоящего исследования заключается в выявлении факторов укрепления российской национальной идентичности в Крыму и на Донбассе (2014–2024 гг.) в контексте политики памяти и символической политики.

Методологические аспекты исследования укрепления российской идентичности в новых субъектах федерации

Методологической основой исследования выбран социальный конструктивизм. За основу взято определение национальной идентичности И.С. Семеновко в качестве коллективной идентичности национально-государственного (или претендующего на такой статус) сообщества, самосознания граждан как членов такого сообщества, основанного на чувстве принадлежности к нации, усвоении значимых для страны культурных установок и ориентаций, символов, традиций, преемственности исторической памяти (Семеновко, 2017: 358, 405).

Такая идентичность основана на осознанной интериоризации людьми и социальными группами ценностей и практик позитивных взаимодействий, солидарности граждан государства (см. работы И.С. Семеновко: Семеновко, 2017: 102–113, 647–654; Семеновко, 2018: 5–24; Семеновко, 2023: 18–26). Продуктивны трактовки гражданской идентичности в работах О.В. Гаман-Голутвиной (Гаман-Голутвина, 2024: 177–191), Д. Харта, К. Ричардсона и Б. Вилкенфелда (Hart, Richardson & Wilkenfeld, 2011), Д. Маккроуна и Ф. Беххофера (McCrone & Bechhofer, 2015).

Национальная идентичность включает в себя устойчивую совокупность образов прошлого, настоящего и будущего. Она основана на разделяемом большинством граждан положительном отношении к истории государства, его символам гордости и социальным институтам. Идентичность проявляется в солидарности граждан, их осознанном ответственном поведении (Мчедлова, Саркисян, 2021: 648–658). Идентичность – итог не столько стихийных индивидуальных практик социализации, сколько целенаправленной политики, проводимой органами государственной власти и местного самоуправления, политическими партиями и общественными организациями, СМИ, образовательными учреждениями и музеями.

Политика идентичности трактуется как система целей, принципов, направлений деятельности и непосредственных шагов субъектов политики по формированию и укреплению определенного самосознания граждан (Laclau, 1994; Castells, 2009; Ачкасов, 2013: 71–77). Ключевыми направлениями политики идентичности, как полагает ряд российских исследователей, являются символическая политика, политика в сфере образования и культуры, политика языка и политика памяти (Семененко, 2017: 102–113; Семененко et al., 2017: 58; Дробижина et al., 2021: 37–48; Попова, 2019: 74–91). Важна концепция «символической власти» П. Бурдьё, понимаемой как власть «учреждать данность через высказывание, власть заставляя видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и, тем самым, воздействие на мир» (Bourdieu, 1989). Субъекты политики способны изменять и формировать картину мира общества и его социальных групп, влиять на способы организации общества, определять символы гордости и нарративы восприятия политической реальности. В результате осуществляется конструирование (целенаправленное формирование) идентичности.

В «сложных обществах» (Лапкин, 2023: 36–44) конструирование идентичности происходит в условиях повышенной конкуренции. Взаимодействия национально-государственной идентичности с этническими, конфессиональными, языковыми, территориальными и иными идентичностями зачастую конфликтны (Blackburn, 2021), они порождают разнонаправленные тенденции идентификации. Крым и Донбасс являются приграничными сообществами, в которых проявляется взаимная интеграция этнических и конфессиональных традиций вследствие длительного совместного участия в развитии Российского государства. Историческая память этих сообществ – «перекрестная», она принадлежит в равной мере различным народам. В Крыму и на Донбассе проявляются также сложносоставные и гибридные идентичности, определение которым дали Е.В. Морозова и И.В. Кудряшова (См.: Семененко, 2017: 325–333; 365–368). Информационная война, проводимая государствами Запада и Украиной, с особой силой влияет на Крым и Донбасс, затрудняя процесс укрепления российской национальной идентичности.

В статье применяются системный, структурно-функциональный и кросс-региональный сравнительный методы анализа. Проведено

кросс-темпоральное сравнение результатов анкетирования и экспертных интервью, фокус-групп, переписей населения 2001, 2014 и 2021 гг.

Эмпирическая основа исследования охватывает нормативно-правовые акты Российской Федерации и ее субъектов, результаты переписей населения и социологических исследований. Используются данные анкетного опроса, экспертных интервью и фокус-групп, проведенных коллективом политологов Кубанского государственного университета под руководством автора в августе – октябре 2024 г. в ДНР и ЛНР, Республике Крым и г. Севастополе. Анкетный опрос проведен посредством заполнения онлайн-анкеты, выборка составила 225 студентов Мариупольского государственного университета имени А.И. Куинджи, Луганского государственного университета имени В.И. Даля и Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (63 чел. в г. Симферополе, 88 – в г. Мариуполе и 74 – в г. Луганске). Анкета опроса включала в себя вопросы о том, с какой страной идентифицируют себя респонденты, каковы преобладающие символы гордости и образ будущего государства. Кроме того, было проведено шесть серий фокус-групп с участием 230 студентов данных университетов. Сценарий ведения беседы предполагал выяснение мотивов поддержки российской идентичности и форм ее аргументации. Экспертные интервью длительностью от 60 до 80 минут были проведены с 35 преподавателями данных высших учебных заведений, а также Севастопольского государственного университета и Донецкого государственного университета. Все преподаватели – постоянные жители ДНР и ЛНР, граждане Российской Федерации. Их возраст – от 31 до 68 лет; 60% экспертов – женщины, 40% – мужчины. Все они проживают в городах с населением более 200 тыс. чел., преподают гуманитарные и социальные дисциплины. Сценарий ведения беседы предполагал выявление оценок украинской и российской политик идентичности, их акторов и методик, степени их эффективности.

Степень изученности темы неравномерна по направлениям. К настоящему времени исследованы трансформации идентичностей крымчан и жителей Донбасса в аспекте межэтнических отношений. Среди исследований на материалах Крыма следует отметить труды Д.В. Сосновского (Сосновский, 2013: 164–173), Е.В. Князевой (Князева, 2013: 267–284), Е.В. Бродовской, А.Ю. Домбровской и Д.Н. Карзубова (Бродовская, Домбровская, Карзубов, 2017: 51–61), О.В. Кульбачевской (Кульбачевская, 2019), Е.А. Коджа (Коджа, 2022) и М.И. Цуприк (Цуприк, 2023: 26–29). Т.А. Сенюшкина исследует формирование национальной идентичности крымчан в ракурсах коллективной памяти, межэтнических и межконфессиональных отношений (Национальная идентичность..., 2022). Т.В. Евгеньева проанализировала роль символического пространства в формировании российской идентичности крымчан (Евгеньева, 2023: 109–114). Коллектив под руководством С.В. Юрченко раскрывает динамику восприятия военных угроз, влияние языкового фактора на выбор идентичности (Юрченко et al., 2024: 127–145, 239–263).

В меньшей степени исследован процесс укрепления российской идентичности на Донбассе. Исходное «соотношение сил» между украинской и российской национальными, донецкой региональной идентичностями к 2014 г., трансформации идентичностей в военных условиях освещают И.Ю. Татаринов (Татаринов, 2020), К.В. Черкашин, В.И. Теркулов, Т.Ю. Тамерьян (Черкашин, Теркулов, Тамерьян, 2023: 113–128). Они приводят материалы анкетных опросов, проведенных в ДНР и ЛНР. А.А. Токарев исследовал основания идентичности республик Донбасса в 2014–2015 гг., считая, что этнические и языковые факторы легитимации государств де-факто были выражены слабо (Токарев, 2016: 30–48). Исторические предпосылки конфликта идентичностей оценивает Е.В. Рябинин (Рябинин, 2025). Работы Л.Б. Внуковой, Т.Ю. Власкиной, а также Р.А. Пупыкина, С.П. Поцелуева, М.С. Константинова и соавторов построены на основе результатов фокус-групп и экспертных интервью (Внукова, Власкина, 2021: 73–86; Пупыкин et al., 2022: 247–333). В наибольшей мере исследована самоидентификация учащейся молодежи (Бродовская, Домбровская, 2023: 88–102; Самаркина, Башмаков, 2023: 87–102).

Большинство работ украинских и западных политологов выполнены в антироссийском ключе. Характерны публикации украинских исследователей М.В. Наконечного (Наконечный, 2015: 394–397), С.П. Пахоменко (Пахоменко, 2015: 245–253) и М.С. Кармазиной (Кармазина, 2016). Среди западных исследователей отметим Э. Нотт, которая преуменьшает конфликтность взаимодействия идентичностей в Крыму до 2014 г. (Knott, 2018: 282–305). О. Чаррон¹, Г. Зассе и А. Лэкснер обвиняют Россию в навязывании идентичности жителям Крыма и Донбасса (Sasse & Lackner, 2018: 1–19). О. Зевелева и А. Блудова отмечают риски «молчания и самоцензуры» при выборе крымской молодежью идентичности (Zeveleva & Bludova, 2019: 1056–1076).

В то же время, ряд западных и украинских исследователей, таких как Р. Саква (Sakwa, 2015), Т. Маляренко и Ш. Волльф (Malyarenko & Wolff, 2019: 30–43), демонстрируют противоречия и конфликтогенность формирования украинской постсоветской идентичности. Г. В. Касьянов раскрывает конфликтогенные аспекты исторической политики Украины применительно к Крыму и Донбассу (Касьянов, 2018). С. Куделя критиковал упрощенно-негативные оценки идентичности Донбасса, подчеркивая роль идентичности в эскалации конфликта (Куделя, 2014: 25–33; 2015: 5–13). Н. Хенке признает, что нациестроительство на Украине после 2014 г. происходит путем навязывания государственного языка (Henke, 2020: 25–29).

Несмотря на многочисленность исследований, налицо нехватка прикладных работ, опирающихся на социологические опросы и отражающих современные аспекты формирования российской идентичности в Крыму и на Донбассе. Сравнение факторов изменений идентичности в данных регионах проводится редко, чаще – на историческом материале.

¹ CREECA (2019) Exploring Crimean Identity: CREECA Welcomes Austin Charron (2019). Available at: <https://creeca.wisc.edu/creeca-welcomes-austin-charron/> (accessed 20 September 2025).

Исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: каковы доминирующие факторы укрепления российской идентичности в новых субъектах федерации, и почему проявляются различия в степени распространения российского самосознания в сравниваемых регионах?

Факторы укрепления российской идентичности в Крыму и на Донбассе: долгосрочные проявления

Прежде всего, следует отметить исторический фактор – длительность нахождения Крыма и Донбасса в составе Российского государства. Сложилась положительная историческая память жителей регионов о ключевых событиях российской истории и символах гордости. Историческая память воспроизводится не стихийно, а благодаря деятельности педагогического и научного сообществ, пророссийских общественных организаций, что дает позитивные результаты².

Так, опрос 1100 студентов из всех городов Крыма в 2016 г. (выборка репрезентативна по полу, возрасту и месту жительства), проведенный под руководством Е.В. Бродовской, подтвердил, что события российской истории XX в. являются наиболее узнаваемыми и выступают «стержнем» исторической картины мира. Так, события Великой Отечественной войны считают ключевыми для истории 33,6% опрошенных в Республике Крым и 41,3% в г. Севастополе; образование и распад СССР – 15,5% и 12,6% соответственно; революцию 1917 г. – 13,2 и 8,5%. Упоминания более ранних исторических событий – освобождения Руси от ордынского ига, правления Ивана Грозного, Смутного времени, реформ Екатерины Великой, присоединения Крыма к России в 1783 г., Крымской войны 1853–1856 гг. достаточно редки (не более 8% ответов). В диапазоне от 10 до 15% узнаваемости – реформы Петра Великого, Отечественная война 1812 г. и отмена крепостного права (Бродовская, Домбровская, Карзубов, 2017: 52–54). Такое состояние исторической памяти во многом – результат образовательной политики, проводившейся украинскими органами власти в Крыму до 2014 г., нехватки объективных источников знаний. Тем не менее опрошенные проявляли позитивное отношение к российской истории: 59% считали, что необходимо беречь традиции, 47% – гордиться победами предков, 32% – быть причастными к великой культуре (Бродовская, Домбровская, Карзубов, 2017: 59).

Другой опрос в форме анкетирования провели в 2017 г. сотрудники Севастопольского государственного университета Л.П. Нелина, О.В. Ярмак и А.А. Ирхин. Пропорциональная выборка составляла 1600 студентов в Республике Крым и г. Севастополе, возраст – от 17 до 25 лет. Абсолютное большинство респондентов (52,8%) признало преимущество этапов российской государственности – от Древней Руси до современности; еще 31,6% назвало

² Лантух Н.А. (2023) *Хочешь быть русским – будь им! История Русской общины Крыма от первых лиц. Симферополь: Медиациентр им. И. Гаспринского. С. 124–163, 176–223.*

исходной точкой формирования Российского централизованного государства в XV–XVI вв. Основными достижениями истории России опрошенные считали (по убывающей): «огромный размер территории страны» (52,6%), «сохранение независимости государства» (46,4%), «военную мощь и наличие ядерного щита» (37,1%), «создание уникальной культуры» (34,4%), «особый национальный характер россиян» (33,2%), «мир и согласие между народами» (27,4%). Ключевыми чертами Российского государства респонденты назвали его стойкость перед иностранными нашествиями, полиэтничность и отсутствие постоянных союзников в мире. По мнению опрошенных, их исторические представления – результат, прежде всего, обучения в вузе, в меньшей мере – воспитания в семье и информации СМИ (Нелина, Ярмак, Ирхин, 2020: 118, 120–122).

Такое состояние исторической памяти характерно для контактных ареалов, где ярче проявляются признаки цивилизационной и национальной идентичности, более отчетливо сформирован образ «Другого», с которым жители региона себя сравнивают. Крым в целом и особенно г. Севастополь являются местом проживания многих ветеранов Вооруженных Сил, для которых символы исторической гордости неразрывно связаны с жизненным опытом. Так, 78% участников телефонного опроса и онлайн-опроса в Крыму, организованных Санкт-Петербургским университетом осенью 2018 г. (выборка 1115 чел.) назвали Россию цивилизационной общностью, а не только государством (Савин, 2019: 139).

Сходные явления отмечались на Донбассе, где постсоветская политика украинизации воспринималась большинством как чуждая и разрушающая общую историю, память о «единой великой стране» – СССР. В ответ на деятельность национал-радикалов в 1991 г. образовалось Интернациональное движение Донбасса (Федоровский, 2020: 66–78). Обозначились тенденции к борьбе за создание автономного символического пространства региона. Л.Б. Внукова и Т.Ю. Власкина цитируют высказывания респондентов онлайн-опроса, проведенного в ДНР в 2020 г., о причинах провозглашения республик: «Неприятие нацизма, уважение к историческому прошлому, право на родной (русский) язык» (Внукова, Власкина, 2021: 76).

Участники экспертного опроса (35 преподавателей социальных и гуманитарных дисциплин вузов Крыма, ДНР и ЛНР), проведенного нами в 2024 г., единодушно подчеркивают, что в советский период между русскими и украинцами существовали братские отношения. Проявлялось взаимодействие русской и украинской культур в обычаях и повседневном поведении дончан. Но после провозглашения независимости Украины респонденты, по их словам, стали демонстрировать приверженность российской трактовке истории и русскому языку, а также российским традициям (например, празднования Нового года по московскому, а не киевскому времени)³. Это означает, что украинская

³ Архив кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета.

национально-государственная и этническая идентичность не воспринимались в Крыму и на Донбассе как «свои» весомой частью жителей. Наш опрос не позволяет выявить тогдашнее (в 1990–2000-х гг.) отношение преподавателей к русской этнической и российской национальной идентичностям, однако исследование украинских социологов В.Е. Хмелько и С.Н. Оксамитной (2008 г.) подтверждает широкое распространение на Донбассе дуальной (русско-украинской) идентичности и регионального самосознания⁴. По данным опроса, проведенного Е.В. Бродовской и А.В. Домбровской в 2023 г., почти 68% респондентов в ДНР и ЛНР считают необходимым сохранять традиции России, 63% – гордиться достижениями предков; 44,6% поддерживают противодействие фальсификациям истории (Бродовская, Домбровская, 2023: 92–93).

Второй фактор – этническое позиционирование жителей Крыма и Донбасса. Изменения этнической структуры целесообразно оценивать на основе конструктивизма как выбор индивидов под влиянием обстоятельств и ориентаций самосознания. Следует учитывать полиэтничность и поликонфессиональность населения, подвижность идентичностей. Мы провели расчеты удельного веса основных народов Крымского полуострова на основе материалов переписи населения 2001 г. Если суммировать данные по Автономной Республике Крым и г. Севастополю, на полуострове проживали 60,3% русских, 24% украинцев и 10,2% крымских татар⁵. Примерно по 85% верующих русских и украинцев назвали себя православными, а почти 98% крымских татар – приверженцами ислама⁶, то есть, этническая и конфессиональная идентичности почти совпадали. По переписи 2021 г., русские составляют 76,4% населения Республики Крым (РК) и г. Севастополя, указавших национальность, украинцы – 7,7%, а крымские татары – 11,4%. Еще 1,4% называют себя «татарами»⁷. Поскольку массовых миграций, включая эмиграцию, в Крыму в 2001–2021 гг. не происходило, весомое увеличение доли русских среди жителей РК и г. Севастополя состоялось вследствие смены идентичности украинцами и повышения удельного веса лиц, не указавших этничность.

Изменения этнической структуры Донбасса можно оценить на интервале 1989–2001 гг., поскольку материалы региональной переписи ДНР и всеукраинской переписи 2019 г. не опубликованы. За 1989–2001 гг. удельный вес украинцев (по самоидентификации) в населении Донецкой области возрос

⁴ Хмелько В.Е., Оксамитная С.Н. (2008) Русско-украинская биэтническая идентичность и лингво-этническая гетерогенность в Украине. *Internet Archive*. Available at: <https://tinyurl.com/yjxrex9w> (дата обращения: 20.10.2025).

⁵ Государственный комитет статистики Украины (2001) Всеукраинская перепись населения 2001 года. Национальный состав населения. Available at: <https://web.archive.org/web/20250204224957/http://2001.ukr-census.gov.ua/rus/results/general/nationality/> (дата обращения: 23.09.2025).

⁶ Иванов А. (2012) Полуостров раздора. *Столетие*, 31 декабря. Available at: http://www.stoletie.ru/geopolitica/_poluostrov_razdora_851.htm#comment/ (дата обращения: 23.09.2025).

⁷ Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю (2022) Численность населения Республики Крым, городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов с населением 3000 человек и более (по состоянию на 1 октября 2021 года). Available at: <https://82.rosstat.gov.ru/folder/179764> (дата обращения: 01.08.2024).

с 50,7 до 56,9%, русских (по самоидентификации) – сократился с 43,6 до 38,2%. В Луганской области процент украинцев составил в 2001 г. 58,0%, а русских – 39,0%⁸. Вооруженный конфликт с 2014 г. привел к кардинальному сокращению населения вследствие оттока беженцев. К началу марта 2022 г., по сведениям Государственной службы статистики ДНР и Госкомстата ЛНР, население освобожденных районов ДНР оценивалось в 2,2 млн чел., ЛНР – в 1,4 млн чел. – вдвое меньше, чем до начала войны⁹. Столь масштабные потрясения вызвали изменения национальной идентичности, что можно проследить по социологическим данным.

Рассмотрим изменения языкового фактора выбора идентичности жителями Крыма и Донбасса. Как следует из Всеукраинской переписи населения 2001 г., русский язык назвали родным 78,7% жителей Крымского полуострова (в том числе 76,6% жителей Автономной Республики Крым и 90,6% севастопольцев), 74,9% жителей Донецкой и 68,8% – Луганской областей. Частота использования русского языка в повседневном общении – еще больше. Наиболее широко русскоязычие было распространено среди жителей крупных городов, лиц с высшим образованием¹⁰. По данным опроса, проведенного Киевским международным институтом социологии в 2007 г. (пропорциональная выборка старше 18 лет во всех регионах Украины, 37 759 чел.), родной язык респондентов значительно отличался от выбора этничности. По оценкам В.Е. Хмелько и С.Н. Оксамитной, «русско-украинцы», имевшие гибридную идентичность, составляли 22,8% взрослого населения страны. На Юге Украины удельный вес русскоязычных составлял примерно 85%, а на Востоке – около 89%. От степени распространенности биэтнической идентичности в прямопропорциональной зависимости находились электоральная поддержка Партии регионов, Коммунистической партии Украины и их кандидатов, положительное восприятие государственного объединения России и Украины¹¹. Между переписями 1989 и 2001 гг. процент жителей Донецкой области, считавших украинский язык родным, снизился с 30,6 до 24,1, как и среди жителей Луганской области – с 34,9 до 30, а удельный вес считавших родным языком русский – возрос¹². Это подтверждает противоречивость идентитарной динамики среди жителей Донбасса в указанный период. Процесс шел вразрез

⁸ *Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи 1989 г.* (1991) М.: Финансы и статистика: 78–82; Про кількість та склад населення України за підсумками Всеукраїнського перепису населення 2001 року (2002) *Урядовий кур'єр* (244): 11–12.

⁹ РБК (2022) Что известно о регионах, присоединяющихся к России. 3 октября. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/03/10/2022/632d6cd89a79476454bb5d08> (дата обращения: 20.10.2025).

¹⁰ *Государственный комитет статистики Украины* (2001) Всеукраинская перепись населения 2001 года. Языковой состав населения. Available at: <https://web.archive.org/web/20250204224957/http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/> (дата обращения: 23.09.2025).

¹¹ Хмелько В.Е., Оксамитная С.Н. (2008) Русско-украинская биэтническая идентичность и лингво-этническая гетерогенность в Украине. *Internet Archive*. Available at: <https://tinyurl.com/yjxrex9w> (дата обращения: 20.10.2025).

¹² *Государственный комитет статистики Украины* (2001) Всеукраинская перепись населения 2001 года. Языковой состав населения. Available at: <https://web.archive.org/web/20250204224957/http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/> (дата обращения: 23.09.2025).

с навязываемой украинизацией образования. Обобщающих данных о языковых процессах после провозглашения ДНР и ЛНР нет, но исследователи отмечают повышение статуса русского языка до единственного государственного, что закреплено в конституциях республик в 2022 г. (Черкашин, Теркулов, Тамерьян, 2023: 1113–1128).

Многоязычие и широкая распространенность билингвизма характерны и для Крыма. Между тем языковая политика Украины в регионе была нацелена на вытеснение русского языка. По подсчетам Н.В. Киселевой, А.В. Мальгина, В.П. Петрова и А.А. Форманчука, число средних школ с русским языком обучения на полуострове сократилось за 1992–2012 гг. в 1,6 раза (с 519 до 333), а школ с украинским языком – выросло в 143,7 раз (с 6 до 862), с крымскотатарским языком – возросло в 22,5 раза (с 17 до 383) (Киселева et al., 2015: 216). Общественное мнение крымчан, как установили исследователи института «ПАТРИР» (Финляндия), однозначно в пользу равноправия основных языков в публичной сфере¹³. Владение русским языком подтвердили при переписи в Крыму в 2014 г. 99,8% жителей, украинским – 21,7%, крымскотатарским и татарским языками – 6,5%. Назвали родным русский язык 81,4% жителей Крымского полуострова, в том числе почти все русские, 79,7% украинцев и 5,6% крымских татар¹⁴.

Следующий фактор выбора идентичности – это уровень урбанизации. Он отчетливо различался среди этнических групп Крыма и Донбасса. Так, перепись 2014 г. в Крыму (нами подсчитаны суммарно сведения по Республике Крым и г. Севастополю) выявила процент горожан среди русских – 64,2, украинцев – 50,3, крымских татар – 26,3¹⁵. Аналогичное соотношение зафиксировала перепись 2021 г.: горожане составили 54,2% русских, 40,5% украинцев и 24,1% крымских татар (нами рассчитан удельный вес на основе абсолютных цифр)¹⁶. Наибольший удельный вес русских отмечен в больших и средних городах (Севастополе, Симферополе, Керчи, Феодосии), а украинцев и крымских татар – в селах. Анализ переписи 2001 г. в Донецкой области, проведенный К.В. Черкашиным, В.И. Теркуловым, Т.Ю. Тамерьяном, подтвердил сходную тенденцию: русские составляли наибольшую долю жителей в крупных городах (Донецке, Мариуполе, Горловке и др.), а украинцы – в малонаселенных сельских районах (Черкашин, Теркулов, Тамерьян, 2023: 116–117). Именно жители крупных городов в большей степени разделяют российскую идентичность, что объясняется не только этническим составом

¹³ *Крымский политический диалог 2010* (2011) М. С. 44–190.

¹⁴ *Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе* (2015) М.: ИИЦ «Статистика России». С. 118–119, 143–144.

¹⁵ *Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе* (2015) М.: ИИЦ «Статистика России». С. 121–124.

¹⁶ *Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю* (2022) Численность населения Республики Крым, городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов с населением 3000 человек и более (по состоянию на 1 октября 2021 года). Available at: <https://82.rosstat.gov.ru/folder/179764> (дата обращения: 01.08.2024).

горожан, но и распространением инноваций из крупных городов на периферию, поскольку политическая коммуникация и выработка новых идей в Крыму происходят в основном на русском языке.

Изменения соотношения национальных, этнических, конфессиональных и языковых идентичностей в Крыму и на Донбассе

Соотношение национальных, этнических, конфессиональных и языковых идентичностей в Крыму и на Донбассе может быть определено на основе сравнительного анализа результатов анкетных опросов. При этом мы осознаем и учитываем неполноту эмпирических данных, позволяющих выдвинуть предположения об идентитарной динамике.

Начать полезно с периода до 2014 г., когда взаимодействие идентичностей происходило в мирных условиях. По итогам опроса, проведенного Центром региональных исследований и стратегий (г. Одесса) в 2011 г. (пропорциональная выборка 836 крымчан старше 18 лет, погрешность до 3%), в первую очередь гражданами страны считали себя 38% респондентов на полуострове, жителями Крыма – 21%, жителями города, села или района – 26%, гражданами СССР – 8%, представителями национальностей – 5%. Среди русских жителей тогдашнего Юга Украины (Автономной Республики Крым, Одесской, Николаевской и Херсонской областей) назвали себя гражданами Украины 26% опрошенных, жителями своего региона – 65%, жителями села, города или района – 28%, гражданами СССР – 12% (вариант «граждане России» в анкете не упоминался) (Князева, 2013: 269, 273, 282). По данным анкетного опроса, проведенного Луганским национальным университетом имени Тараса Шевченко и Центра по изучению социальных процессов и проблем гуманизма в 2013 г. (выборка – 1450 чел.), 72,6% респондентов в Луганской области считали границу между Россией и Украиной «границей между своими», а 47,6% признавали: «Эта граница вообще не нужна»; 41,3% дали ответ: граница должна быть «открытой для движения людей, капиталов и товаров, как в Шенгенской зоне Европейского Союза» (Хобта, 2013: 66–67). Анкетный опрос, проведенный в ЛНР Луганским национальным университетом имени Тараса Шевченко в 2018 г. (квотная выборка 759 чел.) показал, что украинско-российскую границу считали «границей между своими» 55,9% респондентов, а «границей, отделяющей своих от чужих» – 22,9% (Идентичность населения..., 2019: 132). Эти изменения были вызваны состоянием вооруженного конфликта; снижение доли считавших границу условной шло за счет молодежи.

Воссоединение Крыма с Россией весомо изменило соотношение идентичностей. По данным опроса, проведенного Институтом этнологии и антропологии РАН в 2016 г. (выборка 600 чел. старше 18 лет в г. Симферополе и прилегающих местностях), 47,3% респондентов идентифицировали себя в первую очередь с российскими гражданами, 39,0% – с жителями Крыма и 6,3% – с представителями своего народа. В наибольшей мере российская идентичность разделяется русскими, в наименьшей мере – крымскими татарами. Осознание себя российскими гражданами чаще фиксируется среди пожилых

и людей среднего возраста (Гражданская идентичность..., 2016: 6–7, 11, 67–80). Другое исследование, организованное в 2016 г. сообществом «Открытое мнение» на Крымском полуострове (выборка 1100 чел. старше 18 лет), продемонстрировало следующие результаты: назвали себя в первую очередь гражданами России 43% респондентов, жителями Крыма – 35%, гражданами мира – 9%, жителями населенного пункта – 8%, гражданами Украины – 1%. Российская идентичность как первоочередная чаще фиксировалась среди русских (52%), реже – среди украинцев (28%), и крайне редко – среди крымских татар (8%). Региональная идентичность была в наибольшей степени выражена среди крымских татар (65% ответов) и украинцев (42%), в наименьшей – среди русских (30%). Российская идентичность преобладала среди лиц с высшим образованием пожилого либо среднего возраста¹⁷. Анкетный опрос под руководством И.В. Задорина в 2018 г. (выборка на Крымском полуострове 400 чел. старше 18 лет, все этнические группы) показал, что определяли себя в первую очередь как российские граждане 41% всех респондентов, как жители Крыма – 35%, жители населенного пункта – 16%. Наивысший удельный вес признавших себя российскими гражданами отмечен среди русских, наименьший – среди украинцев и крымских татар (Задорин, 2018: 110).

Изменения в соотношении российской, региональной и иных идентичностей детерминированы восприятием межэтнических и межконфессиональных отношений, государственной политики России. Характерны результаты опроса 1600 крымчан в 2021 г., подтвердившие поддержку воссоединения с Россией – событие позитивно оценивается 93-мя % респондентов; 89% полагает, что Крым развивается в составе России успешнее, чем в составе Украины¹⁸. Опрос, организованный Московским государственным университетом в 2018 г. (выборка 200 чел. в разнотипных населенных пунктах Крыма), доказал значительный рост удельного веса тех, кто ощущает себя гражданами России (до 77%) (Кульбачевская, 2019: 113). Тенденция подтверждена в пилотном опросе, проведенном М.И. Цуприк в феврале 2023 г. (общекрымская выборка 100 чел. в возрасте от 19 до 75 лет). Назвали себя прежде всего жителями России 75% респондентов, жителями Крыма – 20%, жителями Украины – 5% (Цуприк, 2023: 28). В апреле 2023 г. заместитель руководителя Федерального агентства по делам национальностей России С. Бедкин сообщил, что по итогам опроса 93,8% жителей Крыма считают себя в первую очередь гражданами России¹⁹.

Важен не только количественный уровень признания гражданской идентичности, но и осознанность, прочность выбора. В этом аспекте полезно пилотное исследование А.С. Гальченко, который провел ранжирование консо-

¹⁷ Проект «Открытое мнение – Крым-2016». Краткий аналитический отчет по итогам исследования (2016) М., С. 11–14.

¹⁸ ВЦИОМ (2021) Российский Крым: семь лет после воссоединения. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskii-krym-sem-let-posle-voossoedinenija> (дата обращения: 23.09.2025).

¹⁹ ТАСС (2023) В ФАДН заявили, что уровень общероссийской гражданской идентичности в Крыму вырос до 93,8%. 20 апреля. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/17572823> (дата обращения: 23.09.2025).

лидирующих факторов идентичности крымских студентов по шкале Лайкерта и подсчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена. А.С. Гальченко рассчитал иерархию факторов (по убывающей): право участия в выборах, общность культуры, общее историческое прошлое, общенациональные ценности, общие политические идеи и смыслы, ощущение богатых ресурсов страны, социальное благополучие, политические условия, чувство гордости за достижения страны. Внизу иерархии – кровное родство, менталитет, обычаи и традиции. Соотношение факторов определяется свободным выбором и осведомленностью индивидов, а не примордиальной принадлежностью (Гальченко, 2020: 39–40).

Исследование Е.А. Коджа подтверждает, что русские (по самоидентификации) жители Крыма более склонны считать себя российскими гражданами, эта тенденция сильнее выражена среди респондентов среднего и пожилого возраста (Коджа, 2022: 9–11).

На материалах ДНР и ЛНР есть фрагментарные источники о тенденциях развития идентичностей. Как отмечают К.В. Черкашин, В.И. Теркулов и Т.Ю. Тамерьян, в 2011 г. немногие жители г. Донецка разделяли украинскую идентичность (29% при среднем уровне по стране 44%). В мае 2016 г. проведены синхронные опросы по 1 тыс. чел. в ДНР и ЛНР. Назвали себя в первую очередь жителем своего региона (суммарно – жителями Донбасса, Луганщины, ДНР или ЛНР) поровну по 63% опрошенных в ДНР и в ЛНР; советским человеком – соответственно, 9 и 11%; гражданином Украины – 9 и 10%; жителем населенного пункта – 10 и 7%; представителем своей национальности – 4 и 2% (Черкашин, Теркулов, Тамерьян, 2023: 117–118). Диахронный ряд анкетных опросов, проведенных в г. Донецке с апреля по октябрь 2014 г. и в ДНР с мая 2016 г. по июнь 2022 г. (погрешность до 5%), подтверждает рост признания себя в первую очередь русскими с 32,6 до 70,1%; процент назвавших себя украинцами, напротив, снизился с 40 до 19,7%. Безусловно, следует учитывать сложные условия проведения опросов во время вооруженного конфликта, как и значительные масштабы миграции, изменившей состав населения. Восприятие себя в качестве русских наиболее распространено среди мужчин, лиц со средними и высокими доходами, верующих, людей среднего и пожилого возраста, жителей крупных городов (Черкашин, Теркулов, Тамерьян, 2023: 121–126).

Вместе с тем до начала СВО имела место неопределенность целей развития республик, что подпитывало трансформацию региональной идентичности «житель Донбасса» в национально-государственную, отличную от российской. Проявлялось стремление обосновать наличие особого региолекта в ДНР и ЛНР (Кудрейко, 2018: 122–126). Воссоединение республик с Россией (сентябрь 2022 г.) значительно изменило вектор формирования идентичности их жителей в направлении признания себя гражданами России. Но этот процесс идет сложно. Е.В. Бродовская и А.Ю. Домбровская провели онлайн-опрос ценностных ориентаций и установок 1 тыс. жителей ДНР и ЛНР в 2023 г. По мнению исследователей, «жители ЛНР проявляют несколько более высокий уровень социокультурной интеграции в российское общество, чем

жители ДНР, у которых чуть в большей степени выражены черты анклавности в ценностном профиле граждан». Так, считают основной целью России единство, сохранение территориальной целостности и суверенитета 53,8% респондентов в ЛНР и 35,9% – в ДНР (Бродовская, Домбровская, 2023: 99).

Политологи Кубанского государственного университета провели в августе – октябре 2024 г. анкетный онлайн-опрос 225 студентов Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Луганского государственного педагогического университета и Мариупольского государственного университета им. А.И. Куинджи. Из числа опрошенных 94,6% имеют только российское, а остальные – российское и украинское гражданство. Назвали «своей страной» Россию 69,5% всех опрошенных, в т.ч. 85,6% – в Крыму, 67,6% – в Луганске и 58,0% – в Мариуполе. Назвали своими странами «и Россию, и Украину» 7,9% по всей выборке (1,6% в Симферополе, 2,4% в Луганске и 3,4% в Мариуполе). Только в Мариуполе встречались формулировки ответов «моя страна – это мой регион» (9,9% ответов), а отдельные студенты на фокус-группах подчеркивали отличия Мариуполя от большей части ДНР. Образы своего региона (Крыма, ДНР, ЛНР) достаточно сформированы и системны, имеют позитивные коннотации с сотрудничеством и межнациональным миром. Образ будущей России оценивается 77,5% респондентов положительно, в выражениях «сильное и процветающее государство», «суверенная мировая держава», «гарант сохранения традиционных ценностей и исторического, культурного наследия»; 6,9% дали негативные оценки будущей России, остальные затруднились с ответом.

Таким образом, можно предположить, что российская идентичность более выражена среди крымчан, чем среди жителей Донбасса. Кроме того, в местностях ДНР и ЛНР, освободившихся от украинского правления в 2014 г., она более распространена, чем в г. Мариуполе, освобожденном в 2022 г.

Политика памяти, символическая политика и политика идентичности Российской Федерации в Крыму и на Донбассе

Российская политика идентичности в Республике Крым, г. Севастополе, ДНР и ЛНР нацелена на укрепление позитивного восприятия традиционных ценностей, исторических достижений и символов гордости, повышение доверия к государству, формирование мотиваций ответственного и патриотического поведения граждан. Речь идет о восстановлении социокультурной преемственности и единства регионов «исторической России».

Нормативные основания политики составляют ряд федеральных нормативно-правовых актов (Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.²⁰), а также Государственная программа развития

²⁰ Президент России (2022) Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-

образования в РК на 2016–2025 гг.²¹, Государственная программа РК по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Крым – территория межнационального согласия»²² и Государственная программа РК «Реализация государственной молодежной политики в Республике Крым»²³. Только последняя из программ предусматривает финансирование на сумму 2966,448 млн руб. за 2024 г.²⁴

ДНР и ЛНР проводят политику идентичности, которая ориентирована на социокультурную реинтеграцию с Россией, укрепление российского патриотизма. Еще в период независимого существования республик Народные Советы (парламенты) ДНР и ЛНР утвердили Республиканские программы патриотического воспитания граждан²⁵. 28 января 2021 г. утверждена доктрина «Русский Донбасс», авторами которой стали известные философы, историки, политологи²⁶. В доктрине поставлена цель – создать условия для повышения ответственности граждан перед обществом, воспитать граждан, любящих Родину и имеющих активную жизненную позицию.

В отличие от нормативных актов ДНР и ЛНР 2014–2018 гг., в которых не решался вопрос о принятии российской идентичности²⁷, доктрина «Русский Донбасс» последовательно ориентировала органы государственной власти и общество на реинтеграцию с Россией. Цель укрепления российской

нравственных ценностей. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 23.09.2025); *КонсультантПлюс* (n.d.) Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 (ред. от 15.01.2024). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/ (дата обращения: 23.09.2025).

²¹ *Республика Крым: Портал Правительства* (2023) Государственная программа развития образования в Республике Крым на 2016–2025 гг. Available at: <https://minek.rk.gov.ru/structure/e0b5078f-29df-41c7-af19-196ba4d55edc> (дата обращения: 23.09.2025).

²² *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов* (n.d.) Государственная программа Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Крым – территория межнационального согласия». Available at: <https://docs.cntd.ru/document/413907392/titles/GOD5RF> (дата обращения: 23.09.2025).

²³ *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов* (n.d.) Государственная программа Республики Крым «Реализация государственной молодежной политики в Республике Крым» (в ред. Постановления Совета министров Республики Крым от 06.02.2024 № 57). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/570781098> (дата обращения: 23.09.2025).

²⁴ *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов* (n.d.) Государственная программа Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Крым – территория межнационального согласия». Available at: <https://docs.cntd.ru/document/413907392/titles/GOD5RF> (дата обращения: 23.09.2025).

²⁵ *Народный Совет Луганской Народной Республики* (n.d.) О системе патриотического воспитания граждан Луганской Народной Республики. Закон № 51-II от 30.07.2015. Available at: <https://nslr.su/zakonodatel-na-ya-deyatelnost/zakonoproekty/723/> (дата обращения: 23.09.2025); *Правительство Донецкой Народной Республики* (n.d.) Республиканская программа патриотического воспитания граждан Донецкой Народной Республики на 2020–2022 годы: Постановление Правительства ДНР от 30 апреля 2020 г. № 22–3. Available at: <https://pravdnr.ru/wp-content/uploads/2020/05/postanovlenie-22-3.pdf> (дата обращения: 23.09.2025).

²⁶ *Русский Центр* (n.d.) Доктрина «Русский Донбасс». Available at: <https://russian-center.ru/8315-2/> (дата обращения: 23.09.2025).

²⁷ *Народный Совет Донецкой Народной Республики* (2015) Ежегодное обращение Главы ДНР Александра Захарченко к Народному Совету. Available at: <https://dnrsovet.gov.ru/ezhegodnoe-obrashhenie-glavy-dnr-aleksandra-zaharchenko-k-narodnomu-sovetu/> (дата обращения: 23.09.2025).

идентичности требует от субъектов политики сформировать принципы и приоритеты информационных воздействий, которые интегрируют образы истории и современность Донбасса в российский контекст. Донбасс переосмысливается в качестве региона Российского государства, подчеркивается преемственность всех этапов истории (Руденко, Онопко, 2021: 126–131).

Основными субъектами политики идентичности в Крыму являются территориальное управление Федерального агентства по делам национальностей по Республике Крым и г. Севастополю, Министерство культуры РК, Министерство образования, науки и молодежи РК, Государственный комитет по делам межнациональных отношений РК, аналогичные учреждения в системе органов власти г. Севастополя²⁸. В ДНР субъектами политики идентичности выступают Министерство культуры, Министерство молодежной политики, Министерство образования и науки. Одноименные министерства реализуют политику идентичности в ЛНР. Соподчиненную роль в укреплении российской идентичности играют органы местного самоуправления, политические партии, образовательные учреждения и музеи, национально-культурные и религиозные организации.

Политика памяти проявляется в том, что с 2014 г. созданы обобщающие труды по истории Крыма, систематически проводятся международные и все-российские научные конференции на базе музея-заповедника «Херсонес Таврический», Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского и Севастопольского государственного университета. Уделяется повышенное внимание историко-культурным символам гордости Крыма. Так, историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» получил статус особо ценного объекта культурного наследия федерального значения. В 2019 г. начато создание историко-археологического парка «Херсонес Таврический», который включит в себя музей истории христианства, музей истории античности и Византии. Важнейшими музеями, участвующими в формировании исторической памяти, стали Центральный музей Тавриды (г. Симферополь), Этнографический музей (г. Симферополь), Музей героической обороны и освобождения Севастополя, музейный комплекс «35-я береговая батарея» (г. Севастополь), Восточно-Крымский историко-археологический музей (г. Керчь). Их деятельность направлена на воспроизводство и развитие культурного кода Крыма как колыбели российского православия и государственности, ареала межэтнического согласия (Юрченко et al., 2024: 181–187).

В ДНР и ЛНР большое внимание уделяется противодействию украинскому национализму, для чего создается российский патриотический контент в социальных сетях и мессенджерах, проводятся коммеморативные акции в честь событий и героев Великой Отечественной войны²⁹. В 2024 г.

²⁸ Правительство Республики Крым (2024) Отчет о деятельности Государственного комитета по делам межнациональных отношений Республики Крым за 2023 год. Available at: https://gkmmn.rk.gov.ru/uploads/gkmmn/container/2024/02/28/2024-02-28-09-52-15_1.pdf (дата обращения: 23.09.2025).

²⁹ Беспалова С.В. (ред.) (2021) *Практическая реализация доктрины «Русский Донбасс» в сферах жизнедеятельности ЛДНР: Материалы круглого стола* (Донецк, 23 апреля 2021 г.). Донецк: Изд-во ДонНУ: 5–10.

в г. Донецке впервые проведена всероссийская научно-практическая конференция по денацификации Украины. Организовано массовое тестирование «Знаток российского Донбасса»³⁰. На историческом факультете Донецкого государственного университета созданы Центр изучения Большого Донбасса и Студенческое научное общество по изучению истории Донбасса.

Символическая политика в новых субъектах федерации проявляется в выборе памятных дат для коммеморативных акций (дни освобождения от нацистской оккупации в Великой Отечественной войне, воссоединения с Россией, крупнейших битв). Так, в г. Севастополе данную роль играют дни начала и окончания двух оборон города. Севастополь позиционируется как «патриотическая столица России» (лозунг на здании администрации города). Массовые мероприятия локализованы в местах памяти (курган Саур-Могила в ДНР, Аллея ангелов – мемориальный парк в г. Донецке, захоронения видных политических и военных деятелей ДНР и ЛНР, Малахов курган и Сапун-гора в Севастополе и др.). Специфически донбасской можно назвать практику возврата советских наименований географических объектов, призванную дистанцировать символическое пространство республик от украинского. В Республике Крым значительное внимание уделяется мемориализации мест памяти о подвигах и достижениях представителей всех народов региона.

Реализация политики идентичности на Донбассе в сравнении с Крымом идет в особо сложных прифронтовых условиях. В местностях Донбасса, которые были освобождены в 2022–2025 гг., до этого проводился курс насаждения украинского радикального национализма, последствия чего сказываются в общественном мнении, особенно – молодежи. В ходе проведенного политологами Кубанского государственного университета онлайн-анкетирования студентов Луганского государственного педагогического университета и Мариупольского государственного университета им. А.И. Куинджи (август – октябрь 2024 г.) выявлены препятствия укреплению российской идентичности среди молодежи. Среди них – недостаточная осведомленность о современном состоянии российского общества; низкое доверие к региональным и местным СМИ, политическим партиям; знакомство с антироссийским контентом в зарубежных социальных сетях. Наблюдается несколько пониженная самоидентификация с Россией в мариупольской подвыборке. Экспертный опрос преподавателей вузов ДНР и ЛНР (35 чел. от 31 до 68 лет) подтвердил обеспокоенность педагогов тем, что многие молодые люди настроены выехать из Донбасса в «тыловые» российские регионы, слабо вовлечены в повседневные политические акции. Отчасти имеет место отчужденность между педагогами городов ДНР и ЛНР, где украинская власть была свергнута в 2014 г., и г. Мариуполя (о них в Донецке и Луганске говорят: «там много ждунов»). Часто студенты и преподаватели в изученных регионах слабо осведомлены о реализации общероссийских политики памяти и символической политики, образ своего региона и города недостаточно интегрирован

³⁰ *Знаток Русского Донбасса* (2024). Available at: <https://znotakdonbassa.ru/> (дата обращения: 23.09.2025).

с образом России (особенно это заметно в Мариуполе). Данные обстоятельства ставят вопрос о необходимости более дифференцированной и использующей современные средства коммуникации политике идентичности в ДНР и ЛНР.

Заключение

В результате исследования выявлены такие факторы укрепления российской идентичности в Крыму и на Донбассе, как историческая память региональных сообществ, изменения этнического и языкового состава населения, уровень урбанизации, деятельность субъектов политики идентичности. На основе анкетных опросов и переписей населения установлено, что в наибольшей степени склонны признавать себя в первую очередь гражданами России лица среднего и пожилого возраста, мужчины, жители крупных городов, имеющие высшее образование. Полиэтничность и поликонфессиональность сообществ Крыма и Донбасса определяют территориальную неравномерность укрепления российской идентичности; процесс зависит и от продолжительности политики идентичности, направленной на реинтеграцию с Россией. Поэтому российская идентичность в Крыму, особенно – в промышленных городах (Севастополе, Керчи) более консолидированна, чем в недавно освобожденных местностях Донбасса, например, г. Мариуполе.

Выявлен состав субъектов политики идентичности в новых субъектах федерации, к которым относятся федеральные и региональные органы государственной власти, органы местного самоуправления, политические партии, образовательные учреждения и музеи, национально-культурные и религиозные организации. Направлениями их деятельности выступают также политика памяти, информационная и символическая политика. На основании сравнения результатов социологических опросов, при всей их фрагментарности, можно предположить, что в условиях специальной военной операции происходит укрепление российской идентичности в Крыму и на Донбассе. Это объясняется актуализацией исторических традиций, адаптацией общества к военным условиям, консолидацией общества перед лицом геополитической угрозы. Данное предположение мы планируем проверить в ходе дальнейших эмпирических исследований в сравниваемых регионах.

Список литературы:

1. Ачкасов В.А. (2013) Политика идентичности в современном мире. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия б: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения* (4): 71–77.
2. Баранов А.В. (2023) Социокультурная интеграция российского общества под влиянием Украинского кризиса 2013–2022 гг. и задачи политики идентичности. *Управленческое консультирование* (1(169)): 10–23. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-1-10-23.

3. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. (2023) Ценностные ориентации и политические установки жителей ЛНР и ДНР: результаты социологического исследования в 2023 году. *Среднерусский вестник общественных наук* 18(6): 88–102. DOI: 10.22394/2071-2367-2023-18-6-88-102.
4. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н. (2017) Образ исторического прошлого России в представлениях молодежи Крыма и Севастополя: результаты прикладного исследования. *Парадигмы и истории общественного развития* (6–7): 51–61.
5. Внукова Л.Б., Власкина Т.Ю. (2021) Самоидентификация жителей Донбасса в контексте социально-политических воззрений: социально-лингвистический аспект. *Вестник Томского государственного университета* (463): 73–86. DOI: 10.17223/15617793/463/10.
6. Гальченко А.С. (2020) Исследование консолидирующих факторов формирования гражданской идентичности студенческой молодежи (на примере Республики Крым). *Гуманитарные науки* (2(50)): 38–45.
7. Гаман-Голутвина О.В. (2024) Концепт идентичности: движение от абстрактного к конкретному. *Полис. Политические исследования* (3): 177–191. DOI: 10.17976/jpps/2024.03.12.
8. *Гражданская идентичность и межэтнические отношения в Крыму. Полевая этностатистика* (2016) Сост. В.Ю. Зорин, Р.А. Старченко, В.В. Степанов. М.: Летний сад.
9. Дробижина Л.М., Арутюнова Е.М., Рыжова С.В., Фадеев П.В., Щеголькова Е. (2021) Ключевые консолидаторы российской идентичности. В: *Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты*. М.: ФНИСЦ РАН. С. 37–48.
10. Евгеньева Т.В. (2024) Символическое пространство как фактор формирования российской идентичности жителей Республики Крым и города Севастополя. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета* 14(2): 109–114. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-2-109-114.
11. Задорин И.В. (2018) Регионы «рубеза»: территориальная идентичность и восприятие «особости». *Полития* (2(89)): 102–136. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-102-136.
12. Герасимов А.В. (ред.) (2019) *Идентичность населения в условиях российско-украинского приграничья: проблемы социального конструирования и динамика повседневных практик: Аналитический отчет социологического исследования*. Луганск: Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко; «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».
13. Кармазіна М.С. (2016) *Політичні ідентичності в сучасній Україні: міська громада Донецька*. Київ: Інститут політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України.
14. Касьянов Г.В. (2018) *Past Continuous: Исторична політика 1980-х – 2000-х: Україна та сусіди*. Київ: Лаурус; Антропос–Логос–Фильм, 2018.
15. Киселева Н.В., Мальгин А.В., Петров В.П., Форманчук А.А. (2015) *Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения*. Симферополь: Салта.
16. Князева Е.В. (2013) Самоидентификация населения Южноукраинского региона: «неукротимость примордиального». *Социальные идентичности в динамике институционального и самоорганизационного*. Одесса: ВМВ. С. 267–284.
17. Коджа Е.А. (2022) Взаимосвязь идентичностей, аккультурационных ожиданий и психологического благополучия русских жителей Крыма. *Психологические исследования* 15(82): 3. DOI: 10.54359/ps.v15i82.1084.
18. Куделя С. (2014) Донбасский разлом. *Контрапункт* (1): 1–13.
19. Куделя С. (2015) Внутренние источники донбасского восстания. *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры* (2): 25–33.
20. Кудрейко И.А. (2018) Донецкий региолект в его статусных характеристиках: фонетический аспект. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета* (5(128)): 122–126.
21. Кульбачевская О.В. (2019) Этносоциальная ситуация и межэтнические отношения в Крыму. *Вестник антропологии* (4(48)): 106–119. DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/106-118.

22. Лапкин В.В. (2023) Сложное общество. В: *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. М.: Весь Мир. С. 36–44.
23. Мчедлова М.М., Саркисян О.Л. (2021) Гражданская идентичность: разнообразие смыслов и достижение солидарности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология* 23(4): 648–658. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-648-658.
24. Наконечный М.В. (2015) Проблема регіоналізованої ідентичності Донбасу в контексті національної ідентичності України та реінтеграції регіону. *Глея* (98): 394–397.
25. Нелина Л.П., Ярмак О.В., Ирхин А.А. (2020). Исторический компонент государственно-гражданской идентичности студенческой молодежи Республики Крым и Севастополя. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Философия. Политология. Культурология* 6(1): 116–127.
26. Пахоменко С.П. (2015) Фактор ідентичності в українській кризі: приклад Донбасу. *Вісник Маріупольського державного університету. Сер.: Історія. Політологія* (12): 245–253.
27. Попова О.В. (2019) Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок российских исследователей. *Южно-Российский журнал социальных наук* 20(4): 74–91. DOI: 10.31429/26190567-20-4-74-91.
28. Пупыкин Р.А. et al. (2022) *Русский Донбасс: фронты и фронтиры*. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета.
29. Руденко М.В., Онопко О.В. (2021) Доктрина «Русский Донбасс»: идейно-теоретические основы и политическое значение. *Вопросы национализма* (1(33)): 126–133. DOI: 10.24412/2218-1229-2021-1-126-133.
30. Рябинин Е.В. (2025) *Украина против Донбасса: Война идентичностей*. М.: Вече.
31. Савин С.Д. (2019) Национальная идентичность и историческое сознание крымчан (по материалам социологического исследования). *Миф. Культура. Этнос*. Симферополь: Ариал. С. 133–140.
32. Самаркина И.В., Башмаков И.С. (2023) Политика формирования гражданской идентичности молодежи в новых субъектах РФ: модели и технологии. *Южно-российский журнал социальных наук* 24(4): 87–102. DOI: 10.31429/26190567-24-4-87-102.
33. Семенов И.С. et al. (2017) Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве. *Полис. Политические исследования* (5): 54–78. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.05.
34. Семенов И.С. (отв. ред.) (2017) *Идентичность: Личность, общество, политика*. М.: Весь Мир.
35. Семенов И.С. (отв. ред.) (2023) *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. М.: Весь Мир.
36. Сенюшкина Т.А. (науч. ред.) (2022) *Национальная идентичность и коллективная память: между прошлым и будущим*. Симферополь: Н. Оріанда.
37. Сосновский Д.В. (2013) Современная крымская региональная идентичность: опыт и перспективы. *Этносоциум и межнациональная культура* (5(59)): 164–173.
38. Татаринев И.Е. (2020) Трансформации идентичностей в эпоху глобализации (на примере российско-украинского приграничья на Донбассе). В: *Глобалистика–2020: Глобальные проблемы и будущее человечества*. М.: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева. С. 578–584. DOI: 10.46865/978-5-901640-33-3-2020-578-584.
39. Токарев А.А. (2016) Будущее Донбасса: сравнительный анализ российского, грузинского и молдавского опыта решения проблем с сецессиями. *Регионоведение* (3): 30–48.
40. Федоровский Ю.Р. (2020) Интернациональное Движение Донбасса – первые донецкие автономисты. *Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки* (3): 66–78.
41. Хобта С.В. (2013) Граница, национальная и региональная идентичности в восприятии жителей Донбасса. *Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Соціологічні науки* 23(282): 64–77.

42. Цуприк М.И. (2023) Политическая идентичность жителей Республики Крым в контексте специальной военной операции. *Закон и власть* (2): 26–29.
43. Черкашин К.В., Теркулов В.И., Тамерьян Т.Ю. (2023) Этническая самоидентификация жителей Донбасса. *Политическая лингвистика* (1(97)): 113–128. DOI: 10.26170/1999-2629_2023_01_13.
44. Юрченко С.В. et al. (2024) *Республика Крым в кросскультурных измерениях социополитической ситуации 2014–2024 гг.* Симферополь: Изд-во Типография «Ариал».
45. Blackburn M. (2022) The Persistence of the Civic–Ethnic Binary: Competing Visions of the Nation and Civilization in Western, Central and Eastern Europe. *National Identities* 24(5): 461–480. DOI: 0.1080/14608944.2021.2006169.
46. Bourdieu P. (1989) Social Space and Symbolic Power. *Sociological Theory* 7(1): 14–25.
47. Castells M. (2009) *The Power of Identity, 2nd edition, with a New Preface.* Hoboken, N.J.: Wiley-Blackwell.
48. Hart D., Richardson C. & Wilkenfeld B. (2011) Civic Identity. In: Schwartz S., Luyckx K. & Vignoles V. (eds.) *Handbook of Identity Theory and Research.* New York: Springer. P. 771–787.
49. Henke N. (2020) *Identity and Nation-Building in Ukraine: Reconciliation of Identities from a Conflict Prevention Perspective.* ECMI Research Paper No 125. Flensburg: The European Centre for Minority Issues (ECMI).
50. Knott E. (2018) Identity in Crimea Before Annexation: A Bottom-Up Perspective. In: Kolstø P. & Blakkisrud H. (eds.) (2018) *Russia Before and After Crimea: Nationalism and Identity, 2010–2017* Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 282–305.
51. Laclau E. (ed.) (1994) *The Making of Political Identities.* London: Verso.
52. Malyarenko T. & Wolff S. (2019) Identity and Identity-Building in Donbas Before and After the Beginning of the Conflict. In: *The Dynamics of Emerging De-Facto States: Eastern Ukraine in the Post-Soviet Space.* Milton Park, Abingdon: Routledge. P. 30–43. DOI: 10.4324/9780429448409-4.
53. McCrone D. & Bechhofer F. (2015) *Understanding National Identity.* Cambridge: Cambridge University Press.
54. Sakwa R. (2015) *Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands.* London: IB Tauris.
55. Sasse G. & Lackner A. (2018) War and Identity: the Case of the Donbas in Ukraine. *Post-Soviet Affairs* 34(2–3): 139–157. DOI: 10.1080/1060586X.2018.1452209.
56. Zeveleva O. & Bludova A. (2019) Borders Moving Across People: Narratives of Belonging Among Crimean Youth After 2014. *Current Sociology* 67(7): 1056–1076. DOI: 10.1177/0011392119846929.

Comparative Politics. Volume 16. No. 3. July–September / 2025
DOI 10.46272/2221-3279-2025-3-16-5

FACTORS OF STRENGTHENING RUSSIAN IDENTITY IN CRIMEA AND DONBASS IN THE CONTEXT OF MEMORY POLITICS AND SYMBOLIC POLICY

Dr. Andrey V. BARANOV – Professor, Department of Political Science and Political Management, Kuban State University.

ORCID 0000-0001-7109-3062. E-mail: baranovandrew@mail.ru
149 Stavropol'skaya Street, Krasnodar, Russia, 350040.

Received August 4, 2024

Accepted October 22, 2025

Abstract: The study aims to identify the similarities and differences between the factors of strengthening Russian national identity in Crimea and Donbas (2014–2024) in the context of memory policy and symbolic policy. The research question is what is the combination of factors for strengthening Russian identity in the new subjects of the federation and why there are differences in the prevalence of Russian identity in the compared regions. The methodological basis of the research is social constructivism. Systematic, comparative–functional and cross–regional comparative analysis methods are used. A cross–temporal comparison of the results of questionnaires and population censuses is carried out. Such factors of strengthening Russian identity in Crimea and Donbas as the historical memory of regional communities, changes in the ethnic and linguistic composition of the population, urbanization, and the composition and practices of the subjects of identity politics have been identified. Based on the results of questionnaires and population censuses, it was found that middle-aged and elderly people, ethnic Russians, men, and residents of large cities with higher education are most likely to share Russian national identity. The multiethnic and multi-confessional communities of Crimea and Donbass determine the uneven strengthening of Russian identity; this process also depends on the duration of the policy aimed at reintegration with Russia. Therefore, Russian identity in Crimea, especially in industrial cities (Sevastopol, Kerch), is more consolidated than in the recently liberated areas of Donbass, for example, Mariupol. The research reveals the composition of the subjects of identity policy in the new subjects of the federation, which include federal and regional governmental bodies, local governments, political parties, educational institutions and museums, national cultural and religious organizations. Comparing the results of opinion polls, despite their fragmentary nature, the study assumes that the strengthening of Russian identity in Crimea and Donbas was noted in the context of a Special military operation. This is due to the actualization of historical traditions, the adaptation of society to military conditions, and the consolidation of Russian society in the face of a geopolitical threat.

Keywords: Russian identity, identity policy, factors of strengthening identity, the direction of identity policy, memory policy, symbolic policy, Crimea, Donbass

References:

1. Achkasov V.A. (2013) Politika identichnosti v sovremennom mire [Identity politics in the modern world]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 6: Filofofiia. Kul'turologiia. Politologiia. Prava. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Bulletin of St. Petersburg State University. Serie 6: Philosophy. Cultural studies. Political science. Law. International Relations](4): 71–77. (In Russian).
2. Baranov A.V. (2023) Sotsiokul'turnaia integratsiia rossiiskogo obshchestva pod vlianiem Ukrainского krizisa 2013–2022 gg. i zadachi politiki identichnosti [Sociocultural Integration of Russian Society under the Influence of the Ukrainian Crisis of 2013–2022 and the Identity Policy's Purposes]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting] (1(169)): 10–23. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-1-10-23. (In Russian).
3. Blackburn M. (2022) The Persistence of the Civic–Ethnic Binary: Competing Visions of the Nation and Civilization in Western, Central and Eastern Europe. *National Identities* 24(5): 461–480. DOI: 0.1080/14608944.2021.2006169.
4. Bourdieu P. (1989) Social Space and Symbolic Power. *Sociological Theory* 7(1): 14–25.
5. Brodovskaya E.V. & Dombrovskaya A.Y. (2023) Tsennostnye orientatsii i politicheskie ustanovki zhitelei LNR i DNR: rezul'taty sotsiologicheskogo issledovaniia v 2023 godu [Value Orientations and Political Attitudes of Residents of the LPR and DPR: Results of a Sociological Study in 2023]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences] 18(6): 88–102. DOI: 10.22394/2071-2367-2023-18-6-88-102. (In Russian).

6. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu. & Karzubov D.N. (2017) *Obraz istoricheskogo proshlogo Rossii v predstavleniakh molodezhi Kryma i Sevastopolia: rezul'taty prikladnogo issledovaniia* [The Image of Russian History in the Crimean and Sevastopol Student's Attitudes: The Results of Applied Research] *Paradigmy i istorii obshchestvennogo razvitiia* [Paradigms and histories of social development] (6–7): 51–61. (In Russian).
7. Castells M. (2009) *The Power of Identity, 2nd edition, with a New Preface*. Hoboken, Wiley-Blackwell.
8. Cherkashin K.V., Terkulov V.I. & Tamer'yan T.Yu. (2023) *Etnicheskaia samoidentifikatsiia zhitelei Donbassa* [Self-identification of Donbas Residents]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics] (1(97)): 113–128. DOI: 10.26170/1999-2629_2023_01_13. (In Russian).
9. Drobizheva L.M. et al. (2021) *Kliuchevye konsolidatory rossiiskoi identichnosti* [Key consolidators of Russian identity]. In: *Soderzhatel'nye osnovy rossiiskoi identichnosti. Regional'nyi i etnokul'turnyi konteksty* [The substantial foundations of Russian identity. Regional and ethnocultural contexts]. Moscow, FNIST RAS. P. 37–48. (In Russian).
10. Evgenieva T.V. (2024) *Simvolicheskoe prostranstvo kak faktor formirovaniia rossiiskoi identichnosti zhitelei Respubliki Krym i goroda Sevastopolia* [Formation of Russian Identity in the Crimea and Sevastopol City]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanitarian and Social Sciences. Bulletin of the Financial University] 14(2): 109–114. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-2-109-114. (In Russian).
11. Fedorovskii Iu.R. (2020) *Internatsional'noe Dvizhenie Donbassa – pervye donetskie avtonomisty* [The International Movement of Donbass – the first Donetsk autonomists]. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya B: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities] (3): 66–78.
12. Gal'chenko A.S. (2020) *Issledovanie konsolidiruiushchikh faktorov formirovaniia grazhdanskoj identichnosti studencheskoi molodezhi (na primere Respubliki Krym)* [The study of consolidating factors in the formation of the civic identity of students (on the example of the Republic of Crimea)]. *Gumanitarnye nauki* [Humanities] (2(50)): 38–45.
13. Gaman-Goluvina O.V. (2024) *Kontsept identichnosti: dvizhenie ot abstraktnogo k konkretnomu* [The Concept of Identity: Movement from the Abstract to the Concrete], *POLIS. Politicheskie issledovaniia* [POLIS. Political Studies] (3): 177–191. DOI: 10.17976/jpps/2024.03.12. (In Russian).
14. *Grazhdanskaia identichnost' i mezhetnicheskie otnosheniia v Krymu. Polevaia etnostatistika* [Civil identity and interethnic relations in Crimea. Field ethnostatistics] (2016) Compiled by V.Ju. Zorin, R.A. Starchenko, V.V. Stepanov. Moscow: Letnii sad. (In Russian).
15. Hart D., Richardson C. & Wilkenfeld B. (2011) *Civic Identity*. In: Schwartz S., Luyckx K. & Vignoles V. (eds.) *Handbook of Identity Theory and Research*. New York: Springer. P. 771–787.
16. Henke N. (2020) *Identity and Nation-Building in Ukraine: Reconciliation of Identities from a Conflict Prevention Perspective*. ECMI Research Paper No 125. Flensburg: The European Centre for Minority Issues (ECMI).
17. Gerasimova A.V. (ed.) (2019) *Identichnost' naseleniia v usloviakh rossiisko-ukrainskogo prigranich'ia: problemy sotsial'nogo konstruirovaniia i dinamika povsednevnykh praktik: Analiticheskii otchet sotsiologicheskogo issledovaniia* [The identity of the population in the conditions of the Russian-Ukrainian border area: problems of social construction and the dynamics of everyday practices: An analytical report of a sociological study]. Lugansk: Luganskii natsional'nyi universitet imeni Tarasa Shevchenko; «Luganskii gosudarstvennyi universitet imeni Vladimira Dalia. (In Russian).
18. Iurchenko S.V. et al. (2024) *Respublika Krym v krosskul'turnykh izmereniakh sotsiopoliticheskoi situatsii 2014–2024 gg.* [The Republic of Crimea in Cross-Cultural Dimensions of the Sociopolitical Situation 2014–2024]. Simferopol: Arial. (In Russian).
19. Karmazina M.S. (2016) *Politichni identichnosti v suchasniï Ukraïni: mis'ka gromada Donets'ka* [Political identities in contemporary Ukraine: the local community of Donetsk]. Kyiv: Institute of Political and Ethnonational Studies after I.F. Kuras of the National Academy of Sciences of Ukraine. (In Ukrainian).

20. Kas'ianov G.V. (2018) *Past Continuous: Istorichna politika 1980-kh – 2000-kh: Ukraina ta susidi [Past Continuous: Historical Policy of 1980th–2000th: Ukraine and its Neighbors]*. Kiev, Laurus: Antropos-Logos-Fil'm. (In Ukrainian).
21. Khobta S.V. (2013) Granitsa, natsional'naia i regional'naia identichnosti v vospriatii zhitelei Donbassa [Border, national and regional identities in the perception of residents of Donbass]. *Visnik Lugans'kogo natsional'nogo universitetu imeni Tarasa Shevchenka. Sotsiologichni nauki [Bulletin of Luhansk Taras Shevchenko National University. Sociological Sciences]* 23(282): 64–77. (In Ukrainian).
22. Kiselyova N.V. et al. (2015) *Etnopoliticheskie protsessy v Krymu: istoricheskii opyt, sovremennye problemy i perspektivy ikh resheniia [Ethnopolitical Processes in Crimea: the Historical Experience, Contemporary Challenges and Solution Prospects]*. Simferopol: Salta.
23. Knott E. (2018) Identity in Crimea Before Annexation: A Bottom-Up Perspective. In: Kolstø P. & Blakkisrud H. (eds.) (2018) *Russia Before and After Crimea: Nationalism and Identity, 2010–2017*. Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 282–305.
24. Knyazeva E.V. (2013) Samoidentifikatsiia naseleniia luzhnoukrainskogo regiona: "neukrotimost' primordial'nogo". [Self-Identification of the Population of the South Ukrainian Region: "The Indomitability of the Primordial"]. In: *Sotsial'nye identichnosti v dinamike institutsional'nogo i samoorganizatsionnogo [Social Identities in the Dynamics of Institutional and Self-Organization]*. Odessa: VMV. P. 267–284. (In Russian).
25. Kodzha E.A. (2022) Vzaimosviaz' identichnostei, akkul'turatsionnykh ozhidanii i psikhologicheskogo blagopoluchiiia russkikh zhitelei Kryma [The Relationship Between Identities, Acculturation Expectations and Psychological Well-Being of Russians in the Crimea]. *Psikhologicheskie issledovaniia [Psychological Studies]* 15(82): 3. DOI: 10.54359/ps.v15i82.1084. (In Russian).
26. Kudelia S. (2014) Donbasskii razlom [Donbass Rift]. *Kontrapunkt [Contrapunkt]* (1): 5–13. (In Russian).
27. Kudelia S. (2015) Vnutrennie istochniki donbasskogo vosstaniia [Internal Causes of the Donbass Uprising]. *Forum noveishei vostochnoevropeiskoi istorii i kul'tury [Forum of the Current Eastern European History and Culture]* (2): 25–33. (In Russian).
28. Kudreiko I.A. (2018) Donetskii regiolekt v ego statusnykh kharakteristikakh: foneticheskii aspekt [Donetsk regional dialect in its status characteristics: phonetic aspect]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University]* (5(128)): 122–126. (In Russian).
29. Kulbachevskaya O.V. (2019) Etnosotsial'naia situatsiia i mezhetnicheskie otnosheniia v Krymu [Ethno-social Situation and Interethnic Relations in Crimea]. *Vestnik antropologii [Herald of Anthropology]* (4(48)): 106–118. DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/106-118. (In Russian).
30. Laclau E. (ed.) (1994) *The Making of Political Identities*. London, Verso.
31. Lapkin V.V. (2023) Slozhnoe obshchestvo [A Complex Society]. In: *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polia [Identity: The Individual, Society and Politics. New Outlines of the Research Field]*. Moscow: Ves' Mir. P. 36–44. (In Russian).
32. Malyarenko T. & Wolff S. (2019) Identity and Identity-Building in Donbas Before and After the Beginning of the Conflict. In: *The Dynamics of Emerging De-Facto States: Eastern Ukraine in the Post-Soviet Space*. Milton Park, Abingdon: Routledge. P. 30–43.. DOI: 10.4324/9780429448409-4.
33. McCrone D. & Bechhofer F. (2015) *Understanding National Identity*. Cambridge, Cambridge University Press.
34. Mchedlova M.M. & Sargsyan H.L. (2021) Grazhdanskaia identichnost': raznoobrazie smyslov i dostizhenie solidarnosti [Civic Identity: Diversity of Meanings and Achievement of Solidarity]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii: Politologiya [RUDN Journal of Political Science]* 23(4): 648–658. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-648-658. (In Russian).

35. Nakonechny M.V. (2015) Problema regionalizovanoi identichnosti Donbasu v konteksti natsional'noi identichnosti Ukraini ta reintegratsii regionu [The problem of regional identity of Donbass in the context of national identity of Ukraine and the reintegration of the region]. *Gileia [Gileya]* (98): 394–397. (In Ukrainian).
36. Nelina L.P., Yarmak O.V., Irkhin A.A. (2020). Istoricheskii komponent gosudarstvenno-grazhdanskoi identichnosti studencheskoi molodezhi Respubliki Krym i Sevastopolia [The historical component of the state-civic identity of the student youth of the Republic of Crimea and Sevastopol]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Filozofia. Politologiya. Kul'turologiya [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University of Philosophy. Political science. Cultural studies]* 6(1): 116–127. (In Russian).
37. Pakhomenko S.P. (2015) Faktor identichnosti v ukrains'kii krizi: priklad Donbasu [Identity Factor in Terms of Ukrainian Crisis (on the Example of Donbass Region)]. *Visnik Mariupol's'kogo derzhavnogo universitetu. Ser.: Istorii. Politologiya [Bulletin of the Mariupol State University. Serie: History. Political Science]* (12): 245–253. (In Ukrainian).
38. Popova O.V. (2019) Gosudarstvennaia politika identichnosti kak teoreticheskii konstrukt i real'naia praktika: opyt ekspertnykh otsenok rossiiskikh issledovatelei [Identity Policy at National Level as a Theoretical Construct and Real Practice: Expert Assessments Attempt]. *Iuzhno-Rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk [South Russian Journal of Social Sciences]* 20(4): 74–91. DOI: 10.31429/26190567-20-4-74-91. (In Russian).
39. Pupykin R.A. et al. (2022) *Russkii Donbass: fronty i frontiry [Russian Donbass: Fronts and Frontiers]*. Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of the Southern Federal University. (In Russian).
40. Riabinin E.V. (2025) *Ukraina protiv Donbassa: Voina identichnosti [Ukraine Against Donbass: The War of Identities]*. Moscow: Veche Press. (In Russian).
41. Rudenko M.V. & Onopko O.V. (2021) Doktrina "Russkii Donbass": ideino-teoreticheskie osnovy i politicheskoe znachenie [The Doctrine of 'Russian Donbass': Ideological and Theoretical Foundations and Political Significance]. *Voprosy natsionalizma [Studies in Nationalism]* (1(33)): 126–133. DOI: 10.24412/2218-1229-2021-1-126-133. (In Russian).
42. Sakwa R. (2015) *Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands*. London: IB Tauris.
43. Samarkina I.V. & Bashmakov I.S. (2023) Politika formirovaniia grazhdanskoi identichnosti molodezhi v novykh sub"ektakh RF: modeli i tekhnologii [The Policy of Youth Civic Identity Formation in the New Subjects of the Russian Federation: Models and Technologies]. *Iuzhno-Rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk [South Russian Journal of Social Sciences]* 24(4): 87–102. DOI: 10.31429/26190567-24-4-87-102. (In Russian).
44. Sasse G. & Lackner A. (2018) War and Identity: the Case of the Donbas in Ukraine. *Post-Soviet Affairs* 34(2–3): 139–157. DOI: 10.1080/1060586X.2018.1452209.
45. Savin S.D. (2019) Natsional'naia identichnost' i istoricheskoe soznanie krymchan (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia) [National identity and historical consciousness of the Crimeans (based on the materials of a sociological study)]. In: *Mif. Kul'tura. Etnos [Myth. Culture. Ethnic group]*. Simferopol: Arial. P. 133–140. (In Russian).
46. Semenenko I.S. (ed.) (2017) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika [Identity: The Individual, Society, and Politics]*. Moscow: Ves' Mir. (In Russian).
47. Semenenko I.S. (ed.) (2023) *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polia [Identity: personality, society, politics. New contours of the research field]*. Moscow: Ves' Mir. (In Russian).
48. Semenenko I.S. (ed.) (2023) Mezhdru gosudarstvom i natsiei: dilemmy politiki identichnosti na postsovet'skom prostranstve [Between the State and the Nation: Dilemmas of Identity Policy in Post-Soviet Societies]. *POLIS. Politicheskie issledovaniia [POLIS. Political Studies]* (5): 54–78. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.05. (In Russian).
49. Seniushkina T.A. (ed.) (2022) *Natsional'naia identichnost' i kollektivnaia pamiat': mezhdru proshlym i budushchim [National Identity and Collective Memory: Between Past and Future]*. Simferopol: N. Orianda. (In Russian).

50. Sosnovskii D.V. (2013) Sovremennaiia krymskaia regional'naia identichnost': opyt i perspektivy [Contemporary Crimean regional identity: experience and prospects]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naia kul'tura [Ethnosocium and Interethnic Culture]* (5(59)): 164–173. (In Russian).
51. Tatarinov I.E. (2020) Transformatsii identichnostei v epokhu globalizatsii (na primere rossiisko-ukrainskogo prigranich'ia na Donbasse) [Transformations of identities in the era of globalization (on the example of the Russian-Ukrainian border area in the Donbass)]. In: *Globalistika–2020: Global'nye problemy i budushchee chelovechestva [Globalistics 2020: Global problems and the future of mankind]*. Moscow: Interregional Public Organization for the Promotion of the Study and Propaganda of Scientific Heritage of N.D. Kondratyev. P. 578–584. (In Russian).
52. Tokarev A.A. (2016) Budushchee Donbassa: sravnitel'nyi analiz rossiiskogo, gruzinskogo i moldavskogo opyta resheniia problem s setsessiiami [The Future of the Donbass: A Comparative Analysis of the Russian, Georgian and Moldovan Experience of Solving Secession Problems]. *Regionologiya [Regionology]* (3): 30–48. (In Russian).
53. Tsuprik M.I. (2023) Politicheskaia identichnost' zhitelei Respubliki Krym v kontekste spetsial'noi voennoi operatsii [Political Identity of Residents of the Republic of Crimea in the Context of a Special Military Operation]. *Zakon i vlast' [Law and Power]* (2): 26–29. (In Russian).
54. Vnukova L.B. & Vlaskina T.Yu. (2021) Samoidentifikatsiia zhitelei Donbassa v kontekste sotsial'no-politicheskikh vozzrenii: sotsial'no-lingvisticheskii aspekt [Self-Identification of Donbas Residents in the Context of Socio-Political Views: A Sociolinguistic Aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]* (463): 73–86. DOI: 10.17223/15617793/463/10. (In Russian).
55. Zadorin I.V. (2018) Regiony "rubezha": territorial'naia identichnost' i vospriiatie "osobosti" [Regions of the "frontier": territorial identity and perception of "specialness"]. *Politiia [Polity]* (2(89)): 102–136. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-102-136. (In Russian).
56. Zeveleva O. & Bludova A. (2019) Borders Moving Across People: Narratives of Belonging Among Crimean Youth After 2014. *Current Sociology* 67(7): 1056–1076. DOI: 10.1177/0011392119846929.

КОГНИТИВНЫЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ КООРДИНАТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Елизавета ДЕГТЯРЕВА
МГИМО МИД России

Аннотация: Настоящая статья посвящена сравнительному анализу концепций когнитивной и информационной войны в отечественной и зарубежной научной традиции. В условиях цифровизации и усложнения коммуникационных процессов особую актуальность приобретает исследование новых форм нематериального противоборства, направленных на трансформацию поведения индивидов, а также изменение устойчивых когнитивных схем восприятия, интерпретации и последующего реагирования индивида на информацию. Целью исследования является разграничение понятий «информационная война» и «когнитивная война» на основе сравнительного подхода, с выделением их понятийных границ и ключевых характеристик. В ходе исследования были установлены как общие черты, так и принципиальные различия между двумя типами войн по критериям объекта, цели, методов/инструментов воздействия и ожидаемых результатов. Выявлено, что когнитивная война представляет собой усовершенствованную форму нематериального воздействия, акцентированную на изменение когнитивных процессов восприятия и осмысления реальности. Определены перспективы институционализации когнитивных войн в условиях развития нейронаук, технологий управления вниманием и искусственного интеллекта. На основе проведенного анализа предложено уточненное определение когнитивной войны и обосновано ее место в эволюции стратегических конфликтов современности. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего развития концептуальной базы когнитивных войн, а также для формирования практических рекомендаций по противодействию подобным угрозам. Выводы статьи акцентируют необходимость междисциплинарного подхода, интегрирующего достижения нейро- и когнитивных наук, для более глубокого понимания природы современных политических конфликтов.

Ключевые слова: когнитивная война, информационная война, когнитивные операции, когнитивная наука, когнитивное воздействие, политические конфликты, управление сознанием, нейронауки, нейроподход в политологии, нейрополитика

Елизавета Борисовна Дегтярева – аспирант, кафедра сравнительной политологии МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-7163-6941. E-mail: golden_miller@mail.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 23.02.2025

Принята к публикации: 18.08.2025

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № 125100111050-3 «Когнитивная война и гражданская идентичность: влияние информационных воздействий на рациональность поведения»).

За последние десятилетия формат ведения войны претерпел значительные изменения. Несмотря на то, что главным атрибутом войны по-прежнему считается вооруженная борьба, в условиях стремительной цифровизации, глобализации коммуникационных процессов и усложнения механизмов воздействия на массовое сознание на первый план все интенсивнее выходят новые технологии – социо-гуманитарные. Их разработка предоставляет возможность реализовывать новые техники управления восприятием, убеждениями и поведением индивидов без использования традиционных средств вооруженной борьбы. В этом контексте особую актуальность приобретает исследование новых форм нематериального противоборства, направленных не только на воздействие на информационные потоки и инфраструктуру, но и на когнитивную сферу личности – включая механизмы восприятия, осмысления и реагирования на информацию. Все это свидетельствует о формировании нового уровня контроля в условиях современного политического конфликта.

Как в зарубежной, так и в отечественной научной традиции информационная война уже давно занимает устойчивые позиции и осмысливается в многообразии подходов. Вместе с тем когнитивная война как феномен, предполагающий глубинное воздействие на способы мышления индивидов, остается концептуально неустойчивой категорией. При этом в международной практике когнитивная война все чаще рассматривается как качественно новая ступень эволюции нематериальных форм противоборства¹. Это, в свою очередь, требует ее теоретического осмысления и разграничения с информационной войной, а также прояснения понятийных границ явлений.

Целью данной статьи является разграничение двух существующих концепций – информационной и когнитивной войн – на основе сравнительного анализа исследований в области когнитивного и информационного противоборства в отечественной и зарубежной политической науке, с последующим выявлением их понятийных границ.

В соответствии с заявленной целью в статье решается ряд исследовательских задач. Сначала рассматривается понятие информационной войны в интерпретации как российской, так и зарубежной научной традиции; далее анализируется феномен когнитивной войны в контексте обеих научных школ. Завершается исследование сравнением обоих понятий по ряду ключевых параметров, что позволяет выявить как точки их пересечения, так и принципиальные различия, демонстрирующие специфику когнитивного воздействия как нового этапа в эволюции нематериальных форм противоборства. Методологической основой исследования выступает сравнительный подход, применяемый для анализа различных теоретических трактовок,

¹ Например, в таких документах, как: Du Cluzel F. (2021) *Cognitive Warfare. Innovation Hub, NATO ACT*. Available at: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/20210113_CW-Final-v2-.pdf (accessed 10 May 2025); Claverie B., Prebot B., Buchler N., Du Cluzel F. (2021) *Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance. NATO Collaboration Support Office*. Available at: <https://hal.science/hal-03635898/document> (accessed 10 May 2025).

представленных в отечественной и зарубежной школах. В качестве критериев сопоставления используются объект воздействия, цель воздействия, применяемые инструменты и методы, а также ожидаемые результаты. Научная новизна проведенного исследования заключается в комплексном сопоставлении концепций информационной и когнитивной войн на основе ключевых критериев, что позволяет выявить как их общие черты, так и принципиальные различия. В работе актуализированы и систематизированы отечественные и зарубежные подходы к пониманию феномена когнитивной войны, а также предложено уточненное понятийное разграничение между информационным и когнитивным воздействием. Обосновано, что когнитивная война представляет собой усовершенствованную форму противоборства, ориентированную не столько на содержание информации, сколько на процессы ее восприятия, осмысления и интерпретации. Кроме того, в исследовании определены перспективы институционализации когнитивных войн как самостоятельного направления нематериального противоборства в условиях стремительного развития нейронаук, цифровых технологий и стратегий управления массовым сознанием.

Информационные войны: понятийные характеристики и подходы в российской и зарубежной традициях

Несмотря на то, что манипулирование информацией в военной сфере не является новшеством (Каткова & Юношкина, 2022), развитие цифровых технологий в XX в. позволило кардинально расширить его охват. При сохранении прежнего содержания информационное воздействие обрело способность проникать в новые сферы общественной жизни: если раньше оно служило вспомогательным инструментом боевых действий, то в современную эпоху стало проникать и в гражданское поле, трансформируя как общественное мнение и политические установки, так и модели повседневного поведения. Это позволяет говорить о его всеобъемлющем характере.

Концепция информационных войн впервые оформилась в США, где она нормативно была закреплена как термин², а позже получила концептуальное развитие и в других государствах. Хотя интерес к теме информационных войн проявляют многие государства, в научной литературе особое внимание уделяется подходам США, КНР и России – трех стран, которые демонстрируют наиболее активную и системную разработку собственных стратегий информационного противоборства (Гончаров, 2022). В связи с этим именно американская, китайская и российская модели становятся предметом дальнейшего анализа в настоящей статье.

Американский подход к теоретизации информационных войн представлен, прежде всего, трудами Т. Роны, которого считают основоположником соответствующей концепции благодаря введению термина «*information*

² *United States Department of Defense* (1992) Information Warfare. Directive TS-3600. Available at: <https://archive.org/details/14F0492Doc01DirectiveTS3600.1> (accessed 27 April 2025).

war» (Rona, 1976). В его понимании ключевым объектом поражения выступали информационные системы соперника. С течением времени термин вошел в профессиональный оборот в военной среде, а объектом поражения стали считаться не только технические системы, но и психологические аспекты восприятия³. Значимый вклад в развитие концепции внес Р. Шафрански (Szafranski, 1995), предложивший определять в качестве объекта воздействия в рамках информационных войн систему знаний и убеждений лиц, принимающих решения в стране-противнике. Существенный вклад в развитие американского подхода внес М. Либики (Libicki, 1995), который предложил одну из первых систематизаций форм информационного противоборства, определив его как комплекс разнородных воздействий, направленных на подрыв способности противника к принятию решений. Таким образом, в американской научной и военной традиции информационная война рассматривается как комплекс мероприятий, направленных на воздействие на информационные системы противника и защиту собственных, а также на процессы принятия решений с целью достижения информационного превосходства над соперником с помощью электронных технологий и пропаганды.

В китайской научной традиции информационные войны трактуются преимущественно как действия, направленные на разрушение, нейтрализацию или перехват информационных систем противника, включая каналы управления и связи. Китайский подход представляет собой эволюцию исторически укоренившихся традиций стратегической дезинформации, зафиксированных еще в трактате «Искусство войны» (Сунь-цзы, 1950), и сегодня реализуется преимущественно в инженерно-технологической плоскости – через киберпространство, системы слежения и информационные атаки, выступающие в качестве ключевых инструментов влияния.

Военная модернизация, инициированная КНР в конце XX в. в ответ на успехи США в сфере информационных технологий (Adams, 2001), сопровождалась активным развитием теоретической базы. В частности, В. Пуфэн характеризовал информационную войну как доминирующую форму конфликта XXI в., а саму информацию – как ключ к завоеванию превосходства над соперником (Pufeng, 1997). В свою очередь, В. Баоцунь и Л. Фэй предложили двойную трактовку информационных войн: как командно-контрольной войны, предполагающей физическое воздействие на структуры управления противника, и как всеобъемлющей формы стратегического противоборства, включающей психологическое и сетевое воздействие (Baocun & Fei, 1998). Концепция «интегрированных электронно-сетевых операций» генерала Д. Цинмина расширила техническую сторону подхода благодаря идее согласованного использования кибероружия, средств радиоэлектронной борьбы

³ Например, в таких документах, как: *Department of the Army* (1996) FM 100-6: Information Operations. Washington, DC: Headquarters. Available at: <https://archive.org/details/fm-100-6-information-operations-1996> (accessed 11 May 2025); *United States Department of Defense* (1996) DoDD S-3600.1. Information Operations. Available at: https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/FOID/Reading%20Room/Administration_and_Management/14-F-0492_Directive_S-3600-1.pdf?ver=2017-05-15-135850-893 (accessed 4 April 2025).

и огневого воздействия по информационной инфраструктуре противника с целью разрушения его систем управления и устранения его преимуществ в информационной сфере⁴.

Китайский подход отличается высокой степенью технологизации, а также особым вниманием к информации как ключевому ресурсу государственной мощи и средству защиты суверенитета⁵. В связи с этим отношение к информационной безопасности в Китае имеет более жесткую форму, нежели в американском подходе (Евдокимов, 2011). Таким образом, в рамках китайского подхода информационная война определяется как всестороннее использование информационных технологий (атаки по информационным системам противника, шпионаж, психологические операции, пропаганда и пр.) на системы противника с целью их нейтрализации и обеспечения собственного информационного превосходства на поле боя.

Российский подход является самым сложным для изучения в силу обширной концептуальной разработанности данного явления, что позволяет рассмотреть его под разными углами в рамках пяти направлений (Киреева, 2019). В психологическом направлении (Лисичкин & Шелепин, 2003; Почепцов, 2000a) информационная война трактуется как скрытое воздействие на индивидуальное и массовое сознание. Социально-коммуникативный подход (Павлютенкова, 2001) акцентирует внимание на информации как факторе, способном преобразовываться из вербально-семиотической системы в реальные действия, часто имеющие необратимые последствия для народов и государств, то есть предполагается воздействие не только на индивида, но и на более широкие социальные группы через изменение их когнитивных и поведенческих моделей.

Геополитический подход (Василенко, 2009) рассматривает информационную войну как форму межгосударственного противоборства, направленного на решение внешнеполитических задач путем планомерного воздействия на инфокоммуникационную систему противника с целью формирования благоприятной глобальной информационной среды и установления контроля над пространством. В рамках конфликтологического направления (Манойло, 2005) информационная война интерпретируется как политико-военное противостояние, целью которого выступает достижение контроля над политическим руководством соперника и, следовательно, над массовым сознанием и процессами принятия решений. Наконец, системный подход (Расторгуев, 1998) позволяет интерпретировать информационную войну как сложную систему с большим количеством элементов, связи между которыми носят вероятностный характер.

⁴ Кашин В. (2018) Перерыв подходит к концу? Военная стратегия Китая на современном этапе. *Россия в глобальной политике*, 22 ноября. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/pereryv-podhodit-k-konczu/> (дата обращения: 27.04.2025).

⁵ *United States Department of Defense* (2024) Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. Annual Report to Congress. Available at: <https://media.defense.gov/2024/Dec/18/2003615520/-1/-1/0/MILITARY-AND-SECURITY-DEVELOPMENTS-INVOLVING-THE-PEOPLES-REPUBLIC-OF-CHINA-2024.PDF> (accessed 10 May 2025).

Несмотря на различия в подходах, большинство отечественных концепций сходится в том, что конечным объектом информационного воздействия является сам человек – его убеждения, поведенческие реакции и психоэмоциональное состояние. В центре внимания оказывается не столько технологическая или организационная структура противоборства, сколько трансформация смыслов, норм и стратегий поведения, происходящая через воздействие на когнитивные и эмоциональные механизмы индивидов и сообществ. Это позволяет говорить о более выраженной антропоцентричности российского теоретического дискурса по сравнению с другими подходами.

Как отмечается в работах ряда исследователей (Петренко & Манойло, 2003; Почепцов, 2000b), в отечественной науке наибольшее распространение получил термин «информационно-психологическая война», акцентирующий внимание на воздействие на ценностно-смысловую сферу личности с помощью информационных средств, психологических инструментов и пропаганды. В результате информационное противоборство в российском подходе трактуется как способ трансформации общественного сознания, реализуемый на всех уровнях – от масс до политических элит – посредством пропаганды, информационно-психологических операций и других инструментов с целью трансформации установок и убеждений объектов воздействия.

Анализ показывает, что при сохранении общей направленности на использование информации как средства стратегического воздействия, указанные подходы различаются по ключевым параметрам. *Объектом* воздействия в российском подходе является психо-информационное поле индивида и его сознание; в американском – информационные системы, информация и процессы принятия решений на стороне соперника; в китайском – информационные системы и информация без учета таких абстрактных категорий, как сознание или процессы принятия решений. Так, отечественный подход демонстрирует оперирование сложно формализуемыми характеристиками, связанными с внутренним состоянием и мировоззренческими установками человека, тогда как китайский подход ориентируется на конкретные материальные аспекты. Американская концепция в этом отношении выступает смешанным вариантом, сочетающим элементы обоих подходов.

Цель информационной войны в российском подходе заключается во влиянии на информационно-психологическую сферу индивида, под которой понимается совокупность его устойчивых представлений, ценностей и форм социального поведения; в американском – в контроле и/или манипулировании информационными потоками соперника и процессами принятия решений; в китайском – в нейтрализации информационных систем противника. *Методы и инструменты* ведения информационных войн в целом имеют схожий характер, но варьируются по акцентам. В российском таковыми являются использование ложной информации, пропаганда, информационно-психологические операции и другие формы воздействия. В американском – использование электронных технологий, манипулирование объемами и качеством информации, пропаганда. В китайском – прямые

атаки по информационным системам противника, шпионаж, а также распространение деструктивной информации в интернет-пространстве, включая спам-кампании.

Наконец, *ожидаемый результат* информационного воздействия в каждом из трех подходов также различается. В российской интерпретации он заключается в изменении ценностно-смысловой сферы личности, включая трансформацию установок, убеждений и ориентаций индивида в отношении феномена или явления с целью последующего получения превосходства в значимых сферах государственной жизни. В американском подходе целевым результатом выступает изменение системы знаний соперника с целью достижения информационного превосходства, а китайском – парализация системы управления противника с целью получения превосходства над ним.

Дополнительно следует отметить, что характер информационной войны в российском подходе имеет антропологическую трактовку, центром которой является индивид и воздействие информации на его восприятие окружающей действительности. В китайском, напротив, наблюдается военно-техническая трактовка с акцентом на нейтрализацию информационных систем. Американский подход, в свою очередь, носит смешанный характер, поскольку информационное воздействие здесь рассматривается как элемент более широкой системы принятия решений и институционального управления. Однако в отличие от российской концепции она не акцентирует внимание на антропоцентрическом измерении, ограничиваясь преимущественно уровнем организационно-функциональных структур.

Проведенный сравнительный анализ показывает, что существующие подходы к трактовке информационной войны, несмотря на наличие ряда существенных сходств, демонстрируют и различия. Хотя все три подхода выделяют разные цели и объекты, информационная война в них рассматривается как деятельность, направленная на вмешательство в информационные потоки противника, искажение, блокирование или перенаправление информации с использованием разнообразных технических, психологических и организационных средств. Информационные войны отличаются от других форм конфликтов тем, что акцент в них делается не на физическом воздействии, а на информации как ключевом инструменте достижения поставленных целей, что придает им уникальный характер. Более того, инструменты информационной войны в рамках всех рассмотренных подходов включают использование психологических операций, которые основываются на определенных методах работы с информацией. В связи с этим в российском подходе обоснованно укоренился термин «информационно-психологическая война» в качестве синонима информационного противоборства. Наконец, в рамках всех трех подходов результат информационной войны связан с получением стратегических преимуществ, однако содержание этих преимуществ существенно различается, о чем было сказано выше.

На основе анализа разных подходов информационная война может быть определена как совокупность стратегических действий, направленных

на воздействие на информационные системы и средства коммуникации, процессы принятия решений и (в ряде случаев) психоэмоциональную среду противника с целью достижения информационного превосходства с помощью работы с информацией, средств пропаганды и психологических операций. Данное определение представляет собой обобщенную интерпретацию, учитывающую наиболее репрезентативные элементы трех национальных моделей.

Когнитивные войны: понятийные характеристики и подходы в российской и зарубежной традициях

В контексте технологического прогресса и цифровизации наблюдается рост прикладного интереса к нейронаукам – междисциплинарному направлению, ориентированному на изучение функционирования мозга и психофизиологических основ поведения. В настоящем исследовании вклад нейронаук рассматривается как основа для понимания механизмов восприятия, внимания и реагирования, а также для обоснования методов воздействия на когнитивные и поведенческие процессы. Современные нейрофизиологические данные, в частности, результаты экспериментов с транскраниальной магнитной стимуляцией, демонстрируют, что даже минимальное внешнее вмешательство может незаметно влиять на выбор человека, обходя его осознанный контроль. Это свидетельствует о высокой уязвимости когнитивных механизмов к внешнему воздействию (Lawson et al., 2023)⁶.

Концепция когнитивной войны, активно разрабатываемая НАТО с 2017 г. и введенная в публичное пространство в 2020–2021 гг.⁷, основывается на переосмыслении стратегических коммуникаций и информационных операций. Достижения нейронаук в этом контексте играют ключевую роль: они способствуют углублению понимания процессов мышления, восприятия и принятия решений, а также используются при разработке методов воздействия на когнитивные структуры индивидов⁸. Главный вывод исследований НАТО заключался в признании трансформации формата военных действий в условиях быстрого технологического прогресса, значительного повышения влияния технологий на различные аспекты человеческой жизни и, что особенно важно, последующей информационной перегрузки. Последняя рассматривается как фактор, снижающий способность индивидов к концентрации внимания,

⁶ Rao R. & Stocco A. (2013) Researcher Controls Colleague's Motions in 1st Human Brain-to-Brain Interface. *University of Washington News*. Available at: <https://www.washington.edu/news/2013/08/27/researcher-controls-colleagues-motions-in-1st-human-brain-to-brain-interface/> (accessed 27 April 2025); Trafton A. (2013) Neuroscientists Plant False Memories in the Brain. *MIT News*. Available at: <https://news.mit.edu/2013/neuroscientists-plant-false-memories-in-the-brain-0725> (accessed 26 April 2025).

⁷ Du Cluzel F. (2021) Cognitive Warfare. *Innovation Hub, NATO ACT*. Available at: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/20210113_CW-Final-v2-.pdf (accessed 10 May 2024).

⁸ *Innovation Hub, NATO ACT* (2021) Cognition Workshop Report: Innovative Solutions to Improve Cognition. Norfolk, VA. Available at: <https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/210601-Cognition-Workshop-Report-v3.pdf> (accessed 12 May 2025).

критической оценке информации и принятию рациональных решений, тем самым повышая их уязвимость к когнитивному воздействию. На этом основании был сделан вывод о приближении общества к кризису когнитивных способностей: существует вероятность, что в ближайшем будущем индивидам не хватит когнитивных ресурсов для анализа и восприятия окружающей информации. Это превращает человеческий мозг в объект повышенной уязвимости и, следовательно, в новую «арену ведения войны»⁹. Осознание возможности влияния на когнитивные способности индивида стало толчком для размышлений о появлении нового типа конфликтов – когнитивных войн, что привело к появлению термина «когнитивная война» в доктринальных и аналитических материалах НАТО, ознаменовав тем самым становление новой исследовательской и стратегической парадигмы, прежде всего в странах альянса.

В контексте *западного подхода* в рамках НАТО когнитивная война рассматривается как перспективное направление трансформации современных конфликтов, способное радикально повлиять на характер противоборства без применения традиционных вооруженных средств за счет вмешательства в когнитивные процессы противника¹⁰. И хотя одна из целей когнитивной войны заключается в изменении восприятия индивидов (что незначительно отличает ее от информационных войн), существенным нюансом для зарубежных авторов является сам способ, благодаря которому осуществляется трансформация установок индивидов. Речь идет о специфическом инструментарии нового типа, включающем не только информационные и психоэмоциональные инструменты, но и нейробиологические. К последним относятся технологии нейромодуляции (в том числе с использованием электромагнитных импульсов), нейроинтерфейсы или их прототипы, а также иные средства прямого или опосредованного влияния на нейрофизиологические процессы (Дегтярева, 2025).

Однако остается открытым вопрос о выделении когнитивного воздействия в качестве отдельной формы войны. Критики отмечают, что когнитивная война настолько тесно переплетена с другими доменами, что не представляет собой независимую модель и, следовательно, не может рассматриваться обособлено¹¹. Более того, исследователи поднимают вопрос о том, насколько этично вмешательство в когнитивные процессы индивида без его согласия (Miller, 2023).

Вопросы когнитивного воздействия и управления когнитивными процессами становятся все более актуальными в зарубежной повестке. Активный интерес к данной тематике проявляется как в научных исследованиях,

⁹ Johns Hopkins University & Imperial College London (2021) Countering Cognitive Warfare: Awareness and Resilience. NATO Review. Available at: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html> (accessed 12 May 2025).

¹⁰ Du Cluzel F. (2021) Cognitive Warfare. The Future of Competition. *Innovation Hub, NATO ACT*. Available at: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/20210113_CW-Final-v2-.pdf (accessed 10 May 2024).

¹¹ Hofstetter P. & Jossen F. (2023) There Is No Need for a Cognitive Domain. *The Defence Horizon Journal*. Available at: <https://tdhj.org/blog/post/no-need-cognitive-domain/> (accessed 26 April 2025).

так и в прикладных проектах в сфере безопасности и обороны. Например, в рамках проекта *DARPA «Neurotechnology for Intelligence Analysts»* исследовались возможности ускоренного анализа больших массивов данных за счет стимуляции когнитивных функций аналитиков с применением нейротехнологий¹². Кроме того, в 2025 г. НАТО представила концепцию *«Cognitive Resilience Framework»*¹³, в которой когнитивная устойчивость определялась как способность индивидов противостоять манипулятивным воздействиям и сохранять критическое мышление в условиях информационной перегрузки. Таким образом, несмотря на существующие сомнения и критику, развитие технологий нейровоздействия, стремительное усложнение информационной среды и возрастающая роль когнитивных механизмов в стратегических конфликтах свидетельствуют о том, что когнитивное воздействие имеет все предпосылки для дальнейшего теоретического оформления и институционализации.

В рамках *российского* подхода объектом когнитивной войны также выступают сознание индивидов и их когнитивные способности. Однако важно отметить, что в отечественной науке существует ряд близких по значению терминов: в частности, «ментальная война» (Ильницкий, 2021), «консциентальная война» (Мусиец, 2023), «война смыслов» (Кочетков, 2012). Все они также рассматривают сознание в качестве основного объекта воздействия, но преимущественно в его социально-культурном измерении. Поскольку в российской науке феномены информационной, ментальной и смежных форм войн имеют достаточно серьезную теоретическую разработанность, выделение специфических особенностей когнитивной войны как отдельной категории ведения военных действий представляет ряд сложностей. В связи с этим некоторые исследователи трактуют когнитивную войну как продолжение информационных войн (Приходько, 2023) или как одну из их вариаций (Алексеев & Алексеева, 2021).

Тем не менее в последние годы в отечественной науке, как и в зарубежной, наблюдаются попытки обозначить концептуальные рамки когнитивных войн. Так, в качестве объекта воздействия в когнитивной войне выделяется психофизическое пространство индивида (Медушевский, 2023), включающее такие ключевые компоненты, как память (как обобщение опыта), осмысление и формирование идеи деятельности. Инструментарий при этом базируется на нейротехнологических (или нейробиологических) методах влияния и технологиях информационного (нейросетевого) воздействия. Цель подобного воздействия заключается в достижении контроля над когнитивными функциями целевой аудитории, что позволяет навязывать определенные формы мыслительных

¹² *Defense Advanced Research Projects Agency* (2010) *Neurotechnology for Intelligence Analysts* (NIA). Available at: <https://www.darpa.mil/program/neurotechnology-for-intelligence-analysts> (accessed 27 April 2025).

¹³ *NATO Defence Education Enhancement Programme* (2025) *DEEP Resilience Reference Curriculum*. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2025/2/pdf/DEEP-resilience-reference-curriculum.pdf (accessed 26 April 2025).

моделей. При этом ожидаемый результат когнитивной войны заключается в подрыве легитимности правительств и дестабилизации общества, поскольку когнитивная война стремится изменить не только то, что люди думают, но и сам способ их мышления, что делает ее мощным инструментом воздействия на общественное сознание.

Несмотря на то, что истоки когнитивного воздействия лежат именно в информационном противоборстве, появление новых технологий из нейронаук, методов социальной инженерии и нейрометодов сделало возможным появление усовершенствованной формы воздействия на сознание (Aquilar & Galluccio, 2008; McDermott, 2011). При этом важно понимать, что технологии контроля за сознанием в рамках как когнитивных, так и информационных воздействий существуют в комплексном симбиозе, взаимодополняя друг друга и создавая новый легко манипулируемый тип индивида.

В результате проведенного теоретического анализа представленных концепций когнитивных войн можно выделить следующие их отличительные черты по основным критериям.

Во-первых, *объектом* воздействия как в зарубежном, так и в отечественном подходе является когнитивная сфера индивида – восприятие, мышление, память, а также процессы осмысления и принятия решений. При этом отечественная традиция сохраняет акцент на глубокую трансформацию смысловых и ценностных структур индивида через воздействие на базовые психические процессы. Это связано с тем, что в отечественной научной мысли ранее сформировалась концепция ментальных войн, во многом предвосхитившая когнитивную проблематику.

Во-вторых, *цель* когнитивной войны также схожа и в зарубежном, и в отечественном подходе. Она заключается в подрыве когнитивной устойчивости общества через трансформацию восприятия реальности и ослабление способности индивидов к целостной обработке информации. Под последним понимается не физиологическое нарушение функций, а фрагментация внимания, затруднение осмысления, деформация памяти, ускоренное забывание и поверхностное формирование суждений. Эти эффекты используются как средство подрыва доверия к институтам власти и создания условий для социальной дестабилизации.

В-третьих, *методы и инструменты* когнитивных войн в зарубежной и отечественной традициях одинаково предполагают комплексное использование информационных, психологических и нейротехнологий. Среди них – методы информационной перегрузки, нейросетевого воздействия на когнитивные процессы, а также иные формы направленного влияния на психику и поведение индивида.

Наконец, *ожидаемый результат* когнитивной войны в обоих подходах заключается в подрыве легитимности правительств и дестабилизации общества, поскольку когнитивная война стремится изменить не только то, что люди думают, но и сам способ их мышления, что делает ее мощным инструментом воздействия на общественное сознание.

Дополнительно можно отметить, что характер когнитивной войны в российском подходе имеет антропологическую направленность, где в центре воздействия находятся ценностно-смысловые и психологические структуры индивида. При этом в зарубежной научной традиции характер когнитивной войны определяется преимущественно через биологический подход, акцентирующий внимание на нейрофизиологических механизмах восприятия, обработки и интерпретации информации.

Тем не менее, несмотря на то что зарубежный и российский подходы к пониманию когнитивных войн формировались в различных научных и стратегических традициях, их содержательные различия нельзя назвать радикальными. В обоих случаях когнитивная война рассматривается как форма воздействия на сознание и когнитивные процессы индивида с целью трансформации способов восприятия, мышления и принятия решений, а основные расхождения касаются уровня концептуальной проработки и институционального оформления: если в зарубежной научной мысли когнитивная война в последнее время все чаще осмысливается как самостоятельный домен ведения конфликтов, то в отечественной традиции она в большей степени воспринимается как углубленное развитие существующих форм информационно-психологического противоборства.

На основе анализа двух подходов когнитивная война может быть определена как совокупность стратегических действий, направленных на воздействие на когнитивные процессы индивидов (восприятие, мышление, память, а также процессы осмысления и принятия решений) с целью подрыва когнитивной устойчивости общества посредством применения информационных, психологических и нейробиологических инструментов.

Когнитивные и информационные войны: сравнительный анализ

Можно заметить, что феномены информационной и когнитивной войны, несмотря на различие в уровнях и глубине воздействия на индивидов и общества, представляют собой взаимосвязанные и взаимодополняющие формы нематериального противоборства. С момента оформления концепции информационных войн в середине XX в. и до появления идеи когнитивной войны в первой четверти XXI в. эволюция технологий коммуникации, достижения нейронаук и развитие методов психологического воздействия способствовали постепенному усложнению арсенала средств воздействия на массовое и индивидуальное сознание.

Информационные войны, в своем классическом понимании, нацелены преимущественно на манипулирование информационными потоками, системами коммуникации и процессами принятия решений противника посредством использования электронных технологий, психологических операций и пропаганды. Яркими примерами информационных войн можно считать кампании пропаганды в период холодной войны между СССР и США, а также операции по распространению дезинформации в ходе выборов в различных странах в XXI в.

Когнитивные войны же акцентируют внимание не столько на информации как таковой, сколько на самом механизме ее восприятия, осмысления и преобразования индивидами. Примерами применения когнитивного воздействия можно считать активные проекты по изменению поведения целевых групп через использование больших данных¹⁴, а также методов нейроинжиниринга в рамках современного политического ландшафта¹⁵. Таким образом, если информационная война стремится контролировать содержание информационного пространства, то когнитивная война – способы его внутренней переработки человеческим сознанием с целью дальнейшего подрыва его когнитивной устойчивости.

Особую роль в оформлении когнитивных войн как новой формы противоборства сыграли достижения нейронаук, которые позволили углубить понимание функционирования памяти, внимания, процессов мышления и принятия решений. Развитие технологий нейростимуляции, исследования в области когнитивной перегрузки, изучение механизмов восприятия угроз и управления вниманием расширили классический инструментарий информационных войн, создавая условия для более глубокого и тонкого воздействия на когнитивные функции человека. Например, одним из ключевых факторов, способствующих расширению применения данного подхода, выступает стремительное развитие технологий нейровизуализации и обработки данных, таких как функциональная магнитно-резонансная томография (фМРТ), электроэнцефалография (ЭЭГ) и системы анализа больших данных. Эти инструменты предоставляют исследователям новые возможности для изучения когнитивных процессов, определяющих политическое поведение индивидов (Adolphs, 2009). Современные трансформации глобальной политической среды, включая вызовы цифровизации, также способствовали созданию новых методологических основ для анализа механизмов принятия решений, при этом особый акцент делается на исследовании когнитивных и нейрофизиологических факторов, влияющих на эмоциональные реакции и политические установки граждан (Karlan, Freedman & Iacoboni, 2007). Кроме того, внедрение нейронаук в сферу политических и конфликтологических исследований открывает перспективы прогнозирования коллективного поведения, формирования

¹⁴ Например, алгоритмическая фильтрация контента способна незаметно манипулировать восприятием, влияя на политические взгляды, поведенческие решения и установки пользователей: так, предвзятое ранжирование результатов поиска может смещать электоральные предпочтения на 20% и более, причем пользователи не осознают факта манипуляции. Подробнее см. (Epstein & Robertson, 2015).

¹⁵ Одним из наиболее известных примеров когнитивных операций стал скандал вокруг *Cambridge Analytica*, когда персональные данные пользователей *Facebook* использовались для создания и распространения персонализированных политических сообщений, направленных на влияние на мотивационные установки и поведение избирателей. По оценкам ряда исследователей, это вмешательство могло повлиять на исход президентских выборов в США в 2016 г. и референдума по *Brexit* в Великобритании. Подробнее см.: Cadwaladr C. & Campbell D. (2020) Cambridge Analytica Data Leak Reveals Global Manipulation Potential. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/uk-news/2020/jan/04/cambridge-analytica-data-leak-global-election-manipulation> (accessed 12 May 2025).

эффективных управленческих стратегий, а также углубленного понимания механизмов, определяющих поведение лидеров и динамику их взаимодействия с последователями (Boyatzis et al., 2012).

Тем не менее, несмотря на появление новых методов и расширение сфер применения, информационные и когнитивные войны продолжают существовать в тесном симбиозе. Многие инструменты когнитивного воздействия используют те же каналы и среды, что и информационные операции, а границы между ними зачастую оказываются размытыми. Именно это обуславливает необходимость проведения их сравнительного анализа на основе ключевых критериев, выделенных в методологической части исследования.

Объектом в информационной войне выступают как информационные системы и коммуникационные потоки, так и процессы принятия решений и восприятие поступающей информации. В когнитивной войне объектом становятся когнитивные процессы индивида – память, мышление, способность к осмыслению информации. Таким образом, можно отметить, что объекты воздействия в обоих видах войн отчасти пересекаются, когда дело касается сознания, однако существует принципиальное различие в предметном поле. В рамках информационной войны предметом является психоинформационная среда индивида и его отношение к окружающей реальности (то есть что он думает), в то время как когнитивная война нацелена на психофизическую среду и способ конструирования картины окружающего мира (то есть как он думает).

Целями информационных войн выступают достижение информационного превосходства, трансформация процессов принятия решений, изменение системы знаний противника путем контроля над потоками данных, поступающими на его сторону, а также трансформация убеждений и взглядов людей на стороне соперника с сохранением их нейрокогнитивных способностей. В свою очередь, когнитивная война изначально ориентирована на изменение когнитивного базиса индивидов, их способов мышления, восприятия и интерпретации реальности, что позволяет не просто контролировать принимаемые решения, но и влиять на саму структуру их формирования (Медушевский, 2023). Такое воздействие приводит к постепенному подрыву способности к критическому анализу, рефлексии и осознанному сопротивлению, повышая восприимчивость индивида к внушаемым установкам и выгодным для противника моделям поведения – в большей степени, чем это происходит в рамках информационного противоборства.

Инструментарий воздействия также демонстрирует различия. В информационной войне он включает информационные, технические и психологические средства, в том числе пропаганду и манипулирование данными. В когнитивной войне, помимо вышеуказанных инструментов, задействуется нейробиологическое влияние: технологии информационной перегрузки, методы социальной инженерии и другие формы воздействия на психофизиологические процессы.

Наконец, *ожидаемый результат* в информационной войне выражается в дезорганизации коммуникационных систем, снижении эффективности

процессов принятия решений, получении стратегического преимущества. В когнитивной войне ожидаемый результат заключается в трансформации базовых когнитивных паттернов индивидов, что приводит к изменению их поведения и общественных установок в интересах субъекта воздействия для дальнейшего подрыва легитимности правительств и дестабилизации обществ.

Для наглядного представления ключевых различий между когнитивной и информационной войнами в табл. 1 приведен их сравнительный анализ по основным критериям.

Таблица 1. Сравнительный анализ информационных и когнитивных войн
Table 1. Comparative analysis of information and cognitive warfare

	Информационная война	Когнитивная война
Объект	Информационные системы, коммуникационные потоки и процессы принятия решений	Когнитивные функции индивида: память, мышление, способность к осмыслению информации
Цель	Контроль над потоками данных и нарушение процессов принятия решений противника с сохранением его нейрокогнитивных способностей	Изменение способов мышления и восприятия реальности, подталкивание индивидов на стороне соперника к саморазрушению когнитивных способностей с тем, чтобы сделать их неспособными к сопротивлению и уклонению
Инструменты/методы	Информационные, технические и психологические техники, пропаганда	Информационные, технические, психологические техники, пропаганда, а также нейробиологические инструменты
Результат	Достижение информационного превосходства, дезорганизация коммуникационных систем, снижение эффективности процессов принятия решений, получение стратегического преимущества	Трансформация базовых когнитивных паттернов индивидов, приводящая к изменению их поведения и общественных установок в интересах субъекта воздействия ради дальнейшего подрыва легитимности правительств и дестабилизации обществ

Рассмотренные типы войн обладают рядом общих характеристик. Обе формы противоборства предполагают нематериальный характер воздействия и ориентированы не на физическое уничтожение противника, а на изменение его восприятия и механизмов принятия решений. Информация при этом относится к первичным, базовым инструментам ведения обоих типов войны: в обоих случаях субъект опирается на интенсивное применение информационных технологий для перемещения борьбы из материальной среды в нематериальную. Более того, в практическом измерении информационные и когнитивные войны часто взаимопереплетаются, что затрудняет их четкое концептуальное разграничение и усиливает эффект комплексного воздействия. Несмотря на различия в целях, обе стратегии ориентированы на достижение долгосрочных результатов – перераспределение власти, подрыв легитимности государственных институтов и изменение политической воли общества.

Таким образом, на современном этапе развития международных отношений когнитивные войны пока не могут рассматриваться как окончательно оформленная и признанная форма ведения борьбы. Несмотря на активно развивающуюся теоретическую базу, значительная часть исследователей справедливо указывает на то, что когнитивное противоборство во многом сохраняет преемственность с практиками информационных и информационно-психологических войн, являясь либо их модификацией, либо новым уровнем воздействия в рамках уже существующих нематериальных методов борьбы. Когнитивная война на сегодняшний день интегрируется в доктрины и концепции как расширение информационного воздействия, акцентируя внимание не только на управлении потоками информации, но и на целенаправленной трансформации механизмов ее внутреннего восприятия, обработки и осмысления человеческим сознанием. Таким образом, когнитивные войны воспринимаются как качественно усовершенствованная форма информационного противоборства, усиленная возможностями нейронаук, технологий управления вниманием, исследованиями когнитивной перегрузки и механизмов принятия решений.

При этом наблюдаемые тенденции в развитии технологических средств воздействия на когнитивные функции индивидов, а также рост числа программ, ориентированных на изучение и внедрение методов когнитивного влияния в рамках военных и гражданских стратегий (например, указанные ранее проекты *DARPA* и программы НАТО по когнитивной устойчивости), свидетельствуют о том, что когнитивные войны обладают высоким потенциалом институционализации. С учетом расширения возможностей прямого и косвенного воздействия на мышление, восприятие и систему ценностей массового сознания когнитивная война может получить статус самостоятельной доминирующей формы нематериального противоборства в структуре будущих конфликтов.

В этой связи когнитивные войны представляют собой переходную форму: с одной стороны, это продолжение и усложнение информационных войн, с другой – зарождающаяся модель нового типа конфликтов, основанного на контроле над когнитивной сферой индивидов и обществ. Перспектива институционализации когнитивных войн во многом будет зависеть от дальнейших достижений в области нейронаук, искусственного интеллекта и технологий информационно-психологического воздействия, которые на данный момент стремительно развиваются.

Заключение

Проведенный анализ показал, что в условиях стремительной цифровизации, глобализации коммуникационных процессов и усложнения механизмов воздействия на массовое сознание особую актуальность приобретают исследования новых форм нематериального противоборства, выходящих за рамки традиционных моделей информационных войн. Несмотря на то, что информационная война как научная категория давно закрепились в политологическом

дискурсе и получила всестороннюю разработку в отечественной и зарубежной научной традиции, когнитивная война остается концептуально неустойчивой и требует дальнейшего теоретического осмысления.

Целью настоящего исследования являлось разграничение понятий «информационная война» и «когнитивная война» на основе сравнительного анализа данных, представленных в отечественной и зарубежной научных школах, на основе таких критериев, как объект, цель, методы/инструменты воздействия и ожидаемые результаты. В рамках решения поставленных задач были установлены и сопоставлены понятийные характеристики обоих явлений, выделены ключевые критерии их различия, а также предложено уточненное определение когнитивной войны.

Результаты исследования позволили выявить, что при наличии общего нематериального характера и ориентированности на управление сознанием и поведением индивидов когнитивная война представляет собой качественно новую форму воздействия, акцентированную не на манипуляции информационным содержанием, а на трансформации когнитивных процессов восприятия, осмысления и принятия решений. В то время как информационные войны направлены на контроль над потоками данных и воздействие на информационные системы и процессы принятия решений противника, когнитивные войны стремятся изменить фундаментальные механизмы когнитивной деятельности индивидов, что открывает новые горизонты для стратегического влияния.

Тем не менее в настоящий момент когнитивная война сохраняет преемственность с практиками информационного противоборства и в полной мере еще не получила институционального оформления в качестве самостоятельной формы войны. Однако с учетом стремительного развития нейронаук, технологий управления вниманием, исследований когнитивной перегрузки и методов нейроинженерии когнитивное воздействие приобретает все большую значимость как потенциально самостоятельный домен нематериального противоборства, что подтверждается растущим вниманием к нему в научных, военных и стратегических исследованиях.

Таким образом, когнитивные войны на современном этапе могут быть охарактеризованы как переходная форма между информационным противоборством и новым типом конфликтов, основанных на контроле над когнитивной сферой индивидов и обществ. Дальнейшее развитие теоретических исследований в этой области, а также системное изучение технологических возможностей воздействия на когнитивные функции будут определять место и роль когнитивных войн в практике будущих вооруженных конфликтов.

Список литературы:

1. Алексеев А.П. & Алексеева И.Ю. (2021) Цифровизация и когнитивные войны. *Философия и общество* 4(101): 39–51. DOI: 10.30884/jfo/2021.04.02.
2. Василенко И. (2009) Информационная война как фактор мировой политики. *Государственная служба* 3: 80–86.

3. Гончаров В.Ю. (2022) Концепция информационной войны. В: *Проблемы и перспективы внедрения инновационных телекоммуникационных технологий: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конференции, Оренбург, 25 марта 2022 г.* Оренбург: Поволжский гос. ун-т телекоммуникаций и информатики. с. 365–370.
4. Дегтярева Е.Б. (2025) Информационная безопасность в эпоху когнитивных войн: совершенствование правового регулирования. В: *Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 13 дек. 2024 г.* СПб.: СПб. академия СК РФ. с. 105–109.
5. Евдокимов Е.В. (2011) Политика Китая в глобальном информационном пространстве. *Международные процессы* 9(1): 74–83.
6. Каткова Е.Ю. & Юношкина А.С. (2022) Китайские концепции и возможности в информационной войне: соперничество КНР и США в киберпространстве. *Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история* 14(2): 197–210. DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-2-197-210.
7. Ильницкий А.М. (2021) Ментальная война России. *Военная мысль* 8: 19–33.
8. Киреева О.С. (2019) Подходы к определению информационной войны. *Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика* 12: 57–60.
9. Кочетков В.В. (2012) Война и мир ценностей во внешней политике России. *Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки* 3: 97–101.
10. Лисичкин В.А. & Шелепин Л.А. (2003) *Третья мировая (информационно-психологическая) война.* М.: Эксмо: Алгоритм. 445 с.
11. Манойло А.В. (2005) Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта. *Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. «Информационные технологии и безопасность»* 8: 73–80.
12. Медушевский А.Н. (2023) Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (часть 1). *Вопросы теоретической экономики* 2(19): 85–98. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_85_98.
13. Мусиец П.В. (2023) Консциентальная война с позиций социально-философского анализа. *Россия: тенденции и перспективы развития:* 533–536.
14. Павлютенкова М.Ю. (2001) Информационная война: реальная угроза или современный миф? *Власть* 12: 19–23.
15. Петренко А.И. & Манойло А.В. (2003) Информационное противоборство и государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. *Право и политика* 9: 110–125.
16. Почепцов Г.Г. (2000а) *Информационные войны.* М.: Рефл-бук. 147 с.
17. Почепцов Г.Г. (2000б) *Информационно-психологическая война.* М.: Синтер. 180 с.
18. Приходько М.В. (2023) *Информационная война как когнитивно-дискурсивный феномен (в контексте репрезентации «торговой войны» в СМИ КНР и США).* Автореф. дис. канд. филол. наук. 23 с.
19. Расторгуев С.П. (1998) *Информационная война.* М.: Радио и связь. 222 с.
20. Сунь-цзы (1950) *Искусство войны* (пер. с кит. Н. И. Конрада). М.: АН СССР. 404 с.
21. Adams J. (2001) Virtual Defense. *Foreign Affairs* 80(3): 98–112.
22. Adolphs R. (2009) The Social Brain: Neural Basis of Social Knowledge. *Annual Review of Psychology* 60: 693–716. DOI: 10.1146/annurev.psych.60.110707.163514.
23. Aquilar F. & Galluccio M. (2008) *Psychological Processes in International Negotiations: Theoretical and Practical Perspectives.* Springer. DOI: 10.1007/978-0-387-71380-9.
24. Baocun W., Fei L. (1998) Information Warfare. In: Pillsbury M. (ed.) *Chinese Views of Future Warfare.* Washington DC: National Defense University Press. pp. 327–343.
25. Boyatzis R.E., Passarelli A.M., Koenig K. et al. (2012) Examination of the Neural Substrates Activated in Memories of Experiences with Resonant and Dissonant Leaders. *Leadership Quarterly* 23(2): 259–272. DOI: 10.1016/j.leaqua.2011.08.003.
26. Epstein R. & Robertson R.E. (2015) The Search Engine Manipulation Effect (SEME) and Its Possible Impact on the Outcomes of Elections. *PNAS* 112(33): E4512–E4521. DOI: 10.1073/pnas.1419828112.

27. Kaplan J.T., Freedman J. & Iacoboni M. (2007) Us Versus Them: Political Attitudes and Party Affiliation Influence Neural Response to Faces of Presidential Candidates. *Neuropsychologia* 45(1): 55–64. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2006.04.024.
28. Lawson L., Spivak S., Webber H. et al. (2023) Alterations in Brain Activity Induced by Transcranial Magnetic Stimulation and Their Relation to Decision Making. *Biology (Basel)* 12(11): 1366. DOI: 10.3390/biology12111366.
29. Libicki M.C. (1995) *What Is Information Warfare?* Washington DC: National Defense University. DOI: 10.21236/ADA385640.
30. McDermott R. (2011) New Directions for Experimental Work in International Relations. *International Studies Quarterly* 55(2): 503–520. DOI: 10.1111/j.1468–2478.2011.00656.x.
31. Miller S. (2023) Cognitive Warfare: An Ethical Analysis. *Ethics and Information Technology* 25: 46. DOI: 10.1007/s10676–023–09717–7.
32. Pufeng W. (1997) The Challenge of Information Warfare. In: Pillsbury M. (ed.) *Chinese Views of Future Warfare*. Washington DC: National Defense University Press.
33. Rona T.P. (1976) *Weapon Systems and Information War*. Seattle: Boeing Aerospace Co.
34. Szafranski R. (1995) A Theory of Information Warfare: Preparing for 2020. *Airpower Journal* 9(1): 56–65.

Comparative Politics. Volume 16. No. 3. July–September / 2025
DOI 10.46272/2221-3279-2025-3-16-7

COGNITIVE AND INFORMATION WARFARE IN THE CONCEPTUAL COORDINATES OF POLITICAL SCIENCE

Elizaveta B. DEGTYAREVA – PhD Student, Department of Comparative Politics, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-7163-6941. E-mail: golden_miller@mail.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received February 23, 2025

Accepted August 18, 2025

Acknowledgements: The research was carried out within the state assignment of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (theme No. 125100111050-3 Cognitive warfare and civil identity: the impact of information influences on the rationality of behavior).

Abstract: The article offers a comparative analysis of the concepts of cognitive and information warfare within both Russian and international academic traditions. In the context of digitalization and increasingly complex communication processes, the study of new forms of intangible confrontation aimed at transforming individual behavior and internal mental schemas has become especially relevant. Cognitive transformation, here, refers to the alteration of stable mental structures responsible for perception, interpretation, and response to incoming information. The objective of this study is to delineate the conceptual boundaries of «information warfare» and «cognitive warfare» through a comparative approach. The article identifies their key characteristics and theoretical distinctions. The analysis reveals both shared and divergent features in terms of their primary objects, goals, methods, tools, and anticipated outcomes. It is demonstrated that cognitive warfare constitutes an advanced form of non-kinetic influence, with a primary focus on modifying cognitive functions and interpretative frameworks rather than merely manipulating

informational content. Furthermore, the article explores the potential institutionalization of cognitive warfare as an independent strategic domain, driven by the rapid development of neuroscience, attention-modulation technologies, and artificial intelligence. A refined definition of cognitive warfare is proposed, clarifying its place in the evolving spectrum of modern strategic conflict. The findings contribute to the theoretical advancement of cognitive warfare studies and may serve as a foundation for practical strategies to counter such threats. The conclusion emphasizes the need for an interdisciplinary approach – integrating political science, neuroscience, and cognitive psychology – to more fully understand the nature of emerging political conflicts.

Keywords: cognitive warfare, information warfare, cognitive operations, cognitive science, cognitive influence, political conflicts, mental manipulation, neuroscience, neuro-political approach, neuropolitics

References:

1. Adams J. (2001) Virtual Defense. *Foreign Affairs* 80(3): 98–112.
2. Adolphs R. (2009) The Social Brain: Neural Basis of Social Knowledge. *Annual Review of Psychology* 60: 693–716. DOI: 10.1146/annurev.psych.60.110707.163514.
3. Aquilar F. & Galluccio M. (2008) *Psychological Processes in International Negotiations: Theoretical and Practical Perspectives*. Springer. DOI: 10.1007/978-0-387-71380-9.
4. Baocun W., Fei L. (1998) Information Warfare. In: Pillsbury M. (ed.) *Chinese Views of Future Warfare*. Washington DC: National Defense University Press. pp. 327–343.
5. Boyatzis R.E., Passarelli A.M., Koenig K. et al. (2012) Examination of the Neural Substrates Activated in Memories of Experiences With Resonant and Dissonant Leaders. *Leadership Quarterly* 23(2): 259–272. DOI: 10.1016/j.leaqua.2011.08.003.
6. Epstein R. & Robertson R.E. (2015) The Search Engine Manipulation Effect (SEME) and Its Possible Impact on the Outcomes of Elections. *PNAS* 112(33): E4512–E4521. DOI: 10.1073/pnas.1419828112.
7. Kaplan J.T., Freedman J. & Iacoboni M. (2007) Us Versus Them: Political Attitudes and Party Affiliation Influence Neural Response to Faces of Presidential Candidates. *Neuropsychologia* 45(1): 55–64. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2006.04.024.
8. Lawson L., Spivak S., Webber H. et al. (2023) Alterations in Brain Activity Induced by Transcranial Magnetic Stimulation and Their Relation to Decision Making. *Biology (Basel)* 12(11): 1366. DOI: 10.3390/biology12111366.
9. Libicki M.C. (1995) *What Is Information Warfare?* Washington DC: National Defense University. DOI: 10.21236/ADA385640.
10. McDermott R. (2011) New Directions for Experimental Work in International Relations. *International Studies Quarterly* 55(2): 503–520. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2011.00656.x.
11. Miller S. (2023) Cognitive Warfare: An Ethical Analysis. *Ethics and Information Technology* 25: 46. DOI: 10.1007/s10676-023-09717-7.
12. Pufeng W. (1997) The Challenge of Information Warfare. In: Pillsbury M. (ed.) *Chinese Views of Future Warfare*. Washington DC: National Defense University Press.
13. Rona T.P. (1976) *Weapon Systems and Information War*. Seattle: Boeing Aerospace Co.
14. Sun Tzu (1950) *Iskusstvo voyny [The Art of War]* (translated from the Chinese by N. I. Konrad). Moscow: USSR Academy of Sciences. 404 p. (In Russian).
15. Szafranski R. (1995) A Theory of Information Warfare: Preparing for 2020. *Airpower Journal* 9(1): 56–65.
16. Alekseev A.P. & Alekseeva I.Yu. (2021) Tsifrovizatsiya i kognitivnye voiny [Digitalization and Cognitive Wars]. *Filosofiya i obshchestvo [Philosophy and Society]* 4(101): 39–51. DOI: 10.30884/jfio/2021.04.02. (In Russian).

17. Vasilenko I. (2009) Informatsionnaya voyna kak faktor mirovoy politiki [Information Warfare as a Factor of World Politics]. *Gosudarstvennaya sluzhba [Public Administration]* 3: 80–86. (In Russian).
18. Goncharov V.Yu. (2022) Kontsepsiya informatsionnoy voyny [The Concept of Information Warfare]. In: *Problemy i perspektivy vnedreniya innovatsionnykh telekommunikatsionnykh tekhnologiy: materialy VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii, Orenburg, 25 marta 2022 g. [Problems and Prospects of Implementing Innovative Telecommunication Technologies: Proceedings of the 8th International Conference, Orenburg, 25 March 2022]*. Orenburg: Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics. pp. 365–370. (In Russian).
19. Degtyareva E.B. (2025) Informatsionnaya bezopasnost' v epokhu kognitivnykh voyn: sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya [Information Security in the Age of Cognitive Wars: Improving Legal Regulation]. In: *Aktual'nye voprosy obespecheniya natsional'noy bezopasnosti: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Sankt-Peterburg, 13 dekabrya 2024 g. [Topical Issues of National Security: Proceedings of the 3rd International Conference, St. Petersburg, 13 December 2024]*. St. Petersburg: Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. pp. 105–109. (In Russian).
20. Evdokimov E.V. (2011) Politika Kitaya v global'nom informatsionnom prostranstve [China's Policy in the Global Information Space]. *Mezhdunarodnye protsessy [International Trends]* 9(1): 74–83. (In Russian).
21. Il'inskiy A.M. (2021) Mental'naya voyna Rossii [The mental war of Russia]. *Voennaya mysl' [Military Thought]* 8: 19–33. (In Russian).
22. Katkova E.Yu. & Yunyushkina A.S. (2022) Kitayskie kontseptsii i vozmozhnosti v informatsionnoy voynе: sopernichestvo KNR i SShA v kiberprostranstve [Chinese Concepts and Capabilities in Information Warfare: PRC–USA Cyber Rivalry]. *Vestnik RUDN. Seriya: Vseobshchaya istoriya [RUDN Journal of World History]* 14(2): 197–210. DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-2-197-210. (In Russian).
23. Kireeva O.S. (2019) Podkhody k opredeleniyu informatsionnoy voyny [Approaches to the Definition of Information Warfare]. *Rossiyskiy politicheskiy protsess v regional'nom izmerenii: istoriya, teoriya, praktika [Russian Political Process in a Regional Dimension: History, Theory, Practice]* 12: 57–60. (In Russian).
24. Kochetkov V.V. (2012) Voyna i mir tsennostey vo vneshney politike Rossii [War and Peace of Values in Russia's Foreign Policy]. *Vestnik MGU. Seriya 12. Politicheskie nauki [MSU Bulletin. Series 12: Political Science]* 3: 97–101. (In Russian).
25. Lisichkin V.A. & Shelepin L.A. (2003) *Tret'ya mirovaya (informatsionno-psikhologicheskaya) voyna [The Third World (Information-Psychological) War]*. Moscow: Eksmo: Algoritm. 445 p. (In Russian).
26. Manoylo A.V. (2005) Informatsionno-psikhologicheskaya voyna: faktory, opredelyayushchie format sovremennogo vooruzhennogo konflikta [Information-Psychological Warfare: Factors Determining the Format of Modern Armed Conflict]. In: *Materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Informatsionnye tekhnologii i bezopasnost'» [*Proceedings of the 5th International Conference "Information Technologies and Security"]* 8. pp. 73–80. (In Russian).
27. Medushevskiy A.N. (2023) Kognitivnaya voyna: sotsial'nyy kontrol', upravlenie soznaniem i instrument global'nogo dominiruyushchego (chast' 1) [Cognitive Warfare: Social Control, Mind Management, and a Tool of Global Domination (Part 1)]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Theoretical Economics Issues]* 2(19): 85–98. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_85_98. (In Russian).
28. Musiets P.V. (2023) Konsentsial'naya voyna s pozitsiy sotsial'no-filosofskogo analiza [Consensual War From the Perspective of Social Philosophy]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya [Russia: Trends and Development Prospects]*: 533–536. (In Russian).

29. Pavlyutenkova M.Yu. (2001) *Informatsionnaya voyna: real'naya ugroza ili sovremennyy mif?* [Information Warfare: A Real Threat or a Modern Myth?]. *Vlast' [Authority]*12: 19–23. (In Russian).
30. Petrenko A.I. & Manoylo A.V. (2003) *Informatsionnoe protivoborstvo i gosudarstvennaya informatsionnaya politika v usloviyakh informatsionno-psikhologicheskoy voyny* [Information Confrontation and State Information Policy in the Context of Information-Psychological Warfare]. *Pravo i politika [Law and Politics]*9: 110–125. (In Russian).
31. Pocheptsov G.G. (2000a) *Informatsionnye voyny [Information Wars]*. Moscow: Refl-buk. 147 p. (In Russian).
32. Pocheptsov G.G. (2000b) *Informatsionno-psikhologicheskaya voyna [Information-Psychological Warfare]*. Moscow: Sinteg. 180 p. (In Russian).
33. Prikhodko M.V. (2023) *Informatsionnaya voyna kak kognitivno-diskursivnyy fenomen (v kontekste reprezentatsii «torgovoy voyny» v SMI KNR i SShA)* [Information warfare as a cognitive-discursive phenomenon (in the context of the representation of the «trade war» in the media of China and the United States)]. Abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences. 23 p. (In Russian).
34. Rastorguev S.P. (1998) *Informatsionnaya voyna [Information Warfare]*. Moscow: Radio i svyaz'. 222 p. (In Russian).

БИЗНЕС И ГОСУДАРСТВО: GR В ФОКУСЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ

Рецензия на книгу: GR-менеджмент бизнес-организаций в современной России: комплексный анализ и прикладные технологии: Монография / М.Д. Бондарев, А.А. Дегтярев, А.А. Ляликов [и др.]; под ред. А.А. Дегтярева, А.С. Тетерюка. М.: Прометей, 2024. 386 с.

Ирина СЕМЕНЕНКО
ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН

Аннотация: Отношения бизнеса и государства неизменно находятся в фокусе внимания отечественных и зарубежных ученых, изучающих современный политический процесс. При этом аспекты этой тематики, касающиеся политического управления, связанного с коммуникативным и межсекторальным взаимодействием заинтересованных стейкхолдеров, каким является GR-менеджмент, нечасто попадают в поле внимания политической науки. Теоретическому осмыслению этих аспектов политических коммуникаций и анализу конкретных лоббистских практик как механизмов продвижения корпоративных интересов посвящена монография коллектива работающих в этой сфере исследователей. Вниманию заинтересованного читателя и лоббиста-практика предлагается анализ современных подходов к организации этой важной сферы политического управления. В центре внимания – российские практики, представлены также примеры из зарубежного опыта.

Ключевые слова: государство, бизнес, корпоративное лоббирование, лоббизм, GR-менеджмент

Новая монография, вышедшая под редакцией авторитетного специалиста в сфере изучения отношений государства и бизнеса Андрея Алексеевича Дегтярева и его коллеги и ученика Алексея Сергеевича Тетерюка, написана коллективом молодых авторов под руководством маститого ученого. Уже сам этот факт свидетельствует о динамичном развитии исследований в сфере GR-менеджмента и о его потенциале. Интерес к прикладным аспектам взаимодействия государства и бизнеса в России был и остается высоким на протяжении всего постсоветского периода со времени бурного становления

Ирина Станиславовна Семененко – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН.

ORCID: 0000-0003-2529-9283. E-mail: semenenko@imemo.ru
117997, Москва, Профсоюзная ул., 23.

Поступила в редакцию: 13.10.2024

Принята к публикации: 10.02.2025

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

этих отношений, анализ которых дан в работах 1990-х – 2000-х гг. мэтра политической науки С.П. Перегудова (Перегудов, 2000; 2003), авторитетного экономиста Я.Ш. Паппе (Паппе & Галухина, 2009) и ряда других исследователей. В последние годы в изучении сферы отношений бизнеса и государства появляются новые приоритеты, один из которых представлен в рецензируемой монографии.

Исследование сферы GR-менеджмента ведется на стыке политической науки и смежных сфер экономики и менеджмента, первостепенное внимание уделяется управленческим аспектам взаимодействия субъектов политического процесса. Авторы монографии в целом следуют этой логике, но не ограничиваются ей. Определяя GR-менеджмент как «негосударственный вид политического управления, связанный с коммуникативным и межсекторальным взаимодействием заинтересованных стейкхолдеров» (стр. 7) и, шире, как «специфический вид политического управления процессом осуществления негосударственного влияния» (стр. 35), они также указывают на прикладной характер этого научного направления, но полагают необходимым (и справедливо) задать теоретические рамки изучаемых процессов политической коммуникации. В коммуникативном поле взаимодействуют бизнес-структуры, НКО и государственные институты, представляющие экономическую, политическую и социальную среды на микроуровне. Имея в виду эту характерную особенность GR-коммуникаций, авторы четко разводят понятия лоббизма как макросистемы функционального представительства и лоббирования как конкретных практик оказания влияния на процессы принятия решений и продвижения групповых интересов на микроуровне. Разведение этих концептов составляет отдельную научную проблему, которую авторы успешно решают (стр. 251–252) с учетом современных тенденций в развитии технологий лоббирования интересов разных групп стейкхолдеров, в том числе цифровых. Можно надеяться, что с выходом книги будет, наконец, решен содержательный вопрос о различении лоббизма и лоббирования, и тем самым лоббизм как политический институт не будет отождествляться исключительно с негативными, теневыми и незаконными практиками оказания давления на процессы принятия решений.

Анализу корпоративного лоббирования при принятии решений по регулированию цифровой сферы посвящена отдельная глава монографии. В этом отношении большой интерес представляет изучение таких практик на примере конкретных компаний. В частности, представлены результаты анализа деятельности девелоперской компании ПИК в московском мегаполисе. На основе проведенного исследования автор этой интересной главы выстраивает модель конверсии индивидуальных и групповых интересов стейкхолдеров в элементы публичной повестки. Выделены два варианта модернизационного развития в мегаполисе – реконструкция и реновация; анализируется лоббистская активность по продвижению программ реновации. Анализ лоббистских практик группы компаний ПИК приводит к выводам о существенном влиянии международного контекста, об обновлении макролоббистской

системы представительства интересов и повестки публичной политики в ходе взаимодействий городских властей и девелоперов, о консолидации «ресурсоемкой коалиции городских администраторов и крупных предпринимателей» (стр. 300). В целом, сформулированный в теоретическом разделе книги подход, представляющий дихотомию инверсии-конверсии как измерений трансформации лоббистской деятельности, заслуживает дополнительной разработки, в том числе на примерах деятельности конкретных бизнес-структур.

Проработанные в монографии сюжеты, связанные с организацией межсекторных политических коммуникаций, вписывают исследование в широкое поле политической коммуникативистики. Это направление исследований нуждается в дополнительной теоретической проработке. И тут хотелось бы обратить внимание на потенциал сопряжения тематики GR-менеджмента и вопросов представительства групп интересов в этом поле. В политической науке есть серьезный задел по этой тематике, применительно к корпоративному сектору – это уже упомянутые работы С.П. Перегудова и его соавторов (Перегудов, Лапина, Семенов, 1999), а также других исследователей, ставивших эти вопросы на предыдущем, постсоветском этапе развития России и в более широком контексте международно-страновых сравнений. На основе агрегирования и артикуляции интересов конкретных бизнес-групп выстраиваются приоритеты их взаимодействия с государством; с другой стороны, и государство в лице своих представителей в управленческих структурах задает повестку взаимодействий, объяснить и «расшифровать» которую можно при условии понимания мотиваций таких групп. А вопрос о мотивациях дает ключ к пониманию приоритетов политики развития, особенно на уровне регионов, городов, территорий, где оформляется поле, описываемое в контексте GR-менеджмента.

В книге в этой логике построено исследование лоббистской активности деловых ассоциаций в России. Справедливо отмечено, что коммерческие структуры являются экономическими агентами, нацеленными на максимизацию прибыли, но в то же время политическими акторами, ведущими лоббистскую деятельность для «обеспечения желаемого регулирования» (стр. 51). Плодотворно было бы оценить эффективность GR-ресурсов ассоциаций, на которых строится взаимодействие с внешней средой (стр. 65), на примерах конкретных лоббистских практик и в развитие теории групп интересов задаться вопросом о характере мотиваций участников и факторе доверия как «важной предпосылке для повышения эффективности лоббистских усилий», на значимость которого обращает внимание автор данной главы (стр. 69). Интересно было услышать здесь и в других разделах мнение самих участников описываемых процессов. Думаю, книга выиграла бы, если бы лоббистские практики были рассмотрены не только через призму авторского экспертного анализа, но и через «голоса» самих участников, будь то на основе данных опросов или глубинных интервью.

Знакомя читателей с концептуальными моделями учета факторов среды в GR-менеджменте, авторы третьей главы выделяют четыре его основные фазы, важные для разработки стратегий взаимодействия компании с внешней средой. Здесь сформулированы принципиально значимые для практикующих лоббистов выводы о циклах управленческой динамики во внутренней и внешней средах в разных политико-управленческих ситуациях – опережения и отставания. Кроме того, представлены интересные результаты описания таких траекторий на конкретных примерах.

Эту логику продолжает изучение динамики жизненного цикла GR-деятельности в корпоративном управлении. Анализ построен на основе системно-функционального подхода (Chilcote, 1994). Выбранный фокус – корпоративное лоббирование правовых актов Государственной Думы Российской Федерации – объясняется высокой активностью лоббистов в думском поле, а также формализованным и структурированным характером циклов принятия решений. Законодательная власть традиционно является объектом внимания исследователей корпоративного лоббизма. Тем более практически значимым оказывается подробный анализ процесса прохождения законодательной инициативы в Государственной Думе. Хотелось бы напомнить, что в свое время, в 1990-е гг., в России разрабатывался законопроект о регулировании лоббистской деятельности, но до законодательного регулирования дело тогда не дошло. Потому ли, что инициатива была несвоевременной, или потому, что у нее не было достаточно влиятельных лоббистов, готовых осваивать эффективные коммуникативные технологии? Или ввиду того и другого?

Проблемы нахождения оптимальных решений для насущных социально-экономических вопросов путем конструктивного межсекторного диалога рассматриваются в главе, посвященной моделированию циклов проведения типовой GR-кампании. Описывая лоббистскую деятельность как циклическую, авторы обращаются к признанным теоретическим подходам Д. Истона (Easton, 1953) и его стадияльно-циклической модели принятия решений. Действительно, представление GR-менеджмента в виде *«циклически направленного и поэтапного приложения лоббистских усилий позволяет структурировать этот процесс, описав его как последовательную деятельность, направленную на решение некой задачи (проблемы) наиболее эффективным способом, другими словами, как алгоритм»* (Easton, 1953: 181). Правда, такая модель не позволяет учитывать воздействие внешних факторов, в том числе непрогнозируемых. Интересен кейс противостояния компании *Dow Chemical* европейскому регулированию оборота и регистрации химических веществ, особенно в сравнении с российскими практиками.

Особое внимание в контексте рассматриваемого в монографии поля GR-менеджмента и разработки соответствующих стратегий и приоритетов уделено вопросам корпоративного лоббирования при принятии решений в цифровой сфере. Действительно, это «тонкий лед» для всех игроков на этом поле, сфера повышенных рисков и неопределенности. В российском научном

дискурсе данная тематика остается малоизученной, а имеющаяся литература носит в основном описательный характер (стр. 217). Поэтому особенности влияния этой среды на технологии лоббирования тем более требуют дополнительного исследовательского внимания. Выявление механизмов лоббирования в этой сфере свидетельствует о «становлении цифровой экономики в качестве обособленной сферы публичной политики (англ. *"policy area"*) наподобие социальной, экологической или торговой политики, выделяемых в зарубежной политологической литературе» (стр. 218). Ключевым оказывается вопрос об институциональной опоре складывающихся в этой сфере сетевых взаимодействий. В этом контексте выделены консультативно-совещательные, координационно-согласовательные, субординационно-резольютивные институты и рассмотрены этапы их вовлечения. Большой интерес представляет конкретное описание сообществ с наибольшими объемами межструктурных связей в рамках сетевых взаимодействий. Выявлены те точки доступа на уровне министерств и ведомств, которые могут послужить бизнес-сообществу в доведении своих позиций до государства в этой новой сфере GR-деятельности (стр. 241). Выводы о характере принятия решений (их растущей централизации), роли корпоративного сектора и приоритетном положении госкорпораций подтверждают авторскую гипотезу о «формировании цифровой сферы экономики в качестве объекта новой отраслевой госполитики и ведения GR-деятельности» (стр. 241-242), а также о важности изучения микроуровня лоббирования для понимания реальных процессов принятия решений и «точек доступа» со стороны корпоративного сектора.

Ряд важных сюжетов остался за рамками внимания авторского коллектива. Очевидно, что объять такое широкое поле, тем более с учетом сочетания макро- и микроуровней анализа, в одной книге невозможно. Но немного «обидно» за срез, связанный с корпоративной социальной ответственностью компаний и использованием этого измерения корпоративной активности в сфере GR. Возможно, этот срез не так заметен в тех отраслях и тех компаниях, которые стали объектом исследования, но во внешней среде он, несомненно, присутствует.

С этого понятия – внешней среды – начинается завершающий книгу базовый глоссарий по GR-менеджменту. И он, безусловно, представляет отдельную ценность. В глоссарии содержатся ключевые термины, важные для понимания различных измерений исследуемых коммуникаций с упором на их политическую составляющую: в этом ряду политическая активность и политическая деятельность, политическое поведение, политический менеджмент и т.п. Общие для политических исследований концепты «примеряются» на избранное исследовательское поле и конкретизируются, что очень важно для работающих в GR-сфере профессионалов.

Хотелось бы отметить и более широкое (и бесспорное) практическое значение обобщенных в книге результатов изучения GR-активности. Книга будет полезна и тем, кто работает в профильных подразделениях

компаний, и тем, кто вовлечен во взаимодействие с бизнесом в госструктурах и НКО, и тем, кто участвует в разработках и в реализации стратегических планов развития российских территорий.

Список литературы:

1. Паппэ Я.Ш., Галухина Я.С. (2009) *Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008 гг.* М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ.
2. Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семененко И.С. (1999) *Группы интересов и российское государство.* М.: УРСС.
3. Перегудов С.П. (2000) *Крупная российская корпорация как социально-политический институт (опыт концептуально-прикладного исследования).* М.: ИМЭМО РАН.
4. Перегудов С.П. (2003) *Корпорации, общество, государство. Эволюция отношений.* М.: Наука.
5. Chilcote R. (1994) *Theories of Comparative Politics: the Search for a Paradigm Reconsidered.* Boulder: Westview Press.
6. Easton D. (1953) *The Political System. An Inquiry into the State of Political Science.* N.Y.: Knopf.

Comparative Politics. Volume 16. No. 3. July–September / 2025
DOI 10.46272/2221-3279-2025-3-16-8

BUSINESS AND THE STATE: GR IN FOCUS OF COMMUNICATION STRATEGIES

Book review: GR-management in Business Organizations in Contemporary Russia: Complex Analysis and Practical Technologies / M.D. Bondarev, A.A. Degtyarev, A.A. Lialikov et al. / ed. by A.A. Degtyarev, A.S. Teteriuk. Moscow; Prometey, 2024. 386 p.

Dr. Irina S. SEMENENKO – Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS).

ORCID: 0000-0003-2529-9283. E-mail: semenenko@imemo.ru
23 Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997.

Received October 13, 2024

Accepted February 10, 2025

Abstract: The relationship between business and the State have constantly been in the focus of attention of both domestic and foreign researchers studying the contemporary political process. However, aspects related to the political management of communicative and intersectoral interactions of interested stakeholders, such as GR management, are rarely given appropriate attention in political science. The book under review, authored by a team of experts in this field, is devoted both to the theoretical understanding of these aspects of political communications and to the analysis of specific lobbying practices as mechanisms for promoting corporate interests. Presenting modern approaches to structuring this important domain of political management, the book is a valuable resource for scholars, policymakers, and lobbying practitioners alike. While the primary focus is on Russian practices, the analysis also incorporates relevant international cases.

Keywords: the State, business, corporate lobbying, lobbyism, GR-management

References:

1. Chilcote R. (1994) *Theories of comparative politics: the search for a paradigm reconsidered*. Boulder: Westview Press.
2. Easton D. (1953) *The political system. An inquiry into the state of political science*. N.Y.: Knopf.
3. Pappé Ya.Sh., Galukhina Ya.S. (2009) *Rossiyskiy krupnyy biznes: pervyye 15 let. Ekonomicheskiye khroniki 1993–2008 gg. [Russian Big Business: The First 15 Years. Economic Chronicles 1993–2008]*. Moscow: Publishing House of the State University – Higher School of Economics. (In Russian).
4. Peregudov S.P., Lapina N.Yu., Semenenko I.S. (1999) *Gruppy interesov i rossiyskoye gosudarstvo [Interest Groups and the Russian State]*. Moscow: URSS. (In Russian).
5. Peregudov S.P. (2000) *Krupnaya rossiyskaya korporatsiya kak sotsial'no-politicheskiy institut (opyt kontseptual'no-prikladnogo issledovaniya) [Large Russian Corporation as a Socio-Political Institution (Experience of Conceptual and Applied Research)]*. Moscow: IMEMO RAS. (In Russian).
6. Peregudov S.P. (2003) *Korporatsii, obshchestvo, gosudarstvo. Evolyutsiya otnosheniy [Corporations, Society, State. Evolution of Relations]*. Moscow: Nauka. (In Russian).

МИР ПОСЛЕ: ИТОГИ И УРОКИ ДЕЙТОНА-1995

Интервью: Елена ПОНОМАРЕВА

Беседовала: Софья БАБКИНА

Аннотация: Какое значение имели Дейтонские соглашения? Можно ли было предложить иную, более эффективную модель для решения кризиса? Какое будущее ждет Боснию и Герцеговину? Эти вопросы редакция «Сравнительной политики» обсудила с одним из ведущих отечественных специалистов в области изучения политических процессов в странах Центральной и Восточной Европы профессором Кафедры сравнительной политологии МГИМО доктором политических наук Е.Г. Пономаревой.

Интервью посвящено анализу тридцатилетия Дейтонских соглашений, завершивших боснийскую войну 1992–1995 гг. Е.Г. Пономарева рассматривает Дейтонские соглашения как символ формирования нового международного порядка на постсоциалистическом пространстве, связанного с усилением влияния западных институтов и утратой субъектности национальных государств. Эксперт выделяет три основных урока, которые последовали из Дейтона: приоритет силы в политике Запада, разрушительность беспринципной внешней политики России 1990-х гг. и становление новой формы международного протекционизма, выраженного во внешнем управлении Боснией и Герцеговиной (БиГ). По мнению эксперта, созданное по условиям соглашения государственное устройство можно характеризовать как «государство-фантом» – образование, формально обладающее атрибутами суверенитета, но фактически управляемое извне. Обсуждаются три возможных сценария для Боснии и Герцеговины: сохранение статус-кво, поглощение Республики Сербской Федерацией БиГ и разделение энтитетов.

Отдельное внимание уделено роли России как гаранта соглашений и ее текущим разногласиям с Западом по вопросу международного присутствия в Боснии и Герцеговине. Интервью завершает анализ проблемы фальсификации истории на примере боснийской войны, включая резолюцию Генассамблеи ООН о «геноциде в Сребренице». В качестве противодействия подобным практикам предлагается активная защита исторической правды с использованием инструментов культуры, образования и медиапространства.

Ключевые слова: Дейтон, Дейтонские соглашения, Босния и Герцеговина, боснийская война, государство-фантом, государство переходного периода

Елена Георгиевна Пономарева – доктор политических наук, профессор Кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0001-8370-8597. E-mail: nastya304@mail.ru
119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Софья Константиновна Бабкина – младший научный сотрудник, Институт международных исследований, МГИМО МИД России; ответственный секретарь журнала «Сравнительная политика».

ORCID: 0009-0004-6544-6190. E-mail: babkina.s.k@my.mgimo.ru
119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Поступило в редакцию: 24.12.2025

Принято к публикации: 30.12.2025

Софья Бабкина (С.Б.): 30 лет назад, в ноябре 1995 года, на американской базе в Огайо было парафировано Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине (Биг)¹. Уже через несколько недель в Париже документ был подписан конфликтующими сторонами. А 15 декабря соглашение было одобрено резолюцией Совета Безопасности ООН 103². То, что вошло в историю как Дейтонское соглашение, завершало самую кровопролитную войну в Европе после окончания Второй мировой войны. Свыше 100 тысяч погибших, еще больше раненых и более двух миллионов беженцев и временно перемещенных лиц³.

Этот процесс сопровождался военным вмешательством НАТО в виде операции «Обдуманная сила» против боснийских сербов. Какой, на Ваш взгляд, главный урок Дейтона?

Елена Пономарева (Е.П.): Начну с небольшой подводки – с характеристики Дейтонских соглашений, которую я сформулировала, занимаясь этим вопросом много лет. С моей точки зрения, Дейтон – это один из символов международного порядка, возникшего на обломках Советского Союза, СФРЮ (Социалистической Федеративной Республики Югославия) и мировой системы социализма. Наряду с Брюсселем, Гаагой, Страсбургом и Рамбуйе он ассоциируется с «пересдачей карт» истории, с определением новых правил политической игры⁴.

При главном политическом и гуманитарном достоинстве Дейтонских соглашений – завершении одной из самых кровопролитных войн после 1945 года, они зафиксировали на десятилетия вперед перераспределение суверенных полномочий Боснии и Герцеговины в пользу международных структур и создали громоздкую и неэффективную систему организации власти (Пономарева, 2012). Спустя 30 лет после подписания этих соглашений я бы выделила три главных урока.

Первый: Запад считается только с силой. Если его желания и амбиции не уравновешены другой силой, то горе побежденным. Собственно, это мы на судьбе сербов и наблюдаем.

¹ Министерство иностранных дел Российской Федерации (б.д.) Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине. Available at: https://www.mid.ru/upload/archive/41ac1e4e12426b5d36ae663d350f75fe.pdf?T-SPD_101_R0=08765fb817ab200063a65b3cfc78049ff383c878b0263147aed6990c79632816946343d8f95d65850874b-cd6ac1430008dccb59c4b4276dea1a280f995faceeb31c7ce5d2764c5d7412cff50f2dbbca105303d72b54f008521e-796b2a065857c (дата обращения: 29.12.2025).

² Организация Объединенных Наций (1995) Резолюция 1031 (1995). 15.12.1995. Available at: [https://docs.un.org/ru/S/RES/1031\(1995\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/1031(1995)). (дата обращения: 29.12.2025).

³ Министерство иностранных дел Российской Федерации (2025) Статья Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова для сербской газеты «Политика» по случаю 30-летия подписания Дейтонского мирного соглашения. 14.12.2025. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2065350/ (дата обращения: 29.12.2025).

⁴ Пономарева Е.Г. (2025) Операция «Дейтон». *Фонд стратегической культуры*, 21.11.2025. Available at: <https://fondsk.ru/news/2025/11/21/operaciya-deyton.html> (дата обращения: 29.12.2025).

Второй урок: беспринципная политика России в тот момент не помогла и самой России – за Дейтоном последовало уничтожение осколка Югославии (тогда она называлась Союзная Республика Югославия) через страшные бомбардировки 1999 года, отторжение части исторической родины сербов, превращение этого осколка в наркотеррористическое государство под названием «Республика Косово», фактически убийство Слободана Милошевича, лидера Союзной Республики Югославия и Сербии. Подчинение строптивых сербов развязало руки Западу на постсоветском пространстве и внутри самой России. Собственно, то, что мы сегодня имеем на территории бывшей Украинской Советской Социалистической Республики (УССР), это тоже «отголосок» Дейтона. Если бы российское руководство на тот момент проявило принципиальность и не согласилось со многими элементами Дейтонских соглашений, возможно, дальнейшие события на Европейском континенте развивались бы иначе.

И третий момент: Дейтонские соглашения – это реализация новой формы протекционизма (Пономарева, 2011). Существование Боснии и Герцеговины с момента подписания соглашений (полное название «Мирные соглашения по Боснии и Герцеговине», сокращенно просто Мирные соглашения), находится под постоянным контролем со стороны институтов международного управления. Даже основной закон этого государства – Конституция БиГ, тоже появился на свет в качестве согласованного документа внешними игроками – Приложение 4 к Мирному соглашению⁵.

С.Б.: Хотела бы подробнее остановиться на государственном устройстве, которое закрепил Дейтон. Дейтон сформировал, как Вы уже сказали, специфическое государственное устройство, разделив Боснию и Герцеговину на два энтитета – мусульмано-хорватскую Федерацию и Республику Сербскую. Насколько эта конструкция эффективна? История не знает сослагательного наклонения, но можно ли было в 1995 году предложить иную, более функциональную модель? Обсуждались ли такие варианты вообще?

Е.П.: Начну с первого вопроса – эффективна ли Дейтонская конструкция? Смотря для кого. Если мы возьмем в качестве отправной точки интересы тех, кто создавал Дейтонскую модель, кто ее разрабатывал, реализовывал, то для архитекторов эта модель эффективна. То есть для внешних игроков в лице США, европейских государств, НАТО, которая надолго закрепилась в регионе, это эффективная конструкция. С точки зрения народов, проживающих в республике, и позиций Российской Федерации, Китая, других международных игроков, эта конструкция неэффективна.

⁵ Организация Объединенных Наций (1995) Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине. Приложение 4. Конституция Боснии и Герцеговины. с. 53-71. Available at: <https://docs.un.org/ru/S/1995/999> (дата обращения: 29.12.2025).

В своих исследованиях я определяю Дейтонскую Боснию как «государство-фантом» (Пономарева, 2009). Государство-фантом означает обладание некой территорией границами, признанными соседями; политическим статусом, подтвержденным международным сообществом – членство в ООН; наличие формальных атрибутов государства – флаг, гимн, герб, гражданство, денежная единица, конституция (пусть даже написанная внешними игроками), наконец. То есть формальные признаки государства все есть. Однако реальной государственности, которая выражается в **провозглашении осуществления суверенитета проживающего на этой территории населения, это новое образование не имеет**. Оно не в состоянии осуществлять самостоятельное экономическое развитие, не гарантирует самостоятельно безопасность своих граждан, не может производить самостоятельно, подчеркиваю, самостоятельно ни внутреннюю, ни внешнюю политику. Это все курируется и направляется внешними игроками. Население фактически не участвует в легитимации даже такого важного документа, как конституция.

Получается, что определяющим фактором возникновения и существования государства-фантома является его «нужность» внешним акторам. Внешние игроки посредством такого государства могут легко управлять политическим пространством и оказывать определенное влияние не только на конкретную страну, но и на целый регион. В этом главное предназначение государства-фантома.

По поводу утверждения: *«История не знает сослагательного наклонения»* полагаю, что история знает сослагательное наклонение. Отойдем немного от темы, но это важное уточнение: настоящий историк всегда должен анализировать любую ситуацию так, как будто он не знает результатов произошедшего и как бы находится в момент события, условно говоря, здесь и сейчас. Необходимо анализировать различные версии, потому что в момент события, как правило, существуют различные варианты, и возможности участников тоже разные.

Хороший историк – это убедительный прогнозист будущего, который учитывает и свободу воли, и случайные факторы, не рассматривая историю как сверхдетерминированный процесс. Плохие историки – как двоечники – знают результат решения задачи, который написан в конце сборника, и, соответственно, решение подгоняют под этот результат. Поэтому когда мы говорим о событиях в Боснии конкретно, на Балканах в целом, на постсоветском пространстве, в мире – мы должны признать, что у истории, как правило, есть несколько вариантов. Реализуется один, остальные сворачиваются. Но главное – у истории в большинстве случаев несколько вариантов, поэтому настоящий историк, как детектив, призван изучать, распутывать сложные сюжеты и отвечать на вопрос: почему случилось именно так, а не иначе?

Теперь относительно вариантов завершения боснийской войны. В этом вопросе выбор был небольшим, но варианты могли бы быть предложены, если бы в России существовавший в тот момент режим не находился бы в почти подконтрольном положении по отношению к Западу. Это хорошо видно

из раскрытых несколько лет назад стенограмм переговоров Клинтон-Ельцин. Балканский вопрос в них очень чувствителен и хорошо считывается. Если бы в России был другой режим, если бы Слободан Милошевич не поверил обещаниям Запада (с высоты исторического опыта мы знаем на своем личном примере: Западу верить нельзя), то сербы могли получить иной территориальный и политический статус. Возможно, даже самостоятельное государство, которое впоследствии могло бы посредством референдума объединиться с Сербией. Такая большая Сербия, конечно, была бы страшной угрозой для интересов западных участников этого процесса.

Важно помнить, что существование СФРЮ после 1945 года – результат соглашений между западными странами и Советским Союзом. Именно это соглашение определило явление Югославии, ее судьбу, в том числе и разрушение. Разрушен, уничтожен Советский Союз – разрушена, уничтожена Югославия.

С.Б.: Сегодня Дейтон можно рассматривать по-разному. С одной стороны, он стал инструментом заморозки конфликта, обеспечившим мир и относительную стабильность. С другой, заморозка и урегулирование – это все-таки не одно и то же. Спустя 30 лет, какие возможные сценарии для Боснии и Герцеговины?

Е.П.: Таких сценария три: разъединение, поглощение Республики Сербской Федерацией Боснии и Герцеговины⁶ и статус-кво.

30 лет – большой срок для истории. В октябре 2025 г. вышла замечательная книга «30 лет Дейтону: как поживаешь, Босния?» под редакцией моей коллеги Е.Г. Энтиной (Энтина и др., 2025). В ней на базе огромного количества социологических, экономических данных, интервью показана эволюция государства-фантома за 30 лет.

С точки зрения экономики интеграция в Боснии и Герцеговине развивается довольно активно. Например, в Республике Сербской есть предприятия, которые снабжают сырьем производственные мощности на территории Федерации БиГ. Бизнес так или иначе развивается.

Что касается социологических замеров, то они убедительно доказывают: единой нации, гражданской идентичности не сложилось. Однако главное, что показывают соцопросы, народы больше не хотят воевать. Это очень большое достижение.

В то же время на политическом «фронте» ситуация весьма напряженная. Прежде всего, речь о таком агрессивном по отношению к сербам решении Высокого представителя и Сараево как внесение летом 2021 г. в Уголовный кодекс БиГ (это решение не голосовалось в парламенте республики) положения «об ответственности за отрицание геноцида в Сребренице» и «прославление военных преступников» – таковыми названы сербы, участвовавшие

⁶ Боснийские мусульмане – название сербов, которые в период Османской империи приняли ислам. То есть потомки исламизированных сербов.

в войне 1992–1995 гг. Несогласным с западной и мусульманской трактовкой событий боснийской войны грозит тюремное заключение сроком от шести месяцев до пяти лет. Республика Сербская (РС) не признала введенные поправки в УК страны, а 7 декабря 2022 г. прокуратура БиГ возбудила уголовное дело против президента РС М. Додика и директора «Официального вестника Республики Сербской» М. Лукича «за неуважение к решениям высокого представителя ООН по БиГ Кристиана Шмидта»⁷. За это предусмотрено наказание в виде лишения свободы от полугода до пяти лет, а также запрет занимать обоим должности в законодательном, исполнительном, судебном, административном или любом органе, который полностью или частично финансируется из государственных средств.

Баня-Лука долго сопротивлялась, но силы неравны. С целью предотвращения институционального вакуума и обеспечения непрерывности работы органов власти в октябре 2025 г. Скупщина РС была вынуждена назначить временно исполняющую обязанности президента республики (Ана Тришич-Бабич). А 23 ноября 2025 г. состоялись внеочередные президентские выборы: новым президентом РС избран Синиша Каран, 40 лет проработавший в силовых структурах. Снятие американских санкций с руководства РС как следствие этого решения – еще одно свидетельство прямой включенности Вашингтона в балканские дела.

Использование технологии «отрицания геноцида» для того, чтобы расправиться с политическими оппонентами и унижить целый народ, предполагает масштабную обработку общественного сознания посредством кинематографа, компьютерных игр, музыки, шоу-бизнеса. Цель – зафиксировать превосходство боснийских мусульман. При таком подходе сценарий «поглощение» будет означать униженное положение сербов. Возможно, повторение политики прибалтийских лимитрофов по отношению к своему русскоязычному населению. Для сербов такой вариант невозможен.

Поэтому в Баня-Луке рассматривают два сценария: либо статус-кво, либо размежевание. Неслучайно, когда М. Додик были выдвинуты обвинения, он заявил о возможности проведения референдума об отделении. Поверьте, 90% жителей Республики Сербской проголосовали бы за отделение. Но в силу политической игры идея референдума «схлопнулась» и была снята с повестки. Пока же сохраняется статус-кво. Но учитывая то, как Запад стягивает «кольцо НАТОвластия» на Балканах⁸, Боснию и Герцеговину «удобнее» включить в альянс, если решить сербский вопрос. А потом уже разбираться с Сербией.

⁷ Плотников Н. (2023) Судебный фарс в Сараево. *Независимая газета*, 07.12.2023. Available at: https://www.ng.ru/kartblansh/2023-12-07/3_8897_kb.html (дата обращения: 29.12.2025).

⁸ На Балканах только БиГ и Сербия не являются членами НАТО.

С.Б.: Россия засвидетельствовала подписание **Общего рамочного соглашения о мире в Боснии и Герцеговине** и является одним из международных гарантов Дейтона. Однако в последние годы Москва оспаривает легитимность некоторых решений и назначений, например, о назначении нынешнего **Высокого представителя Кристиана Шмидта**⁹ – тогда, в 2021 году, Совет Безопасности ООН резолюцию о его утверждении на этом посту не принял. Насколько раскол среди постоянных членов СБ ООН подрывает эффективность международного присутствия в Боснии и Герцеговине и задает основу для дальнейшей конфронтации внутри страны?

Е.П.: Я бы не сказала, что именно раскол среди постоянных членов Совбеза подрывает эффективность международного присутствия.

«Государство переходного периода» или дейтонская Босния формировалось, исходя из трех принципов: (1) передачи почти всей полноты власти национальным субъектам (образованиям); (2) четкого соотношения национального представительства трех «основных» народов во всех центральных органах власти (1:1:1) и права вето; (3) временного участия ООН, ЕС и НАТО в работе основных секторов госуправления и в контроле над политическими институтами страны. Именно под этими принципами подписалась и ельцинская Россия.

Формально эти установки реализованы в системе организации центральной власти: пропорциональное представительство в Парламентской ассамблее, правительстве и Президиуме Биг. Принцип этнического представительства также зафиксирован в государственном устройстве Федерации Биг.

Но казус Дейтона – это, прежде всего, определение и решение всех «жизненно важных вопросов» международными структурами. С самого начала на практике это означало особую роль института **Высокого представителя (ВП)**, которому в соответствии с МС принадлежит ведущая роль в выполнении гражданских аспектов данного соглашения, мониторинге и координации мирного процесса.

За прошедшие с момента подписания Соглашений годы приоритеты деятельности аппарата **Высокого представителя (АВП)** менялись, но неизменным оставалось «окончательное *право толкования* гражданских аспектов осуществления МС, вынесения рекомендаций, а также обязательных решений, которые он считает необходимыми». Кроме того, работает принцип согласования политических, экономических и иных решений, который распространяется даже на послов, аккредитованных в Биг. Такая антисуверенная практика сценаристами Дейтона мотивируется необходимостью

⁹ *Министерство иностранных дел Российской Федерации* (2025) Статья Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова для сербской газеты «Политика» по случаю 30-летия подписания Дейтонского мирного соглашения. 14.12.2025. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2065350/ (дата обращения: 29.12.2025).

минимизации конфликтных ситуаций. Но, в конце концов, не минимизация конфликтных ситуаций стала приоритетом работы Высокого представителя, а, наоборот, их продуцирование.

К сказанному следует добавить, что аппарат имеет довольно внушительный для небольшой республики штат – около 100 чел., содержание которого выливается в серьезную сумму, выделяемую ООН. Только Высокий представитель имеет зарплату 24 тыс. евро в месяц. Помимо оплаты труда сотрудников нужно учесть расходы на содержание кабинетов, квартир, транспорт и т.п. В итоге набегает более пяти млн долл. в год.

Более десяти лет предпринимаются попытки закрытия АВП. В ходе визита 21 сентября 2018 г. в БиГ министр иностранных дел России С.В. Лавров четко зафиксировал позицию Москвы по этому вопросу: «Мы считаем абсолютно своевременной, если даже не перезревшей задачей, *освобождение БиГ от элементов внешнего управления и окончательное превращение страны в независимое суверенное государство, которое распоряжается своей судьбой*»¹⁰. С тех пор позиция Кремля не изменилась, однако это не оказывает никакого влияния на работу ВП. С 1 августа 2021 г., несмотря на официальные протесты России и Китая (22 июля 2021 г. СБ ООН отклонил российско-китайскую резолюцию об упразднении института Высокого представителя по Боснии и Герцеговине с 2022 года¹¹), этот пост занимает немецкий политик, член ХСС К. Шмидт.

Присутствие Высокого представителя в республике продиктовано геополитическими интересами внешних игроков – прежде всего, США и НАТО. Несмотря на то, что ответственность за миротворческую миссию в БиГ принял на себя Европейский союз, НАТО сохраняет штаб в Сараево и остается гарантом Мирного соглашения. Показательно, что в ходе пресс-конференции в Сараево, комментируя ситуацию, связанную с политически мотивированным приговором суда БиГ президенту Республики Сербской Милораду Додичу, генсек НАТО М. Рютте заявил, что «*НАТО не допустит вакуума безопасности в Боснии и Герцеговине*»¹². В переводе с натовского на русский это утверждение означает прямое вмешательство альянса и США во внутривнутриполитический процесс республики.

¹⁰ Министерство иностранных дел Российской Федерации (2018) Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Президентом Республики Сербской (Босния и Герцеговина) М. Додиком. Баян-Лука, 21.09.2018. Available at: <https://mid.ru/ru/maps/ba/1575944/> (дата обращения: 29.12.2025)

¹¹ Министерство иностранных дел Российской Федерации (2021) Комментарий официального представителя МИД России М.В. Захаровой в связи с итогами голосования в Совете Безопасности ООН по проекту резолюции о Высоком представителе по Боснии и Герцеговине. 23.07.2021. Available at: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1770000/ (дата обращения: 29.12.2025); Министерство иностранных дел Российской Федерации (2021) Интервью официального представителя МИД России М.В. Захаровой информационному агентству ТАСС. 15.12.2021. Available at: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790657/ (дата обращения: 29.12.2025).

¹² NATO (2025) Press statement by NATO Secretary General Mark Rutte with Members of the Presidency of Bosnia and Herzegovina. 10 March. Available at: <https://www.nato.int/en/news-and-events/events/transcripts/2025/03/10/press-statement> (accessed 30 December 2025).

Получается, что *Дейтон – это многоходовая операция*. На первом этапе, под прикрытием гуманитарных идей, гуманитарного занавеса было сформировано и сформулировано основание для неустойчивого, переходного образования под внешним управлением. На втором этапе – мягкая, перманентная ревизия Мирных соглашений, когда полномочия не передаются полностью национальным образованиям, не сворачивается деятельность Высокого представителя, а наоборот усиливается. То есть это ревизия с точки зрения минимизации полномочий Республики Сербской. А на третьем этапе возможно прогнозировать то, о чем я говорила ранее: вступление страны с реформированной политической системой в НАТО. В этом заключаются большая сложность и конфликтность.

С.Б.: Завершить хотелось бы острым вопросом – попытками переписывания истории, искажения, фальсификации исторической правды. Боснийская война 1990-х гг. по сути является, как Вы сами писали, «одним из самых вопиющих случаев фальсификации истории и возложения вины в межнациональных конфликтах на один народ – сербов». Это закрепляется в публичном, политико-правовом пространстве. Как – глобально – бороться с попытками искажения истории? Какие инструменты для этого есть?

Е.П.: Это крайне важный вопрос, и касается он не только Балкан.

Показательный пример. 23 мая 2024 года Генассамблея ООН приняла скандальную резолюцию о «*геноциде в Сребренице*»¹³, которая провозгласила сербов «геноцидным народом» и, в перспективе, поставила вопрос о легитимности существования Республики Сербской. Кто предложил эту резолюцию? Германия и Руанда. Верх цинизма! Гримаса истории. Приведу лишь несколько фактов из прошлого «борцов» с геноцидом. Итак, цифры.

Общие безвозвратные потери СССР во Второй мировой войне составляют 26,6 млн чел. Чисто военные потери (погибшие на полях сражений, от ранений, в лагерях и пропавшие без вести) историки оценивают в 11 млн 444 тыс. человек (Кривошеев и др., 2010: 43, 376). Количество советских военнопленных – 2 млн 722 400 человек, погибших и умерших в немецких лагерях из-за нечеловеческих условий содержания и жестокого обращения превышает общее число немецких военнопленных, умерших в советском плену, в пять с лишним раз (579 900 чел.)¹⁴. Оправдания такому отношению нет, но есть объяснение. Советские военнопленные уничтожались сознательно и целенаправленно! Ибо война против Советского Союза в понимании ее идеологов и исполнителей была войной на физическое уничтожение советских людей, львиную долю которых составляли русские. Именно о таком подходе говорят и потери среди мирного населения – 14 млн 700 тыс. человек. В это число входят умершие

¹³ РИА Новости (2024) Генассамблея ООН приняла скандальную резолюцию о «геноциде в Сребренице». 23.05.2024. Available at: <https://ria.ru/20240523/oon-1947981167.html> (дата обращения: 29.12.2025).

¹⁴ По данным Российского государственного военного архива (РГВА), потери среди военнопленных вермахта были еще ниже – 518 520 чел. или 14,9 % от общей численности. Остальные – 85,1 % – были освобождены и репатриированы (РГВА. Ф.1 п, оп. 32-6, д. 2, л. 8-9).

от голода, погибшие во время бомбежек и карательных акций, замученные в концентрационных лагерях, а также угнанные на работы в Германию и другие страны и не вернувшиеся домой. Важно знать и помнить, что 7 млн 420 390 советских людей (преимущественно славян) были истреблены Третьим Рейхом сознательно, на принудительных работах в Германии погибли 2 млн 164 тыс. 333 человек. От жестоких условий оккупационного режима (голод, болезни, отсутствие медицинской помощи и т. д.) умерло 4 млн 100 тыс. (Кривошеев и др., 2010: 373, 48).

За этими цифрами стоит человеконенавистническая философия и звериная жестокость. Вспомним знаменитую Памятку немецкому солдату, ставшую одним из документов обвинения на Нюрнбергском процессе. Приведу лишь небольшие цитаты: *«Помни и выполняй! 1) ... нет нервов, сердца, жалости – ты сделан из немецкого железа... 2) уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик... 3) ... мы поставим на колени весь мир...Германец – абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки... уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоём пути... Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир»* (Ильинский, 2015: 8).

Таким образом, руководство Третьего Рейха ставило цель физического уничтожения народов России и, прежде всего, славян и евреев. По итогам работы Нюрнбергского трибунала в 1948 г. в Конвенции ООН было зафиксировано четкое понятие геноцида. Это действия, *«совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: а) убийство членов такой группы; б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; в) преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; д) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую»*¹⁵. Ничего подобного сербы не совершали, а вот Третий Рейх и руандийские власти – да.

Геноцид руандийских тутси осуществлялся с апреля по июль 1994 года. По приказу правительства хуту он был хорошо спланирован и подготовлен. За несколько месяцев 1994 года, по разным оценкам, в Руанде погибло от 500 тысяч до миллиона человек¹⁶. Общее число жертв составило до 20 процентов от всего населения страны. Геноцид был спланирован руандийской политической элитой и непосредственно осуществлялся армией, жандармерией, группировками, которые поддерживались властями и гражданскими лицами.

¹⁵ Организация Объединенных Наций (б.д.) Конвенция ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 30.12.2025).

¹⁶ United Nations (n.d.) Historical Background. Outreach Programme on the 1994 Genocide against the Tutsi in Rwanda and the United Nations. Available at: <https://www.un.org/en/preventgenocide/rwanda/historical-background.shtml> (accessed December 29, 2025).

Имея за спиной такой геноцидный багаж, эти две страны выступают инициаторами обвинений против сербов. Повторюсь – верх цинизма. Но это вопрос организации процесса. А теперь о фальсификации. Накануне голосования по политической резолюции всем членам Генассамблеи ООН на их языках рассылается очень эмоциональный, тенденциозный и грубо искажающий события в Сребренице – фильм «Куда ты идешь, Аида?» (2020 г.). В значительной мере под влиянием эмоций многие члены ГА ООН, не знакомые с ситуацией в Боснии, проголосовали за резолюцию, осуждающую сербов.

Надо признать, что за последние 30 лет боснийскими и западными режиссерами была создана целая индустрия «мини-Холокоста»: «непрерывающегося поминовения жертв Сребреницы, которое идет параллельно с активностью на уровне НПО и международном уровне» (Энтина и др., 2025: 58), направленной на формирование культа жертвы среди боснийских мусульман и имеющей целью внедрить в сознание миллионов тезис не просто о виновности сербов, а об их виновности в «геноциде» боснийских мусульман – в геноциде, которого не было. В результате «нарратив самовиктимизации («игры в жертву») был изначально частью западного колониального нарратива, он прошел через идеологическую нормализацию и локализацию, стал частью локальной идентичности» (Hasanović, 2021: 90), но не только. Когда общественное сознание было подготовлено, пришло время для нормативных решений.

Решение ГА ООН и уголовное преследование руководства Республики Сербской – результат тотальной фальсификации событий боснийской войны, которая ведется не только посредством кино, но и мультипликации, компьютерных игр, музыки, в материалах СМИ.

Фальсификация истории – целенаправленный и не менее разрушительный по своим последствиям, чем прямая агрессия, процесс. Переформатирование сознания в условиях глобального противостояния – своеобразная «артподготовка», которая создает возможности для решения его инициаторами комплекса финансовых, экономических и геополитических задач. И на примере оценок боснийской войны мы хорошо это видим.

Противодействовать фальсификации истории, в том числе нашей, можно только тиражируя правду. Используя при этом набор доказавших свою эффективность инструментов – образование, кинематограф, театр, музыку, социальные сети, компьютерные игры. В том числе активно распространять информацию на языках стран-членов ООН.

С.Б.: Спасибо за беседу.

Список литературы:

1. Ильинский И.М. (2015) Миф о безмерных потерях СССР в Великой Отечественной войне. *Знание. Понимание. Умение* 1: 5–17. DOI: 10.17805/zpu.2015.1.1.
2. Кривошеев Г.Ф. (ред.) (2010) *Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь*. М.: Вече. 384 с.

3. Пономарева Е.Г. (2009) Босния и Герцеговина: государство-фантом. *Свободная мысль* 1: 69–84.
4. Пономарева Е.Г. (2011) Параметры государственной состоятельности: Босния и Герцеговина. *Сравнительная политика* 2(3(5)): 86–95. DOI: 10.18611/2221-3279-2011-2-3(5)-86-95.
5. Пономарева Е.Г. (2012) Узлы и модели балканских этнополитических конфликтов. *Пути к миру и безопасности* 1(42): 60–75.
6. Энтина Е.Г. (ред.) (2025) *30 лет Дейтону: как поживаешь, Босния?* М.: Зебра Е. 392 с.
7. Hasanović J. (2021) Mirroring Europeanization: Balkanization and auto-colonial narrative in Bosnia and Herzegovina. In: *The Unwanted Europeaness? Understanding Division and Inclusion in Contemporary Europe*. Berlin: De Gruyter. P. 79–106.

Comparative Politics. Volume 16. No. 3. July–September / 2025
DOI 10.46272/2221-3279-2025-3-16-6

THE PEACE AFTER: RESULTS AND LESSONS OF DAYTON ACCORDS

About the interviewee:

Dr. Elena G. PONOMAREVA – Professor, Department of Comparative Politics, MGIMO University.

ORCID: 0000-0001-8370-8597. E-mail: nastya304@mail.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

The interview was conducted by **Sofia K. BABKINA**, Junior Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University; Executive Secretary, “Comparative Politics Russia” Journal. ORCID: 0009-0004-6544-6190. E-mail: babkina.s.k@my.mgimo.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received December 24, 2025

Accepted December 30, 2025

Abstract: What was the significance of the Dayton Accords? Could a different, more effective model for resolving the crisis have been proposed? What does the future hold for Bosnia and Herzegovina? To discuss these matters, *Comparative Politics Russia* sat down with one of Russia’s leading experts on political processes in Central and Eastern Europe, Professor Elena G. Ponomareva, Doctor of Political Science, Department of Comparative Politics, MGIMO University.

The interview focuses on an analysis of the 30th anniversary of the Dayton Accords, which ended the Bosnian War of 1992–1995. Dr. Elena Ponomareva views Dayton as a symbol of the establishment of a new world order in the post-socialist space, associated with the strengthening of the influence of Western institutions and the loss of sovereignty of nation states. The expert highlights three key lessons of the Dayton: the priority of force in Western politics, the destructiveness of Russia’s unprincipled foreign policy in the 1990s, and the emergence of a new form of international protectionism, expressed in the external administration of Bosnia and Herzegovina. According to the professor, the state structure created under the terms of the agreement can be characterized as a “phantom state” – an entity that formally possesses the attributes of sovereignty but is in fact controlled from outside. Three possible scenarios for Bosnia and Herzegovina are discussed: maintaining the status quo, the absorption of the Republika Srpska into the Federation of BiH, and the separation of the entities.

Special attention is paid to Russia's role as guarantor of the Agreements and its current discrepancies with the West over the issue of international presence in Bosnia and Herzegovina. The interview concludes with an analysis of the problem of history falsification using the example of the Bosnian war, including the UN General Assembly resolution on the "genocide in Srebrenica." As a countermeasure to such practices, the active dissemination of historical truth using the tools of culture, education, and the media is proposed.

Keywords: Dayton, Dayton Accords, Bosnia and Herzegovina, Bosnian War, phantom state, transitional state

References:

1. Entina E.G. (ed.) (2025) *30 let Dejtonu: kak pozhivaesh', Bosniya? [30 years of Dayton: how are you doing, Bosnia?]*. Moscow: Zebra E. 392 p. (In Russian).
2. Hasanović J. (2021) Mirroring Europeanization: Balkanization and auto-colonial narrative in Bosnia and Herzegovina. In: *The Unwanted Europeaness? Understanding Division and Inclusion in Contemporary Europe*. Berlin: De Gruyter. P. 79–106.
3. Ilyinsky I.M. (2015) Mif o bezmernih poteryah SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne [The myth of the immense losses of the USSR in the Great Patriotic War]. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*1: 5–17. DOI: 10.17805/zpu.2015.1.1. (In Russian).
4. Krivosheev G.F. (ed.) (2010) *Velikaya Otechestvennaya bez grifa sekretnosti. Kniga poter' [The Great Patriotic War without secrecy. Book of Losses]*. Moscow: Veche. 384 p. (In Russian).
5. Ponomareva E.G. (2009) Bosniya i Gercegovina: gosudarstvo-fantom [Bosnia and Herzegovina: A Phantom State]. *Svobodnaya mysl' [Free Thought]*1: 69–84. (In Russian).
6. Ponomareva E.G. (2011) Parametry gosudarstvennoj sostoyatel'nosti: Bosniya i Gercegovina [Parameters of State Solvency: Bosnia and Herzegovina]. *Sravnitel'naya politika [Comparative Politics]*. 2(3(5)): 86–95. DOI: 10.18611/2221-3279-2011-2-3(5)-86-95. (In Russian).
7. Uzly i modeli balkanskih etnopoliticheskikh konfliktov [Knots and models of Balkan ethno-political conflicts]. *Puti k miru i bezopasnosti [Paths to Peace and Security]*1(42): 60–75. (In Russian).